
A Brief History of Neoliberalism

David Harvey

OXFORD
UNIVERSITY PRESS

Дэвид Харви

КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

АКТУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Перевод с английского Н. С. Брагиной

Москва
ПОКОЛЕНИЕ
2007

УДК 94:321.01
ББК 66.1(0)
Х20

Харви Дэвид

Х20 Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение/Пер. с англ. Н. С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. – 288 с.: ил.

ISBN 978-5-9763-0022-4 (рус.)

ISBN 0-19-928326-5 (англ.)

Теоретики неолиберализма проповедуют: все в мире продается и покупается. По их мнению, любое человеческое действие может быть вписано в систему рыночных отношений. Практики неолиберализма добиваются минимизации участия государства в экономике, приватизации госпредприятий и изменения финансовой системы. Последствиями подобной политики становятся уменьшение социальных гарантий, восстановление классового общества, усиление авторитаризма и подрыв демократических процессов.

Как сформировалась эта политическая доктрина, несущая огромную опасность, но тем не менее доминирующая в современном мире? Книга профессора антропологии Дэвида Харви исследует истоки и распространение неолиберализма. Он описывает деятельность его основоположников – Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана, а также показывает, какую роль в процессе распространения неолиберализма сыграли другие государства.

В «Краткой истории неолиберализма» Дэвид Харви анализирует окружающие нас политические и экономические опасности и дает материал, позволяющий оценить, является ли социально ориентированное демократическое общество реальной альтернативой неолиберализму. Эта книга обязательна для всех, кто хочет понять, что с нами происходит и как это изменить.

УДК 94:321.01
ББК 66.1(0)

Copyright©David Harvey, 2005.

«A Brief History of Neoliberalism» was originally published in English in 2005... This translation is published by arrangement with Oxford University Press.

«Краткая история неолиберализма» впервые была опубликована на английском языке в 2005 году. Данный перевод издан по соглашению с Oxford University Press.

© Брагина Н. С., перевод, 2007

© Амитон Е. Л., художественное

оформление, 2007

ISBN 978-5-9763-0022-4 (рус.)

ISBN 0-19-928326-5 (англ.)

© ООО «Издательство «Поколение», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Глава 1. <i>Свобода – это просто еще одно название...</i>	15
Глава 2. <i>Формирование консенсуса</i>	58
Глава 3. <i>Неолиберальное государство</i>	90
Глава 4. <i>Неравномерное географическое развитие</i>	121
Глава 5. <i>Неолиберализм «с китайским лицом»</i>	162
Глава 6. <i>Испытательный срок для неолиберализма</i>	204
Глава 7. <i>Будущее свободы</i>	244
Библиография	274
Благодарности	286

Неолиберализм – теория, согласно которой рыночный обмен является основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий, – стал доминировать в мыслях и делах жителей большинства государств земного шара примерно с 1970-х. Распространение новой теории шло параллельно с пересмотром взглядов на права государства, когда проводилась приватизация, изменялась финансовая система, более серьезное значение стали придавать рыночным процессам. Государственное вмешательство в экономику было сведено к минимуму, но обязательства государства, связанные с социальными гарантиями гражданам, сильно уменьшились. Дэвид Харви, автор книг *The Condition of Postmodernity* и *The New Imperialism*, рассказывает историю политических и экономических процессов, связанных с происхождением неолиберализма и его распространением по миру. Тэтчер и Рейгана часто цитируют в качестве основоположников неолиберального поворота, но Харви показывает и роль других государств, от Чили до Китая, от Нью-Йорка до Мехико, в этом процессе. Кроме того, он исследует сходства и отличия между неолиберализмом в понимании Клинтона и недавний поворот в сторону неоконсервативного либерализма администрации Джорджа Буша. Харви также предлагает читателям модель, с помощью которой можно не только анализировать политические и экономические опасности, окружающие нас, но и оценить, есть ли будущее у социально ориентированных альтернатив, которые поддерживают многие оппоненты неолибералов.

ВВЕДЕНИЕ

Будущие историки, скорее всего, назовут 1978–1980 годы поворотным, революционным периодом в мировой политической и экономической истории. В 1978 году Дэн Сяопин сделал первые судьбоносные шаги в направлении либерализации хозяйственной жизни одной из самых больших стран мира, находившейся тогда под коммунистическим правлением. Население Китая составляет одну пятую населения планеты. Путь, который тогда выбрал Дэн, имел целью через двадцать лет трансформировать китайскую экономику и превратить закрытую и отсталую страну – в открытый и динамичный центр капиталистического развития с высокими темпами роста, невиданными ранее в мировой истории хозяйства. В июле 1979 года по другую сторону Тихого океана в совершенно иных условиях на пост Председателя Федеральной резервной системы был назначен мало кому известный тогда (и знаменитый сегодня) Пол Волкер, который уже через два месяца кардинально изменил кредитно-денежную политику США. Тогда Федеральный резерв начал настоящую войну против инфляции – к каким бы последствиям (в частности, росту безработицы) это ни вело. В мае 1979 года по другую сторону Атлантики на пост премьер-министра Великобритании была выбрана Маргарет Тэтчер. Ей был выдан мандат на усмирении профсоюзов и на преодоление унизительной стагфляции – стагнации экономики на фоне инфляции, охватившей страну на протяжении последних десяти лет. В 1980 году президентом США был выбран Рональд Рейган. Используя свою общительность и личную харизму, он направил экономику страны на путь оживления – поддерживал начинания Волкера в Федеральном резерве и привнес в политику собственные идеи – укротить власть профсоюзов, провести дерегулирование в промышленно-

сти, сельском хозяйстве и добывающих отраслях. Рейган передал власть финансовым рынкам — как внутри США, так и на мировом уровне. Революционные импульсы из этих политических центров распространились по всему миру и запустили процесс его обновления — это придало современному миру совершенно новый облик.

Преобразования подобных масштабов и глубины не могут произойти в одночасье. Поэтому необходимо проанализировать, какими способами и путями эта новая экономическая политика, которую часто называют «глобализацией», стала пробиваться сквозь толщу старой жизни. Волкер, Рейган, Тэтчер и Дэн Сяопин опирались на интересы и аргументы меньшинства — эти идеи долго циркулировали в особых кругах мировой общественности — и со временем сделались доминирующей идеологией (всегда и везде за них нужно было упорно бороться) во многих странах. Рейган реанимировал традиции, которые восходят к периоду правления Республиканской партии Барри Голдуотером в начале 1960-х годов. Дэн Сяопин увидел «нарастающую приливную волну» благосостояния в Японии, на Тайване, в Гонконге, Сингапуре и Южной Корее. Он решил «проехать» на волне «рыночного социализма», заменив им экономику с централизованным планированием в интересах китайского государства. И Волкер, и Тэтчер извлекли на свет некую доктрину, которую позднее стали называть «неолиберальной», и превратили ее в основной принцип, стержень экономического мышления и менеджмента. Именно эту доктрину — ее истоки, взлет и применение — я и буду здесь исследовать¹.

Неолиберализм представляет собой в первую очередь политэкономическую теорию, выводы которой стали широко применять на практике. Согласно этой теории, индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности в условиях свободного рынка, хотя и в определенных институциональных границах — сильного права собственности, свободного рынка и свободной торговли. Роль государства при этом сводится к созданию и сохранению этих институциональных структур. Государство призвано гарантировать, например, надежность и целостность денег. Оно должно содержать ар-

мию и полицию, а также гарантировать обороноспособность страны. Государство должно сформировать законодательные структуры и выполнять все функции, необходимые для охраны священных прав частной собственности, гарантировать их соблюдение, если понадобится — то и силой, — а также обеспечивать «правильную» работу рынков. Более этого, если рынков не существовало ранее (например, в таких областях, как земля, вода, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и окружающая среда), то государство должно их создать, в том числе путем реальных действий правительства. Но государство при этом не может рисковать. Государственное вмешательство в работу рынков (после того, как они будут созданы) должно, согласно теории, ограничиваться необходимым минимумом. Государство не располагает никакой «дополнительной» информацией, чтобы оно могло предвосхищать сигналы рынка (цены), поскольку влиятельные группы неизбежно исказят его вмешательство в экономику (особенно в демократических странах) в своих интересах.

С 1970-х годов в большей части государств мира наметился серьезный поворот в сторону неолиберальной экономической политики и мышления. Дерегулирование, приватизация и уход государства из сферы социального обеспечения стали повсеместной практикой. Почти во всех странах — от новых государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза, до таких стран с социальной демократией старого образца, как Новая Зеландия и Швеция, — в том или ином виде, сознательно или под давлением мировых сил, были восприняты идеи неолиберализма. За этим последовали реальные изменения экономической политики. ЮАР, освободившись от апартеида, быстро прониклась идеями неолиберализма, более того — даже современный Китай, как мы увидим в дальнейшем, практически стал во главе движения к неолиберальной политике. Более того, защитники неолиберализма сегодня занимают ведущие позиции в области образования (в университетах и других «мозговых» центрах), в средствах массовой информации, в советах директоров корпораций и финансовых организациях, в ведущих государственных институтах (министерство финансов, центральные бан-

ки). Они заняли «круговую оборону» в таких мировых институтах, как Международный валютный фонд (IMF), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО), которые занимаются регулированием мировых финансовых потоков и торговли. Короче говоря, неолиберализм стал основным образом мышления по всему миру. Он оказал настолько глубокое воздействие на сознание, что стал доминировать в мыслях и делах простых людей. С позиций неолиберализма большинство из нас теперь оценивает свою жизнь и смотрит на мир.

Процесс неолиберализации спровоцировал «творческое разрушение» не только на уровне институций государства и власти (были даже подвергнуты пересмотру традиционные формы государственного суверенитета), — произошли глубокие изменения в разделении труда, социальных отношениях, социальном обеспечении, развитии технологий, образе жизни и даже — репродуктивной деятельности человека, институте гражданства и бытовых привычках. Неолиберализм, согласно которому рыночный обмен является основой для «целостной системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий, которая заменила собой все предшествующие этические нормы», признает ведущими контрактные отношения в условиях рынка². Согласно неолиберальной теории, социальные блага можно максимизировать путем максимизации объема и частоты рыночных транзакций. Более того: любые проявления человеческой деятельности могут быть вовлечены в рыночные отношения. Такой подход требует принципиально новых технологий для создания, накопления, хранения, передачи, анализа и использования информации — накопление и применение больших баз данных для принятия глобальных решений на рынках. Именно в эпоху неолиберализма начали бурно развиваться информационные технологии — а сам неолиберализм стали даже называть «информационным обществом». Эти технологии отражают уплотнение рыночных транзакций во времени и пространстве. Новые транзакции привели к мощному взрыву, о котором я где-то сказал, что он произошел в результате «сжатия пространства и времени». Причем чем больше оказывался географический масштаб (откуда и пошла идея

«глобализации») и чем короче условия рыночных контрактов, тем лучше. Это рассуждение напоминает знаменитое описание состояния в эпоху постмодернизма Лиотарда: «временные контракты вытесняют постоянные институты в профессиональной, эмоциональной, сексуальной и культурной областях, в международных отношениях, а также — в области политики». Я назвал культурные последствия засилья рыночной этики «повсеместными» в книге *The Condition of Postmodernity*³.

Многие факты и выводы в отношении глобальной трансформации и ее последствий уже широко известны. Недостает политико-экономического исследования того, откуда возник неолиберализм и почему он так быстро распространился по всему миру. Этот пробел и должна заполнить моя новая книга. Критический анализ этой истории дополняется здесь моделью, с помощью которой можно не только анализировать, но и конструировать политические и экономические альтернативы, которые поддерживают многие оппоненты неолибералов.

Я почерпнул массу полезной информации и идей в ходе бесед с Херардом Дюменилем, Сэмом Гиндиным и Лео Паничем. Я многим обязан Масао Мийоши, Джиованни Аррийи, Патрику Бонду, Синдии Кац, Нейлу Смиту, Бертель Олман, Марии Кайке и Эрику Свингедоу. Интерес к теме впервые возник у меня на Конференции по неолиберализму, организованной Фондом Розы Люксембург в Берлине в ноябре 2001 года. Я благодарен проректору Graduate Center Нью-Йоркского городского университета Биллу Келли, моим коллегам и студентам, в первую очередь тем (хотя и не только им одним), кто обучается по программе антропологии, за интерес и поддержку. Они не несут ответственности за последствия того, о чем я здесь написал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. George S., "A Short History of Neoliberalism: Twenty Years of Elite Economics and Emerging Opportunities for Structural

Change” в книге W. Bello, N. Bullard, and K. Malhotra (eds), *Global Finance: New Thinking on Regulating Capital Markets* (London: Zed Books, 2000), 27–35; G. Duménil, D. Lévy, *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*, перевод D. Jeffers (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2004); J. Peck, “Geography and Public Policy: Constructions of Neoliberalism”, *Progress in Human Geography*, 28/3 (2004), 392–405; J. Peck and A. Tickell, “Neoliberalizing Space”, *Antipode*, 34/2 (2002), 380–404; P. Treanor, “Neoliberalism: Origins, Theory, Definition”, <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neo-liberalism.html>.

2. Treanor P., “Neoliberalism”.
3. Harvey D., *The Condition of Postmodernity* (Oxford: Basil Blackwell, 1989); J.-F. Lyotard, *The Postmodern Condition* (Manchester: Manchester University Press, 1984), 66.

ГЛАВА 1

СВОБОДА — ЭТО ПРОСТО ЕЩЕ ОДНО НАЗВАНИЕ...

Для того чтобы какое-либо экономическое учение стало доминировать, оно должно оформиться в концептуальную систему, — достаточно развитую, чтобы апеллировать к нашей интуиции и инстинктам, нашим ценностям и желаниям, а также соответствовать возможностям, открывающимся в рамках существующей социальной системы. В случае успеха такая система становится частью общего «здорового смысла», и мы перестаем подвергать сомнению ее постулаты. Основатели неолиберализма использовали идеи человеческого достоинства и индивидуальной свободы в качестве основы — как «фундаментальные ценности цивилизации». Это был мудрый выбор, так как все эти идеи действительно кажутся людям привлекательными. Неолибералы утверждали, что эти фундаментальные ценности были поставлены под угрозу не только фашизмом, коммунизмом или любой диктатурой, но любым вмешательством государства в экономическую жизнь, когда оно пыталось подменить свободу выбора индивидуума коллективным принятием решений.

Многим близки идеи достоинства и личной свободы. Эти идеи лежали в основе движений диссидентов в странах Восточной Европы, Советском Союзе вплоть до окончания «холодной войны», и китайских студентов на площади Тяньаньмэнь. Студенческие движения, прокатившиеся по миру в 1968 году — от Парижа и Чикаго до Бангкока и Мехико, — в определенной степени были связаны со стремлением к свободе слова и личного выбора. В общем, эти идеи близки каждому, кто ценит свободу принятия решений.

Идея свободы, давно ставшая традиционной для Америки, в последние годы играла особую роль в развитии

США. События 11 сентября 2003 года — «9/11» — многие оценили как угрозу свободе. «Идея установления мира во всем мире и развития свобод,— сказал президент Буш в первую годовщину теракта в Нью-Йорке,— соответствует долгосрочным интересам Америки, отражает основные американские идеалы и объединяет союзников Америки». «Человечество может своими руками обеспечить триумф свободы над всеми ее давними врагами», «Соединенные Штаты готовы взять на себя ответственность и стать лидером в реализации этой великой миссии». Эти слова стали частью национальной оборонной стратегии США, одобренной вскоре после этого выступления. «Свобода есть дар Всевышнего каждому человеку,— сказал президент в более позднем выступлении, добавив: — Как величайшая держава на Земле, мы [США] обязаны способствовать распространению свободы»¹.

Когда все прочие соображения, оправдывающие развязывание войны против Ирака, оказались недостаточными, президент попытался использовать идею о том, что дарование Ираку свободы является достаточным основанием для начала военных действий. Граждане Ирака были освобождены — и это было самое главное. Но о какой свободе идет речь, если, как давно заметил критик Мэтью Арнольд, «свобода — отличный скакун, на котором можно умчаться очень далеко, но нужно знать направление»². Так в каком же направлении должны двигаться граждане Ирака на том скакуне свободы, который дарован им с помощью оружия?

Администрация Буша ответила на этот вопрос 19 сентября 2003 года, когда Пол Бремер, глава коалиционного переходного правительства Ирака, объявил о вводе в действие четырех законов, предполагающих «полную приватизацию общественных предприятий, неограниченные права собственности на иракский бизнес для иностранных компаний, возможность полной репатриации иностранного капитала из страны... обеспечение иностранного контроля над иракскими банками, равные права для местных и иностранных компаний... уничтожение практически всех торговых барьеров»³. Эти распоряжения распространялись на все области экономики, включая и обществен-

ные службы, средства информации, производство, услуги, транспорт, финансы и строительство. Исключением стала только нефтяная промышленность (якобы по причине ее особого статуса в качестве источника доходов для оплаты военных расходов и геополитического значения этой отрасли). Рынок труда при этом должен был жестко регулироваться. Забастовки в ключевых секторах экономики были запрещены, а права профсоюзов серьезно ограничены. Была введена крайне жесткая система «единого налога» (амбициозная налоговая политика, которую консерваторы долгое время пытались провести в США).

Существует мнение, что эти решения противоречат положениям Женевской и Гагской конвенций, в соответствии с которыми страна-победитель, оккупирующая чужие территории, имеет право охранять активы оккупированной страны, но не распродавать их⁴. Некоторые иракцы пытались сопротивляться насаждению в стране режима, который лондонский журнал *Economist* назвал «мечтой капиталиста». Один из членов сформированного США коалиционного переходного правительства Ирака серьезно критиковал попытку ввести в стране «фундаментализм свободного рынка», называя это решение «неверным логически и игнорирующим ход истории»⁵. Решения Бремера могли быть признаны незаконными, так как насаждались победившей стороной. Но они стали бы вполне легитимными, если бы их поддержало суверенное правительство страны. Временное правительство, назначенное США, начало действовать в конце июня 2004 года и было объявлено суверенным. Но на деле оно лишь обладало правом подтвердить ранее установленный порядок. Вплоть до момента передачи прав временному правительству Бремер обеспечил принятие новых законов, до мельчайших деталей определяющих правила свободного рынка и свободной торговли (даже по таким специфическим вопросам, как права интеллектуальной собственности и авторские права), в надежде, что новая институциональная система укоренится до такой степени, что ее будет очень сложно отменить⁶.

Согласно теории неолиберализма, шаги, намеченные Бремером, являются необходимым и достаточным условием для формирования богатого класса, а значит, и для улуч-

шения благосостояния населения страны в целом. Постулат о том, что личные свободы гарантированы свободой рынка и торговли, есть ключевое положение в неолиберальной системе взглядов. Оно же долгое время являлось основой политики США по отношению к другим странам⁷. Очевидно, что в Ираке США стремились сформировать государственный аппарат, чьей основной миссией было бы обеспечение условий для накопления капитала как местным, так и иностранным бизнесом. Я называю такой аппарат *неолиберальным государством*. Свобода, которую он поддерживает, отражает интересы частных собственников, компаний, международных корпораций и финансового капитала. Бремер пригласил иракцев отправиться на скакуне свободы прямо в неолиберальное стойло.

Тут стоит вспомнить, что первый эксперимент по созданию неолиберального государства был поставлен в Чили после переворота Пиночета 11 сентября 1973 года (почти за 30 лет до установления режима Бремера в Ираке). Переворот, направленный против демократически избранного правительства Сальвадора Альенде, был поддержан местной бизнес-элитой, напуганной начатым под предводительством Альенде движением страны в сторону социализма. Пиночета поддержали и американские корпорации, ЦРУ, госсекретарь США Генри Киссинджер. В результате переворота были жестоко подавлены все общественные движения и политические организации левого толка, были уничтожены все формы самоорганизации (например, общественные медицинские центры в бедных районах). Рынок труда был «освобожден» от влияния законодательных или институциональных ограничений (профсоюзов). Как же предполагалось оживить экономику страны? Политика замещения импорта (стимулирование национальной промышленности путем субсидий или протекционистских тарифов), которая широко использовалась в странах Латинской Америки в качестве инструментов стимулирования экономического развития, оказалась совершенно непригодной, особенно в Чили, где эти меры не работали с самого начала. Весь мир находился в состоянии экономического спада, и нужны были новые идеи.

В то время в университете Чикаго работала группа экономистов, которую нередко называют «чикагские мальчики» из-за их приверженности неолиберальным теориям Милтона Фридмана. Их пригласили помочь восстановить экономику Чили. Интересна и подоплека такого выбора. США финансировали обучение чилийских экономистов именно в университете Чикаго еще в 1950-е годы. Это было частью программы по нейтрализации левой идеологии в странах Латинской Америки в годы «холодной войны». Экономисты, получившие образование в Чикаго, стали со временем ведущими преподавателями частного Католического университета Сантьяго. В начале 1970-х годов бизнес-элита сформировала оппозицию Альенде под названием «собрание по понедельникам» и установила тесные отношения с экономистами, получившими образование в США, финансируя их исследовательскую работу. После того как генерал Густаво Ли, соперник Пиночета в борьбе за власть и сторонник кейнсианства, вышел в 1975 году из борьбы, Пиночет ввел эту группу экономистов в правительство. Их первой задачей были переговоры с Международным валютным фондом (МВФ) о займах для Чили. Работая с МВФ, эти экономисты реструктурировали экономику страны в соответствии с собственными теориями. Были отменены результаты национализации и снова приватизированы государственные активы, природные ресурсы (лесные, рыбные) были открыты для частной и нерегулируемой разработки (часто с применением силы по отношению к местному населению). Была приватизирована система социального обеспечения, введены стимулы для прямых иностранных инвестиций и свободная торговля. Государство гарантировало право иностранных компаний на вывоз прибылей, полученных от операций в Чили. Предпочтение отдавалось росту, основанному на экспорте, а не замещению импорта. Единственным сектором, оставшимся под контролем государства, была добыча меди (как нефть в Ираке). Это обеспечивало жизнеспособность государственного бюджета, так как доходы текли рекой напрямую в государственную казну. Оживление экономики Чили – повышение темпа роста, накопление капитала, рост рентабельности иностранных инвестиций – оказа-

лось недолговечным. Все рухнуло в 1982 году во время глобального долгового кризиса, разразившегося в Латинской Америке. В результате в последующие годы в стране начала применяться прагматическая и гораздо менее идеологизированная версия неолиберализма. Именно эта система и особенно ее прагматизм стали аргументами в пользу поворота в сторону неолиберализма и в Великобритании (после избрания Тэтчер) и в США (во времена Рейгана) в 1980-е. Уже не в первый раз жестокий эксперимент, проводимый в более отсталых странах, становится основой формирования политики в развитом центре (совсем как эксперименты с единым налогом в Ираке, которые проводились во времена Бремера)⁸.

Тот факт, что два таких очевидно схожих процесса реструктуризации государственного аппарата имели место под влиянием США, говорит о том, что именно имперское влияние США может лежать в основе стремительного распространения идеологии неолиберализма во всем мире, начиная с середины 1970-х. Такое влияние США, несомненно, имело место в течение последних тридцати лет, но этим ни в коем случае не исчерпывается история неолиберального течения, что мы увидим на примере развития этой идеологии в Китае. Более того, вовсе не США сделали Маргарет Тэтчер пионером неолиберализма в 1979 году. И отнюдь не влиянием США объясняется решение Китая встать на путь неолиберализма в 1978 году. Движение в сторону неолиберализма в 1980-х в Индии и в начале 1990-х в Швеции также нельзя объяснить исключительно влиянием США. Неодинаковое развитие неолиберализма в разных частях света определялось сложным процессом со многими составляющими, — процессом, не лишенным хаоса и неразберихи. Почему же произошел неолиберальный поворот? Какие силы способствовали его превращению в ведущую идеологию современного капитализма?

ПОЧЕМУ ПРОИЗОШЕЛ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

Ограничения государственного влияния на международные отношения после окончания Второй мировой войны

были необходимы, чтобы предотвратить повторение катастрофы, нанесшей жестокий удар капиталистической системе в 1930-е годы. Кроме того, новая система должна была предотвратить дальнейшее геополитическое соперничество стран, уже однажды приведшее мир к войне. Для обеспечения мира и спокойствия был необходим некий компромисс между капиталом и рабочим классом. Вероятно, лучше всего идеология того времени представлена в рассуждениях двух знаменитых социологов Роберта Дала и Чарльза Линдблома, опубликованных в 1953 году. Они утверждали, что и капитализм, и коммунизм в чистом виде оказались несостоятельны. Единственно возможный путь развития — создание оптимального баланса власти государства, рынка и демократических институтов, который был призван гарантировать мир, единство, благополучие и стабильность⁹. В мировом масштабе новый порядок был установлен на основе Бреттон-Вудских соглашений, а также с введением разнообразных международных институтов, например Организации Объединенных Наций, Всемирного банка, МВФ, Банка международных расчетов в Базеле — все они были созданы для стабилизации международных экономических отношений. Свободу торговли стимулировали в рамках системы фиксированных обменных курсов валют, в основе которой лежал принцип конвертируемости американского доллара в золото по фиксированной цене. Фиксированные обменные курсы были несовместимы с принципом свободы движения капитала, и США пришлось согласиться со свободным обращением доллара за пределами страны, так как доллар должен был служить мировой резервной валютой. Эта система существовала под защитой американской военной мощи. Только Советский Союз и «холодная война» ограничили распространение новой системы.

После Второй мировой войны в Европе возникло множество социальных демократий, христианских демократий и государств с централизованной системой управления. США превратились в либеральную демократию. В Японии под наблюдением США была выстроена номинально демократическая, а фактически — бюрократическая государст-

венная система, призванная контролировать восстановление страны. Все эти формы государственного устройства имели нечто общее в идеологии: основной задачей государства признавалось обеспечение полной занятости, поддержание экономического роста и благополучия граждан. Параллельно, а иногда и вместе с государственной властью допускалось существование рыночных процессов для достижения поставленных целей. Широко использовалась фискальная и монетарная политика, которую обычно называли «кейнсианской», чтобы сгладить цикличность в развитии экономики и обеспечить адекватный уровень занятости. «Классовый компромисс» между капиталом и рабочим классом признавался, как правило, в качестве основной гарантии спокойствия в стране: Государство активно вмешивалось в промышленную политику и определяло уровень социального благополучия, создавая системы социального обеспечения (здравоохранение, образование и т. п.).

Такая форма политико-экономической организации в наше время стала называться «встроенный либерализм». Это определение должно отражать тот факт, что рыночные процессы, а также деятельность предпринимателей и корпораций происходят в условиях социальных и политических ограничений и в рамках принятого законодательного пространства, которое иногда сдерживает, а иногда и стимулирует развитие экономической и промышленной стратегии¹⁰. Государство нередко не только занималось планированием, но и напрямую владело и управляло некоторыми отраслями (добыча угля, производство стали, автомобилестроение), как, например, в Великобритании, Франции и Италии. Неолиберализм предполагал освобождение капитала от подобных ограничений.

Встроенный, или компромиссный, либерализм обеспечивал высокий темп экономического роста в развитых капиталистических странах в 1950–1960-е годы¹¹. Отчасти это зависело от того, насколько США были готовы поддерживать дефицит внешнеторгового баланса и удерживать излишки товаров в пределах собственных границ. Эта система обладала определенными преимуществами, например способствовала расширению экспортных рынков (прежде всего для Японии, но и некоторых стран Южной

Америки и Юго-Восточной Азии). Однако попытки аналогичным образом стимулировать развитие других стран ни к чему не привели. Для большей части стран «третьего мира», особенно для стран Африки, «встроенный либерализм» оставался неосуществимой мечтой. Сдвиг в сторону неолиберализации после 1980 года не принес существенных перемен – эти страны по-прежнему оставались на грани нищеты. В развитых капиталистических странах государство проводило политику перераспределения (политическая интеграция рабочих профсоюзов в процесс переговоров), осуществляло контроль над свободой передвижения капитала (определенные финансовые ограничения перемещения капитала), увеличивало расходы в общественном секторе и формировало гарантии социального обеспечения. Государство активно вмешивалось в экономику и в целом планировало экономическое развитие страны. Все эти меры обеспечивали относительно высокие темпы экономического роста. Цикличность деловой активности контролировалась путем проведения кейнсианской фискальной и денежной политики. Экономика становилась социально ориентированной, она все больше опиралась на определенные моральные нормы (что нередко напрямую связывали с национальным самоопределением), а государство вело интервенционистскую политику. Фактически государство превратилось в поле противоборства классовых интересов. Организации, представляющие интересы рабочего класса – профсоюзы и политические партии левого толка, – серьезно влияли на деятельность государственного аппарата.

К концу 1960-х «встроенный либерализм» начал разрушаться и на международном уровне, и в рамках отдельных государств. Все более явными становились признаки серьезного кризиса перенакопления капитала. Безработица и инфляция стремительно росли. Началась глобальная фаза «стагфляции», которая продлилась почти до конца 1970-х годов. Фискальный кризис, разразившийся во многих странах (Великобритании вообще пришлось выйти из МВФ в 1975–1976 годах), привел к тому, что объем налоговых сборов резко сократился, а социальные расходы возросли. Кейнсианская политика больше не работала. Еще до арабо-израиль-

ского конфликта и эмбарго ОПЕК 1973 года Бреттон-Вудская система фиксированных обменных курсов валют, обеспеченных золотыми резервами, перестала работать. В условиях, когда капитал мог свободно перемещаться через государственные границы, система фиксированных обменных курсов существовать не могла. Во всем мире все активнее использовался американский доллар, в том числе и в качестве депозитов в европейских банках. Этот процесс сами Соединенные Штаты уже не контролировали. Фиксированные курсы обмена были отменены в 1971 году. Золото уже не годилось в качестве обеспечения международных платежных средств. Теперь обменные курсы могли свободно изменяться, и попытки государств контролировать эти изменения вскоре прекратились. «Встроенный либерализм», обеспечивший высокие темпы роста хотя бы в наиболее развитых странах после 1945 года, явно исчерпал себя. Необходима была альтернативная система общественного устройства, которая позволила бы преодолеть этот кризис.

Одна из альтернатив состояла в усилении государственного контроля и регулировании экономики на основе стратегий корпоративного характера (включая при необходимости и ограничение профсоюзов и общественных движений путем жестких мер, контроля над уровнем зарплат и цен, манипуляций уровнем доходов). Такой подход был использован социалистическими и коммунистическими партиями в странах Европы, которые рассчитывали на успех экспериментов по установлению местного самоуправления в отдельных регионах, например в «красной Болонье» в Италии, на революционные преобразования в Португалии в момент падения фашистского режима, на поворот к более открытому рыночному социализму и идеям «еврокоммунизма», особенно в Италии (под руководством Энрико Берлингуэра) и в Испании (под влиянием Сантьяго Каррильо), или на распространение традиций сильного социально ориентированного государства по примеру Скандинавских стран. Левые силы принимали активное участие в процессе реализации подобных программ. Они обладали серьезным влиянием в Италии и оказались во главе государства в Португалии, Франции, Испании и Великобритании, удерживали власть в Скандинавских странах. Да-

же в Соединенных Штатах конгресс, контролируемый демократической партией, законодательно инициировал серьезную волну реформ в начале 1970-х годов (одобренную Ричардом Никсоном, президентом-республиканцем, который в процессе разработки реформ даже сказал как-то: «Все мы теперь кейнсианцы»). Реформа касалась многих областей – от защиты окружающей среды до безопасности и охраны труда, гражданских прав и прав потребителя¹². Но левым не удалось пойти дальше традиционных социал-демократических и корпоративистских решений, и к середине 1970-х годов стало очевидным несоответствие этих решений насущным задачам накопления капитала. В результате возникло два лагеря, в одном оказались сторонники социал-демократии и централизованного планирования (которые, придя к власти, как, например, британские лейбористы, нередко начинали пренебрегать интересами собственных избирателей из прагматических соображений), а в другой попали те, кто склонялся в пользу поддержания интересов корпораций и бизнеса и восстановления свободного рынка. К середине 1970-х именно они одержали верх.

Но что же требовалось для обеспечения благоприятных условий для активного накопления капитала? Как и почему неолиберализм оказался единственным решением всей совокупности проблем? Оглядываясь назад, можно утверждать, что ответ очевиден и однозначен, но в то время, я думаю, никто не знал и не понимал, где искать решение. Капиталистический мир пришел к неолиберализму как решению текущих проблем после многих проб и ошибок. По-настоящему такое решение было призвано только с появлением так называемого «Вашингтонского консенсуса» в 1990-е годы. К тому времени и Клинтон, и Блэр могли, перефразировав высказывание Никсона, сказать: «Теперь мы все неолибералы». Неравномерное развитие неолиберализма в разных географических областях, неодинаковое применение его принципов в экономической политике разных стран и социальных формаций, подтверждает неоднозначность неолиберальных подходов и сложность условий, в которых политические силы, исторические традиции и существующие ин-

ституциональные схемы формировали причины, в результате которых возник сам процесс неолиберализации.

Существует, однако, один элемент этого переходного процесса, который заслуживает особого внимания. Кризис накопления капитала, разразившийся в 1970-е годы, повлиял на все без исключения страны – выросла безработица и усилилась инфляция (рис. 1.1). Нарастала неудовле-

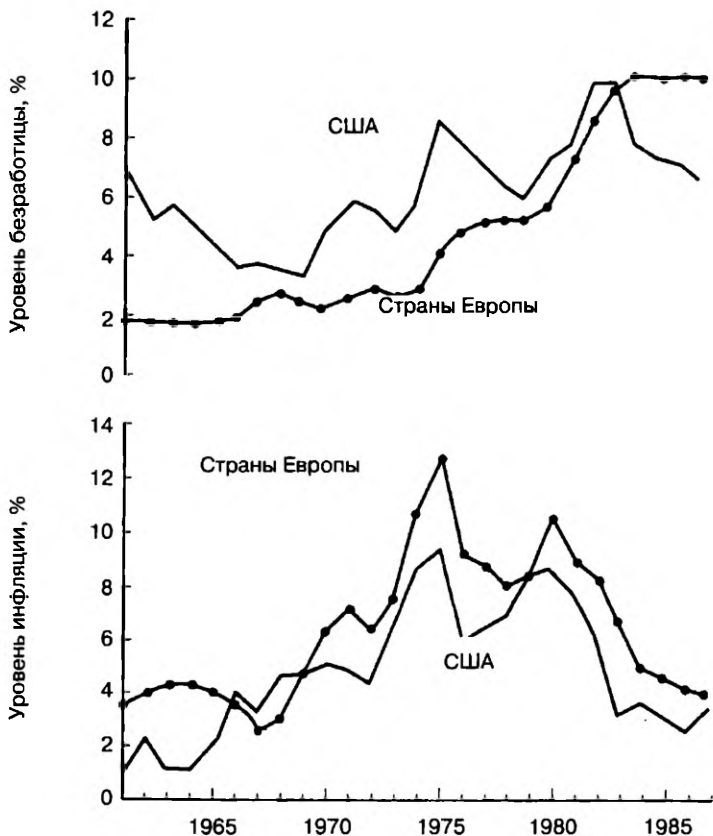

Рис. 1.1. Экономический кризис 1970-х годов: инфляция и безработица в США и Европе, 1960–1987 годы.

Источник: Harvey. *The Condition of Postmodernity*

творенность. Объединение профсоюзного и социального движения в городах практически во всех развитых капиталистических странах указывало на возникновение нового, альтернативного компромисса между капиталом и рабочим классом на этот раз социалистического толка, который так успешно стимулировал процесс накопления капитала сразу после Второй мировой войны. Коммунисты и социалисты приобретали все больший вес. И практически по всей Европе и даже в США популистские силы активно способствовали распространению реформ и росту влияния государства. Над интересами экономической элиты и правящего класса как в развитых капиталистических странах (Италия, Франция, Испания и Португалия), так и во многих развивающихся странах (Чили, Мексика, Аргентина) нависла явная *политическая угроза*. В Швеции известный план Ренна—Мейднера предполагал постепенный выкуп доли собственников в их бизнесах и превращение страны в рабоче-собственническую демократию. Одновременно все более ощутимой становилась и *экономическая угроза* существующим позициям правящей элиты. Одним из условий послевоенного устройства практически во всех странах было ограничение экономической власти правящего класса и перераспределение влияния в пользу трудящихся. Например, в США доля национального дохода, приходящая на 1% наиболее богатых граждан, упала с 16% (довоенный показатель) до 8% к концу Второй мировой войны и оставалась примерно на том же уровне в течение почти трех десятилетий. Пока сохранялись высокие темпы роста, ограничения, касающиеся правящего класса, не казались слишком значительными. Но одно дело располагать неизменной долей в растущем пироге. Когда же в 1970-е годы рост прекратился и реальные процентные ставки оказались отрицательными, а дивиденды и прибыли уменьшились практически до нуля, верхушка общества почувствовала угрозу. В США уровень богатства (но не доходов), контролируемого 1% самых влиятельных граждан, практически не изменялся на протяжении всего XX века, но начал стремительно снижаться в 1970-е (рис. 1.2), с падением стоимости активов (акций, недвижимости, сбережений). Граждане, относящиеся к верхушке общества,

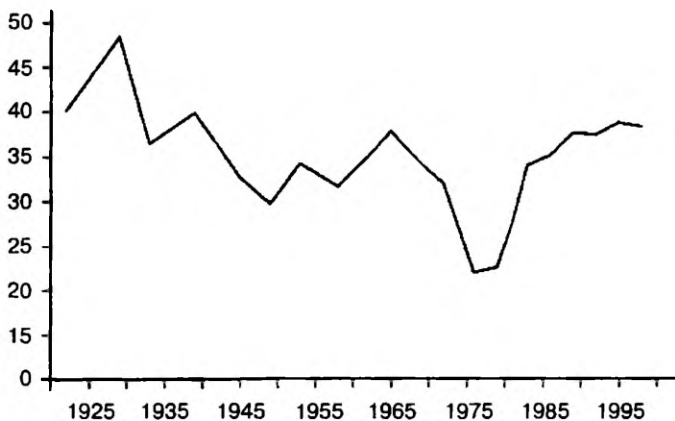

Рис. 1.2. Снижение уровня благосостояния в 1970-е годы: доля активов, которыми владели 1% самых состоятельных граждан США, 1922–1998 гг.

Источник: Duménil and Lévy. Capital Resurgent

должны были быстро принимать решения, чтобы защитить себя от политического и экономического уничтожения.

Переворот в Чили и военный заговор в Аргентине, инициированные изнутри верхушкой общества и поддержанные США, были одними из возможных решений. Последовавший за ними чилийский неолиберальный эксперимент показал, что преимущества от возобновления процесса накопления капитала были в значительной степени потеряны в условиях насильственной приватизации. В начале и страна, и ее правящая элита, а также иностранные инвесторы благоденствовали. Эффект от перераспределения и рост социального неравенства оказались настолько неотъемлемой частью неолиберального процесса, что воспринимались как структурная составляющая эксперимента. Жерар Дюменил и Доминик Леви, проанализировав имеющиеся данные, пришли к выводу, что неолиберальная фаза неизбежно предполагала восстановление классовой структуры общества. В результате проведения неолиберальной политики в конце 1970-х доля национального дохода в распоряжении 1% наиболее богатых гражд-

дан США взлетела к концу столетия до 15% (почти достигнув предвоенного уровня). Доля национального дохода, приходящегося на 0,1% самых богатых граждан США, увеличилась с 2% в 1978 году почти до 6% к 1999-му. При этом соотношение средней заработной платы топ-менеджера и рабочего в американских корпорациях выросло с 30:1 (в начале 1970-х) до почти 500:1 к 2000 году (рис. 1.3 и 1.4). С большой долей вероятности можно утверждать, что в результате налоговых реформ, проводимых администрацией Буша, происходит концентрация дохода и богатства в верхних слоях общества, так как налог на наследство (то есть на унаследованное богатство) постепенно исчезает, налог на доходы и прибыль от инвестиций также уменьшается, а налогообложение заработной платы остается неизменным¹³.

США – не единственная страна, оказавшаяся в подобной ситуации. В Великобритании в период с 1982 года 1% наиболее состоятельных людей удвоили свою долю в

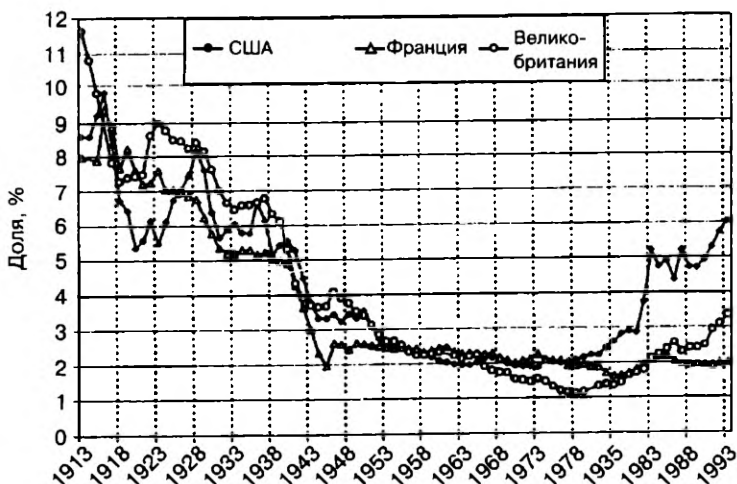
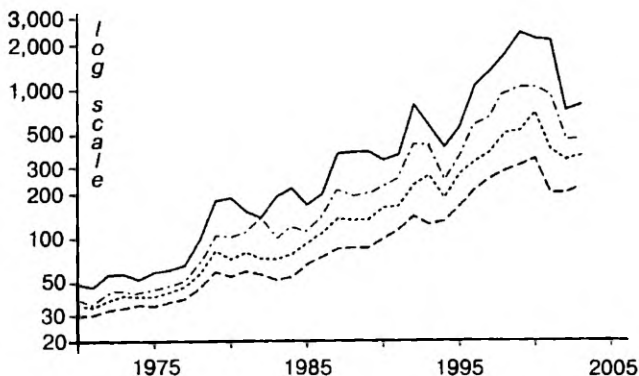

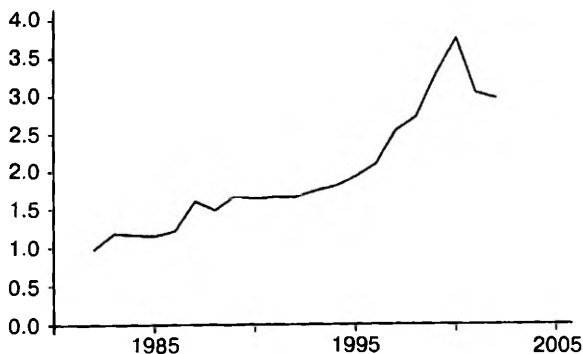
Рис. 1.3. Восстановление классового деления: доля национального дохода, принадлежащая 0,1% богатейших граждан в США, Великобритании и Франции в 1913–1998 годах.

Источник: Task Force on Inequality and American Democracy, *American Democracy in an Age of Rising Inequality*

- 10 наиболее высокооплачиваемых руководителей компаний
- 50 наиболее высокооплачиваемых руководителей компаний
- .-.-.- 100 наиболее высокооплачиваемых руководителей компаний
- Средний размер компенсации руководителей компаний, входящих в 100 наиболее высокооплачиваемых менеджеров

Первые три кривые показывают рост зарплат топ-менеджеров в зависимости от того, входит ли менеджер в 10, 50 или 100 наиболее высокооплачиваемых сотрудников. Четвертая кривая описывает изменение размера компенсации руководителей компаний, входящих в 100 наиболее высокооплачиваемых менеджеров. Заметьте, что средняя зарплата выражена в тысячах долларов США.

- Верхний уровень доходов .0002% (404 в 2000 году)
- Верхний уровень доходов .00005% (101 в 2000 году)

Рис. 1.4. Концентрация богатства и дохода в США: доходы топ-менеджеров в сравнении со средними зарплатами наемных работников в 1970–2003 годах и доля наиболее богатых семей в общем богатстве в 1982–2002 годах.

Источник: Duménil and Lévy. *Neoliberal Income Trends*

национальном доходе с 6,5% до 13%. Если мы посмотрим глубже, то убедимся в необычной концентрации богатства и власти повсеместно. После неолиберальной «шоковой терапии», проведенной в 1990-х, в России образовалась маленькая и властная олигархическая система. Невероятный взлет неравенства доходов и богатства произошел в Китае после того, как там была введена практика свободного рынка. В результате волны приватизации в Мексике после 1992 года несколько граждан этой страны (например, Карлос Слим) вошли в число самых богатых людей мира по версии журнала *Fortune*. «В странах Восточной Европы и СНГ наблюдается невиданный ранее рост... социального неравенства. В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, также наблюдался серьезный рост неравенства в 1990-х», тогда как «разрыв в доходах одной пятой людей, живущих в наиболее богатых странах, и одной пятой живущих в наиболее бедных странах составлял 74:1 в 1997 году, 60:1 – в 1990 году и 30:1 – в 1960 году»¹⁴. Существуют и исключения из общей тенденции (в некоторых странах Восточной и Юго-Восточной Азии разрыв в уровне доходов самых богатых и наиболее бедных граждан остается пока на «разумном» уровне – как и во Франции, см. рис. 1.3). Однако факты подтверждают, что неолиберальный поворот в определенной степени связан с восстановлением силы экономической элиты общества.

Таким образом, мы можем говорить о неолиберализации либо как об *утопическом проекте*, призванном воплотить теоретическую модель реорганизации международного капитализма, либо как о *политическом проекте*, связанном с восстановлением условий для накопления капитала и власти экономической элиты. Я берусь утверждать, что на практике доминировала вторая из двух целей. Неолиберализация оказалась не очень эффективной для возрождения глобального процесса накопления капитала, но она оказалась невероятно успешной в отношении восстановления, а в некоторых случаях и предоставления власти новой (как это произошло в России или Китае) экономической элиты. Теоретический утопизм неолиберальной теории, я думаю, оказался действенным прежде всего в качестве системы оправдания и леги-

тимизации любых средств, способствовавших достижению этой цели. Более того, факты подтверждают, что когда неолиберальные принципы вступают в конфликт с потребностью восстановления или укрепления власти элиты общества, то именно от этих принципов либо отказываются вовсе, либо изменяют их до неузнаваемости. Это ни в коей мере не отрицает способности идей становиться движущей силой историческо-географических перемен. Тем не менее становится очевидным наличие некоего «творческого» трения между влиянием неолиберальных идей и реальной практикой неолиберализма, изменившей процесс функционирования всего мирового капитала на протяжении последних тридцати лет.

ПОДЪЕМ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Неолиберализм как потенциальный антипод капиталистическому социальному порядку и как инструмент разрешения проблем, присущих капитализму, долгое время скрывался под крылом общественной политики. Небольшая закрытая группа убежденных сторонников — в основном ученых-экономистов, историков, философов — объединилась вокруг известного австрийского политического философа Фридриха фон Хайека с целью создания в 1947 году Общества Мон-Пелерин (Mont Pelerin Society), названного так по имени курорта в Швейцарии, где проходили встречи. В числе наиболее известных участников — Людвиг фон Мизес, экономист Милтон Фридман и даже известный философ Карл Поппер. Философию общества можно описать следующим образом:

«Ключевые ценности цивилизации в опасности. На значительном пространстве Земли важнейшие условия для поддержания человеческого достоинства и свободы уже исчезли. В других районах им постоянно угрожают современные политические процессы. Положение личности и добровольных объединений граждан все больше подавляется произволом власти. Даже наибольшая ценность человека западной цивилизации — свобода мысли и самовыражения — оказалась под

угрозой из-за распространения убеждений, которые, требуя толерантного к себе отношения и находясь пока в меньшинстве, стремятся добиться такого влияния, которое позволило бы подавить и искоренить все прочие точки зрения.

Члены нашей группы убеждены, что подобные процессы стимулируют развитие таких взглядов на историю, в соответствии с которыми отрицаются все абсолютные моральные нормы, а также развитие теорий, которые ставят под сомнение безусловную непреложность права. Кроме того, мы считаем, что подобные явления стали возможными в результате ослабления веры в частную собственность и рыночную конкуренцию. Без распространения влияния и инициативы, связанной с собственностью и конкуренцией, сложно представить себе общество, в котором можно было бы реально защитить свободу»¹⁵.

Члены группы считали себя «либералами» (в традиционном европейском понимании) из-за непоколебимой верности идеалам личной свободы. Ассоциация с неолиберализмом указывала на их приверженность принципам свободного рынка, провозглашенным экономистами-неоклассиками, которые были сформулированы во второй половине XIX века (благодаря работам Альфреда Маршалла, Уильяма Стэнли Джевонса, Леона Вальраса) и пришли на смену более ранним классическим теориям Адама Смита, Давида Рикардо и, разумеется, Карла Маркса. Они, однако, не отрицали идеи Адама Смита о том, что «скрытая рука» рынка является наилучшим способом контролировать даже базовые человеческие инстинкты – обжорство, жадность, стремление к богатству и власти – для общего блага. Неолиберальная доктрина оказалась, таким образом, в принципиальной оппозиции теориям вмешательства государства, – например, теории Джона Мейнарда Кейнса, ставшей популярной в 1930-х как реакция на Великую депрессию. Многие политики после Второй мировой войны надеялись использовать кейнсианскую теорию в качестве инструмента контроля над цикличностью деловой активности. Еще агрессивнее неолибералы высказывались против теорий, поддерживающих централизованное государственное планирование. Одна из таких теорий была сформулирована Оскаром Ланге, который поддерживал

многие положения марксизма. Решения государства, утверждали неоллибералы, неизбежно будут приниматься под влиянием политических интересов и зависеть от расклада сил между заинтересованными политическими группами (профсоюзы, защитники окружающей среды, промышленные и торговые лоббисты). Решения государства по вопросам инвестиций и накопления капитала всегда были бы ошибочными еще и потому, что государство никогда не располагает такой полнотой информации, которая доступна рынку.

Эта теория не была, как указывали многие аналитики, абсолютно последовательной¹⁶. Научная строгость сторонников неоклассической экономической теории не вполне сочетается с идеалами личной свободы, а их неверие во всемогущество государства идет вразрез с провозглашенной ими же потребностью в сильном государстве, которое может гарантировать защиту прав частной собственности, личных свобод и свободы предпринимательства. Юридическая уловка, якобы уравнивающая корпорации и частных лиц перед лицом закона, стала основой ироничного кредо Джона Рокфеллера, высеченного в камне в Рокфеллер-центре в Нью-Йорке. Надпись гласит, что «наивысшей ценностью является человеческая личность». Как мы позже увидим, в неоллиберальной позиции существует немало противоречий. Реальные действия неоллибералов (в отношении таких вопросов, как власть монополий или несостоятельность рынка) оказываются мало похожими на, казалось бы, безупречно чистую неоллиберальную доктрину. Мы должны проявлять максимальное внимание к имеющимся трениям между теорией неоллиберализма и реальным прагматическим действиям неоллибералов.

Фон Хайек, автор таких фундаментальных работ, как *The Constitution of Liberty*, оказался провидцем, утверждая, что именно противостояние идей является самым важным моментом политической борьбы и что, скорее всего, потребуется, как минимум, одно поколение, чтобы выиграть это противостояние — не только с идеями марксизма, но и с идеологией социализма, государственного планирования и кейнсианских идей государственного вмешательства в экономику. Общество Мон-Пелерин добилось политиче-

ской и финансовой поддержки. В частности, в США влиятельная группа состоятельных граждан и руководителей корпораций, интуитивно сопротивлявшихся любым формам государственного вмешательства и регулирования и даже интернационализации, стремилась организовать оппозицию усиливающемуся стремлению формировать смешанную экономику. Опасаясь того, как последствия сложившегося в годы Второй мировой войны альянса с Советским Союзом и возникшей в США командной экономики могут сказаться на послевоенной политике, эти люди были готовы принять любые идеи, от маккартизма до неолиберализма, лишь бы защитить и укрепить собственное влияние. Тем не менее это движение не оказывало серьезного влияния ни на политику, ни на научный мир до начала 1970-х годов. В эти годы идеи, остававшиеся прежде мало популярными, стали постепенно играть центральную роль в экономической политике, особенно в США и Великобритании. Теперь их обсуждали в разнообразных исследовательских группах (последователях Общества Мон-Пелерин, как, например, Институт экономических отношений (Institute of Economic Affairs) в Лондоне и Heritage Foundation в Вашингтоне). Популярность этих идей росла и в академических кругах, особенно в Чикагском университете, где господствовали идеи Милтона Фридмана. Неолиберальная теория получила академическое признание после того, как в 1974 году фон Хайек получил Нобелевскую премию, а в 1976 году – и Милтон Фридман. Премия по экономике, хотя и ассоциировавшаяся по-прежнему с Нобелем, на деле не имела ничего общего с премиями по другим дисциплинам, оставаясь под жестким контролем банковской элиты Швеции. Неолиберальная теория, особенно в монетарном обличье, начала практически влиять на некоторые области политики. Во время правления президента Картера дерегулирование экономики стало одним из ответов на хроническое состояние стагфляции, в котором Соединенные Штаты находились на протяжении 1970-х годов. Превращение неолиберализма в новую экономическую доктрину, призванную регулировать общественную политику на государственном уровне в развитых капиталистических странах, произошло в США и Великобритании в 1979 году.

В мае того же года Маргарет Тэтчер была избрана премьер-министром Великобритании с надеждой на серьезные реформы в экономике. Под влиянием Кита Джозефа, активного и убежденного публициста с серьезными связями в неолиберальном Институте экономических отношений, М. Тэтчер поддержала идею о том, что кейнсианство должно быть забыто и что монетаристские решения, определяющие спрос, должны стать ключевыми для борьбы со стагфляцией. Она признавала, что это означает не что иное, как революцию в фискальной и социальной политике, и немедленно дала понять, что намерена во что бы то ни стало изменить институты и политические приемы социал-демократов, принятые в Великобритании после 1945 года. Новая политика предполагала конфронтацию с профсоюзами, неприятие любых форм социальной солидарности, подрывающих основы конкуренции и гибкости (особенно те, что выражались в муниципальном управлении и особенном влиянии отдельных профессиональных союзов), отказ или серьезное сокращение всех обязательств государства, связанных с социальными гарантиями, приватизацию государственных предприятий (включая и муниципальное жилье), снижение налогов, поощрение предпринимательской активности, создание благоприятного делового климата и поощрение иностранных инвестиций (особенно из Японии). Как заявляла Тэтчер, не существовало «такого явления, как общество, — только отдельные мужчины и женщины» и, как она же добавила позже, еще и их семьи. Все формы социальной солидарности должны были исчезнуть и уступить место индивидуализму, частной собственности, личной ответственности, семейным интересам. Идеологическая атака, которую Тэтчер вела в поддержку новых ценностей, была непреклонной¹⁷. «Экономика — это метод, — говорила она, — задача же заключается в том, чтобы изменить душу». И это ей удалось, хотя методы были не всегда последовательными и исчерпывающими, нередко они реализовывались ценой серьезных политических усилий.

В октябре 1979 года Пол Волкер, председатель Федерального резервного банка США в администрации президента Картера, разработал и начал проводить радикаль-

ные изменения в кредитно-денежной политике США¹⁸. Многолетняя приверженность либеральных демократов Америки принципам «Нового курса», предполагавшего кейнсианскую фискальную и денежную политику и провозглашавшего в качестве основной цели обеспечение полной занятости, была забыта в пользу новой политики, предполагавшей снижение инфляции любой ценой, независимо от изменения уровня безработицы. Реальная процентная ставка, нередко оказывавшаяся отрицательной в годы резкого взлета инфляции в 1970-е годы, стала положительной по распоряжению руководства Федеральной резервной системы (рис. 1.5). Номинальная процентная ставка резко возросла и после недолгого периода колебаний к июлю 1981 года зафиксировалась на уровне 20%. Началась «долгая и глубокая рецессия, которая опустошила американские заводы, разрушила профсоюзы и довела экономики стран-должников практически до полного банкротства; за этим последовал продолжительный период

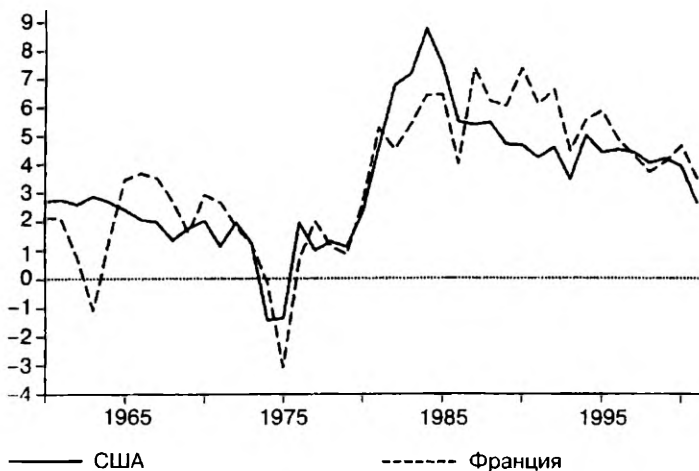

Рис. 1.5. «Шок Волкера»: колебания реальной процентной ставки в США и во Франции в 1960–2001 годах.

Источник: Duménil and Lévy. *Capital Resurgent*

изменений»¹⁹. По мнению Волкера, это был единственный способ выйти из состояния стагфляции, в котором и США, и многие развитые страны находились на протяжении 1970-х годов.

Шок Волкера, как вскоре стали называть эту политику, воспринимался как необходимое, но недостаточное условие неолиберализации. Центральные банки некоторых стран долгое время подчеркивали направленность собственной фискальной политики на ограничение инфляции. Их действия были гораздо ближе к монетаризму, чем к кейнсианству. В Западной Германии подобного рода политика основывалась на опыте недавней истории, когда бесконтрольная инфляция стала причиной падения Веймарской республики в 1920-е годы (и обеспечила условия для возникновения фашизма), а также на более позднем примере, связанном с ростом инфляции в конце Второй мировой войны. МВФ давно взял на себя функцию контроля над ростом внешнего долга отдельных государств и настаивал на применении фискальных ограничений и жестком бюджетном контроле по отношению к странам-заемщикам. Однако монетаризм существовал в условиях серьезного влияния профсоюзов на политику и постоянных попыток со стороны государства выстроить систему социального обеспечения. Поворот к неолиберализму зависел не только от принятия идей монетаризма, но и от изменения государственной политики во многих других областях.

Победа Рональда Рейгана над Картером в 1980 году стала поворотным моментом, хотя еще Картер начал процесс дерегулирования экономики (в отношении авиационных и транспортных компаний) в попытке выйти из кризиса стагфляции. Советники Рейгана были убеждены, что монетаристское «лечение», предложенное Волкером для больной и стагнирующей экономики, было лучшим способом решения проблем. Волкера поддержали, и он был назначен на пост председателя Федеральной резервной системы во второй раз. Администрация Рейгана обеспечила ему необходимую поддержку, продолжив политику дерегулирования экономики, снижения налогов, сокращения бюджетных расходов и предпринимая новые шаги к уменьшению влияния профсоюзов. Рейган подавил выступление

профсоюза авиадиспетчеров (РАТСО) в долгой и сложной забастовке 1981 года. Это стало сигналом к массовым атакам на профсоюзы и произошло именно в тот момент, когда рецессия, спровоцированная решениями Волкера, привела к росту безработицы (достигшей более 10%). Профсоюз авиадиспетчеров был не просто одной из многих профессиональных организаций – это была организация высокооплачиваемых профессионалов, «белых воротничков», являвшаяся примером для американцев среднего класса, а не простых рабочих. После подавления выступления авиадиспетчеров изменились условия труда по всей Америке. Установленный законом минимальный уровень оплаты труда, который до 1980 года соответствовал прожиточному минимуму, к 1990 году оказался на 30% ниже прожиточного минимума. Именно тогда начался многолетний спад уровня реальной оплаты труда (рис. 1.6).

После назначений Рейганом новых людей на ключевые позиции – охрана окружающей среды, защита труда,

Рис. 1.6. Атака на рабочий класс: реальный уровень оплаты труда и производительности в США, 1960–2000 годы.

Источник: Pollin. *Contours of Descent*

здравоохранение — кампания по сокращению числа правительственных чиновников развернулась в полном масштабе. Процесс дерегулирования всех без исключения областей деятельности — от авиаперевозок и телекоммуникаций до финансов — открыл корпорациям новые, незанятые рыночные ниши. Налоговые льготы на инвестиции, по сути, поддерживали движение капитала из северо-восточных и центральных штатов, где влияние профсоюзов оставалось сильным, на юг и запад, где профсоюзов практически не существовало, а законодательные ограничения их деятельности были тогда мягче. Финансовый капитал все больше обращал внимание на заграничные рынки, где рентабельность инвестиций могла быть выше. Все активнее происходил вывод промышленности за пределы США. Рынок, который существующая идеология провозгласила наилучшим инструментом стимулирования конкуренции и инноваций, становился средством консолидации монопольного влияния. Налоги на корпорации были резко снижены, максимальный налог на личные доходы был сокращен с 70 до 28%. Это было названо «самым серьезным снижением налогов в истории» (рис. 1.7).

Так начался решительный поворот к еще большему социальному неравенству и восстановлению экономического влияния верхушки общества.

Существовало, однако, еще одно обстоятельство, которое также способствовало сдвигу в сторону неолиберализма в 1970-х. После резкого повышения цен на нефть странами ОПЕК и нефтяного эмбарго 1973 года такие производящие нефть страны, как Саудовская Аравия, Кувейт, Абу-Даби, получили огромную финансовую власть. Из отчетов британской разведки мы знаем, что США активно готовились к вторжению в эти страны в 1973 году с целью восстановления поставок нефти и обеспечения снижения цен. Тогда Саудовская Аравия согласилась, якобы под давлением США, размещать все свои нефтедоллары в инвестиционных банках Нью-Йорка²⁰. Вскоре на счетах скопились значительные средства, и банкиры должны были предложить оптимальный способ прибыльного управления этими огромными суммами. Искать такие возможности в рамках американской экономики, особенно в условиях депрессии и снижения рен-

Рис. 1.7. «Налоговый мятеж» верхушки общества: налоговые ставки в США для граждан с самыми высокими и самыми низкими доходами, 1913–2003 годы.

Источник: Duménil and Lévy. *Neoliberal Income Trends*

табельности вложений в середине 1970-х годов, было бессмысленно. Гораздо более привлекательными с финансовой точки зрения были зарубежные рынки. Но государственные ценные бумаги выглядели наиболее привлекательно, потому что, как сказал Уолтер Ристон, глава Citibank, правительство не может просто уехать или исчезнуть. Правительства многих стран с развивающейся экономикой нуждались в деньгах и были готовы привлекать средства под проценты. Но для этого были необходимы определенные гарантии надежности и относительная прозрачность сделок для кредиторов. Американские инвестиционные банкиры опирались на имперские традиции США и для поиска новых инвестиционных возможностей, и для защиты своих зарубежных операций.

Имперская традиция США уже долгое время находилась в стадии формирования и до известной степени определялась по контрасту с другими мировыми империями – Брита-

нией, Францией, Голландией — и другими европейскими державами²¹. В конце XIX века США присматривались к возможностям колониальных захватов, а в течение XX века в стране сложилась более открытая форма империализма — без колоний как таковых. «Нужная» схема сложилась в Никарагуа в 1920-е и 1930-е годы, когда американские Военно-морские силы, призванные защищать интересы США, оказались втянутыми в длительную и сложную повстанческую войну под предводительством Сандино. США были вынуждены поддержать более сильную из противоборствовавших сторон, в данном случае Сомоса: предоставить военную и экономическую поддержку ему, его семье и ближайшим союзникам, чтобы те могли подавить или подкупить оппозицию и продолжить накопление капитала. В ответ группировка Сомосы должна была предоставить американскому капиталу возможность осуществлять необходимые операции в стране, при необходимости поддерживать интересы США как в стране, так и в регионе в целом (в данном случае — в Центральной Америке). Такая модель была использована США после окончания Второй мировой войны, в период глобальной деколонизации, которую европейские державы были вынуждены начать под давлением США. ЦРУ разработало заговор, в результате которого в 1953 году в Иране было свергнуто демократически избранное правительство Моссадека и власть перешла к шаху, который, в свою очередь, обеспечил американским компаниям выгодные нефтяные контракты (и не возвратил британским компаниям национализированные Моссадеком активы). Шах стал одним из ключевых гарантов американских нефтяных интересов на Ближнем Востоке.

Подобная тактика в послевоенный период позволила США доминировать в большинстве регионов, не вошедших в коммунистический лагерь. Так Америка боролась с коммунистической угрозой, утверждая антидемократическую (и даже более того — антинародную, антисоциалистическую и антикоммунистическую) стратегию, которая еще больше укрепляла альянс США с военными диктатурами и авторитарными режимами (прежде всего, разумеется, возникшими в Латинской Америке). Истории, которые Джон Перкинс приводит в книге *Confessions of an Economic Hit*

Man, полны постыдных и неприглядных подробностей о том, как США снова и снова действовали по тому же принципу. Вопреки ожиданиям интересы США становились все более уязвимыми в борьбе против коммунизма. Но согласие и поддержку местных правящих элит можно было купить сравнительно недорого. А вот для подавления оппозиционных или социалистических движений (например, правительство Альенде в Чили) США пришлось действовать крайне жестоко — и особенно в отношении народных движений во многих развивающихся странах.

Такова была политическая ситуация в момент, когда избыток средств, которыми распоряжались американские инвестиционные банки, был распределен по мировым рынкам. До 1973 года большая часть американских инвестиций были прямыми и направлялись по большей части на разработку природных ресурсов (нефти, минералов, прочего сырья, включая и сельскохозяйственное) или развитие отдельных рынков (телекоммуникаций, автомобилестроения) в Европе и Латинской Америке. Нью-йоркские банкиры всегда вели активную деятельность на международных рынках, но после 1973 года эта активность усилилась, хотя теперь и ограничивалась в основном кредитованием иностранных правительств²². Такая политика требовала либерализации международных кредитных и финансовых рынков, и американское правительство начало активно продвигать и поддерживать такую либерализацию на протяжении 1970-х годов. Остро нуждавшиеся в средствах развивающиеся страны брали огромные займы по выгодным для американских банков процентным ставкам²³. Так как займы исчислялись в американских долларах, любое, даже незначительное, повышение процентных ставок в США могло без дополнительных усилий привести развивающиеся страны к дефолту. В такой ситуации американские банки могли бы понести серьезные убытки.

Первая серьезная проверка на прочность этой политики произошла в самый разгар финансового шока Волкера, когда Мексика объявила дефолт — в 1982–1984 годах. Администрация Рейгана, в первые годы правления серьезно рассматривавшая возможность выхода США из Международного валютного фонда (МВФ), нашла-таки спо-

соб, объединив влияние Министерства финансов США и собственно МВФ, выйти из кризиса, пролонгировав условия займа – но в обмен на гарантию проведения в Мексике неолиберальных реформ. Это решение было признано классическим, а Стиглиц назвал его позже «чисткой» МВФ 1982 года от кейнсианских влияний. МВФ и Всемирный банк стали центрами пропаганды и развития «фундаментализма свободного рынка» и неолиберальной философии. В обмен на реструктурирование долговых платежей (изменения графика выплат) страны-должники обязались провести институциональные реформы, например сократить социальные расходы, ввести новые, более гибкие формы регулирования рынка труда, провести приватизацию. Так появилось понятие «структурные преобразования». Мексика стала одной из первых стран, где начался процесс, приведший к росту неолиберальных государств²⁴.

Опыт Мексики показал ключевое отличие между либеральным и неолиберальным подходами. При либеральном подходе кредиторы сами несут потери, связанные с неправильными кредитными решениями. При неолиберальном подходе заемщики под давлением государства и международных организаций вынуждены брать на себя бремя выплаты долга независимо от того, какие последствия это может иметь в отношении условий жизни местного населения. Если при этом заемщики могли быть вынуждены уступить какие-то активы в пользу иностранных компаний по бросовым ценам, государство их не поддерживало. Но, как оказывается, эта идея не соответствует положениям неолиберальной теории. Как доказывают Дюменил и Леви, одна из целей новой политики состояла в обеспечении американскому капиталу возможности получать максимальную рентабельность от капиталовложений за пределами США на протяжении 1980-х и 1990-х годов (рис. 1.8 и 1.9)²⁵. Восстановление власти экономической элиты или верхушки общества в США и в других развитых капиталистических странах напрямую было связано с прибылями, извлекаемыми из других стран посредством перемещения капитала и проведения структурных преобразований.

Рис. 1.8. Прибыли из-за рубежа: рентабельность зарубежных и внутренних инвестиций США, 1960–2002 годы.

Источник: Duménil and Lévy, *The Economics of US Imperialism*.

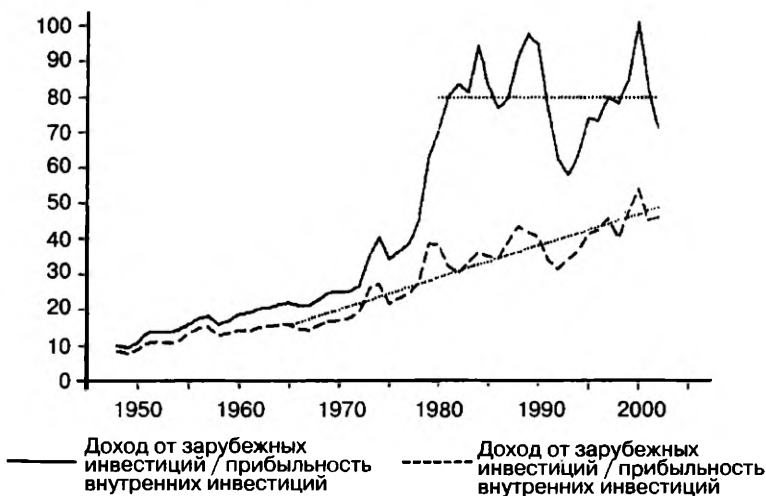

Рис. 1.9. Доходность американской экономики: прибыль и приток капитала из-за рубежа и прибыльность внутренних инвестиций

Источник: Duménil and Lévy, *Neoliberal Dynamics: Towards A New Phase?*

ЗНАЧЕНИЕ КЛАССОВОГО ВЛИЯНИЯ

Что же конкретно мы имеем в виду, говоря о «классе»? Этот термин всегда оставался несколько размытым (некоторые даже сказали бы сомнительным). Неолиберализация способствовала его новому определению. Но тут возникает проблема. Если неолиберализация обеспечила восстановление влияния классов, то мы должны определить действующие силы этого процесса и тех, кому он был выгоден. Это оказывается непростой задачей, так как «класс» как социальная группа четко не определен. В одних случаях традиционные кланы смогли удерживать значительную власть (как правило, благодаря семейным и родственным связям). В других случаях неолиберализация сопровождалась серьезными изменениями в составе правящего класса. Маргарет Тэтчер, например, выступала с нападками на некоторые формы влияния классов в Великобритании. Она не принимала аристократических традиций, сложившихся в армии, юриспруденции, среди финансовой элиты лондонского Сити и во многих отраслях промышленности, не допускавших серьезного участия предпринимателей и в политике нуворишей. Тэтчер поддерживала, и, как правило, получала ответную поддержку от нового класса предпринимателей (к которым можно отнести Ричарда Бренсона, Лорда Хенсона, Джорджа Сороса). Традиционное крыло ее консервативной партии было в ужасе. В США рост влияния финансистов и руководителей крупных корпораций, а также взрыв активности в принципиально новых секторах экономики (информационные технологии и Интернет, медиа и розничная торговля) привели к тому, что круг людей, обладающих экономической властью, серьезно изменился. Даже если неолиберализация должна была привести к восстановлению классового влияния, это не обязательно касалось исключительно тех слоев общества, которые когда-то обладали подобной властью.

Как показывают примеры США и Великобритании, понятие «класс» может иметь различные значения в зависимости от ситуации, а в некоторых случаях (например, в США) оно часто и вовсе не имело смысла. Кроме того, определение сущности понятия «класс» серьезно и не

один раз изменялось в разных странах. Например, в Индонезии, Малайзии и Филиппинах экономическое влияние сконцентрировалось в руках китайского этнического меньшинства, а процесс приобретения такого влияния в этих странах серьезно отличался от того, как это происходило в Австралии или США (весь процесс сосредоточился преимущественно в торговле и был связан с монополизацией рынков²⁶). Возвышение семи олигархов в России произошло в силу уникального стечения обстоятельств в момент распада Советского Союза.

Тем не менее здесь можно выявить и ряд общих тенденций. Во-первых, привилегии, связанные с владением и управлением капиталистическими предприятиями – как правило, эти две функции разделены, – были объединены, когда работа руководителей компаний (наемных менеджеров) стала оплачиваться в форме опционов на акции компании (другими словами, наемным работникам было предоставлено право владения долей в компании). Цена акций, а не производство как таковое, стала основным критерием результативности экономической деятельности корпораций. Позднее станет ясно, особенно с крушением таких компаний, как Enron, что соблазн проводить чисто спекулятивные операции преодолеть почти невозможно. Во-вторых, началось серьезное сокращение разрыва между финансовым капиталом, получающим дивиденды и проценты от вложений, с одной стороны, и производственным и торговым капиталом, ищущим источник дополнительных прибылей, с другой. Существующее разделение финансового и промышленного капитала становилось в прошлом источником серьезных конфликтов между финансистами, производителями и торговцами. Например, государственная политика Великобритании в 1960-х была направлена преимущественно на удовлетворение интересов финансистов лондонского Сити и часто противоречила интересам местных производителей. В этот период конфликты между финансистами и промышленниками часто принимали довольно резкие формы. В 1970-е годы эти конфликты по большей части либо прекратились, либо приняли совершенно иные формы. Крупные корпорации начинали все больше ориентироваться на финансовые

операции, при этом продолжая собственно производственную деятельность (как, например, в автомобилестроении). С начала 1980-х в корпоративных отчетах потери производственных подразделений корпораций все чаще компенсировались прибылями от финансовых операций (в области страхования, предоставления кредитов и даже спекуляций на высоконеустойчивых, или волатильных, рынках иностранной валюты и фьючерсов). В результате слияний компаний, оперирующих в разных секторах экономики, новообразованные конгломераты занимались и производством, и торговлей, и недвижимостью, и финансовыми операциями. Когда компания US Steel сменила название на USX (купив долю в страховом бизнесе), председатель совета директоров Джеймс Родерик, отвечая на вопрос, что означает X в новом названии, ответил: «X означает деньги»²⁷.

Все это породило серьезный взрыв активности и рост влияния внутри финансовой сферы. Освобождаясь от законодательных ограничений и барьеров, финансовые операции получали еще большее распространение. Возникали инновационные виды финансовых услуг, которые обеспечивали не только формирование более сложных международных финансовых связей, но и создание совершенно новых финансовых инструментов, производных ценных бумаг, а также новых видов операций с фьючерсами. Коротко говоря, неолиберализация означала расцвет финансовой сферы. Усиливался контроль финансовых институтов над всеми областями экономики, включая государственный аппарат и, как указывает Ренди Мартин, повседневную жизнь²⁸. Одновременно все менее стабильным становилось соотношение валют. Несомненно, глобальное влияние смещалось от производства в область финансов. Рост производственных мощностей в стране теперь не обязательно означал рост доходов на душу населения — в отличие от повышения концентрации финансовых организаций. По этой причине поддержка финансовых институтов и обеспечение прозрачности финансовой системы стали центральной задачей неолиберальных правительств (в частности, наиболее богатых стран мира, известных как G7). В случае конфликта между Мейн-стрит и Уолл-стрит поддержка оказывалась послед-

ней. Стала возможной ситуация, когда Уолл-стрит благоденствовала, а остальная Америка (а возможно, и весь мир) находилась в упадке. Именно это и происходило на протяжении нескольких лет в 1990-е. В 1960-е годы было распространено убеждение, что то, что хорошо для GM, хорошо и для США. В 1990-е годы этот слоган сменился другим: «Благополучие Уолл-стрит – это самое главное».

Один из ключевых источников влияния в условиях неолиберализма связан, таким образом, с руководителями корпораций, которые определяют большую часть решений внутри компаний, а также с лидерами финансового, юридического и технического аппарата, поддерживающего деятельность корпораций²⁹. Влияние реальных владельцев капитала, фондовых брокеров и акционеров начало сокращаться, если только им не удавалось получить возможность серьезно влиять на политику корпораций. Не раз акционеры лишались миллионов долларов из-за деятельности руководителей компаний и их финансовых советников. Спекулятивные операции позволяли заработать сверхприбыли за короткий период (как это сделали Уоррен Баффет и Джордж Сорос).

Тем не менее было бы неверно ограничить определение верхушки общества только этой группой людей. Новые возможности для предпринимательства, новые формы торговых отношений способствовали появлению нового класса. Огромные состояния создавались за короткий срок в новых секторах экономики – биотехнологиях, информационных технологиях (как это сделали Билл Гейтс и Пол Аллен). Новые рыночные отношения открыли новые возможности дешево купить и дорого перепродать, а то и установить контроль над отдельной нишей рынка, чтобы состояние можно было приумножить, двигаясь по горизонтали (как Руперт Мердок, создавший глобальную медиаимперию), объединяя многочисленные независимые бизнесы, расширяя деятельность в область добычи ресурсов и производства или в область финансовых услуг, недвижимости и розничной торговли. Нередко такому направлению развития способствовали особые отношения между бизнесом и государством. Например, в Индонезии два бизнесмена, находившиеся в близком зна-

комстве с Сухарто, не только обеспечивали финансовые интересы семьи Сухарто, но и использовали связи с государственным аппаратом для собственной выгоды. К 1997 году компания, которой владел один из них, Salim Group, была признана «крупнейшим в мире конгломератом, принадлежащим китайскому капиталу с активами стоимостью около 20 млрд долл. и управляющим около 500 компаний». Начав с небольших инвестиций, Карлос Слим приобрел контроль над недавно приватизированной телекоммуникационной системой Мексики и быстро превратил ее в огромную империю, контролирующую не только значительную долю мексиканской экономики, но и имеющую интересы в розничной торговле США (компания Circuit City, Barnes and Noble) и Латинской Америки³⁰. В США семья Уолтон достигла невероятного богатства, когда Wal-Mart занял лидирующую позицию в розничной торговле Америки, значительно расширяя ассортимент за счет произведенных в Китае товаров и распространяя бизнес за пределы США. Несомненно, существуют тесные связи между компаниями подобного масштаба и финансовыми корпорациями. Способность бизнеса не только аккумулировать невероятные личные состояния, но и удерживать контроль над значительными сегментами экономики обеспечивает небольшому числу бизнесменов серьезную экономическую власть и возможность влиять на политические решения. Неудивительно, что совокупная величина состояния 358 самых богатых людей мира в 1996 году «равнялась величине совокупного дохода беднейшего населения (2,3 миллиарда человек)». Более того, «состояние 200 богатейших людей увеличилось более чем вдвое за 1994–1998 гг. и составило свыше 1 трлн долл. Активы трех крупнейших миллиардеров (на тот период) превышали совокупный ВВП наименее развитых стран, население которых составляло 600 миллионов человек»³¹.

Существует, однако, еще один вопрос, связанный с процессом радикального перераспределения классового влияния. Много споров возникало уже вокруг вопроса о том, следует ли рассматривать новое классовое устройство как транснациональное, или оно по-прежнему ограничивается национальными границами³². Моя позиция в этом

вопросе такова. Неверно считать, что правящий класс когда-либо в истории ограничивал свою деятельность и лояльность пределами определенного национального государства. Независимо от периода невозможно говорить о чисто американском, британском, французском или корейском капиталистическом классе. Международные связи всегда были важны, как в рамках колонизаторской и неокolonизаторской политики, так и в отношениях, сложившихся еще в XIX веке или даже раньше. Вместе с тем в процессе неолиберальной глобализации, несомненно, имело место расширение и углубление транснациональных связей, и существование этих связей следует признавать. Это не означает, что лидеры правящего класса не ассоциируют себя с определенным государственным аппаратом – как с целью извлечения **выгоды**, так и в поиске защиты. Важно, с *каким именно государством* эти связи для них будут первостепенными, однако связи эти не более стабильны, чем постоянно перемещающийся капитал. Руперт Мердок мог начать с Австралии, потом перенести основную деятельность в Британию и, наконец, получить гражданство США (несомненно, в ускоренном режиме). Нельзя сказать, что он существует над конкретным государством или обособленно от него, но вместе с этим благодаря своей медиаимперии он обладает значительным влиянием на политику Великобритании, США и Австралии. Все 247 якобы независимых редакторов принадлежащих ему газет поддержали вторжение США в Ирак. Тем не менее для простоты мы можем по-прежнему говорить об интересах американского, британского или корейского капитала, потому что корпоративные интересы Мердока, Карлоса Слима или самой Salim Group и зависят, и влияют на определенные государства. Каждый из них может и, как правило, оказывает классовое влияние в рамках нескольких государств одновременно.

Эта неоднородная группа людей, действующих в области финансов, розничной торговли или недвижимости, не обязательно объединяется в единый класс. Более того, между ними даже возможны серьезные трения. Тем не менее они обладают определенным единством интересов, и на этой основе неолиберализм признается ими как пред-

почтительная форма устройства общества (хотя в последнее время становятся очевидными и опасности, связанные с неолиберализмом). Некоторые организации, например Всемирный экономический форум в Давосе, обеспечивают этим людям возможность обмениваться идеями и координировать свои действия с политическими лидерами. Эти люди обладают невероятным влиянием на международные дела и свободой действий, недоступной ни одному простому гражданину.

Будущее свободы

История неолиберализации и формирования классовых различий, происходящих на фоне роста популярности идей Общества Мон-Пелерин в качестве основополагающих идей настоящего времени, становится особенно интересной, если сопоставить ее с контраргументами, которые выдвигал еще в 1944 году Карл Полаanyi (незадолго до появления Общества Мон-Пелерин). Он указывал, что в неоднородном обществе само значение понятия «свобода» становится все более противоречивым и лживым; но одновременно именно оно побуждает людей к неким действиям. По его мнению, существует «хорошая» и «плохая» свобода. К последним он относил «свободу эксплуатации человека человеком, или свободу получать сверхдоходы, не предоставляя ничего взамен, свободу скрывать появляющиеся изобретения от общества, свободу извлекать прибыль из общественных беспорядков, заранее срежиссированных исключительно с целью личной выгоды». Полаanyi продолжает: «Рыночная экономика, в условиях которой развились подобные свободы, дает возможность для развития чрезвычайно ценных свобод — свободы совести, свободы слова, свободы собраний и объединений, свободы выбора работы». Мы «высоко ценим существование этих свобод», но они в значительной степени являются «результатом той самой экономики, которая также порождает и плохие свободы»³³. Полаanyi так реагирует на эту двойственность — и эта реакция кажется странной при нынешнем господстве неолиберальной идеологии:

«Исчезновение рыночной экономики может стать началом эры невиданной свободы. С юридической и фактической точек зрения свобода может стать даже более широким и универсальным понятием, чем раньше. Законодательство и контроль могут обеспечить реальную свободу не только для немногих избранных, но для всех. Свобода перестанет быть особой привилегией, изначально запятнанной, — она станет неотъемлемым правом, распространяющимся за пределы политики, в область частных организаций, составляющих само общество. Исторически сложившиеся свободы и гражданские права будут объединены с новыми свободами, родившимися на основе появившегося свободного времени и лучшей защищенности, которые индустриальное общество готово обеспечить всем своим гражданам. Новое общество может позволить себе быть и свободным, и справедливым одновременно»³⁴.

К сожалению, пишет дальше Поланьи, на пути к такому будущему стоит «моральное препятствие» либерального утопизма (в качестве примера он многократно цитирует Хайека):

«Планирование и контроль подвергаются критике как препятствующие установлению свободы. Свобода предпринимательства и частной собственности объявлены основополагающими условиями свободы. Считается, что ни одно общество, построенное на других принципах, не заслуживает называться свободным. Свобода, обеспеченная законами, объявлена не-свободой. Правосудие, свобода и благополучие, обеспеченные такой свободой, часто признаются лишь замаскированным рабством»³⁵.

Идея свободы «сводится, таким образом, просто к свободе предпринимательства», что означает «полноту свободы для тех, чей доход, свободное время и безопасность не нуждаются в защите, и лишь частичную свободу для людей, тщетно пытающихся с помощью дарованных им демократией прав добиться защиты от действий собственников». Но если, как это обычно случается, «невозможно создать общество, где не было бы ни власти, ни принуждения или мира, где не было бы применения силы», тогда

единственным способом реализации либеральной утопии остается именно применение власти, силы, авторитаризма. Либеральная или неолиберальная утопия обречена, пишет Поланьи, на то, чтобы быть раздавленной авторитаризмом или даже откровенным фашизмом³⁶. «Хорошие» свободы повержены, «плохие» одерживают верх.

Вывод, который делает Поланьи, кажется особенно верным в нынешней ситуации. Становятся понятными намерения президента Буша, который утверждает, что, «будучи величайшей силой на Земле, мы [США] обязаны способствовать распространению свободы». Теперь ясно, почему неолиберализм стал таким авторитарным, насильственным и антидемократическим именно в тот момент, когда «человечество может своими руками обеспечить триумф свободы над всеми ее давними врагами»³⁷. Стоит задуматься над тем, почему стольким корпорациям удастся извлекать прибыль из сокрытия своих технологий (например, лекарство от СПИДа) от широкого использования или из военных беспорядков (случай с Halliburton), голода, экологических катастроф. Невольно возникает подозрение в том, не были ли эти катастрофы и беспорядки (гонка вооружений и необходимость повышать готовность к отражению нападения реальных и выдуманных врагов) подстроены для выгоды отдельных корпораций. Стоит ли удивляться, что состоятельные и влиятельные так активно поддерживают борьбу за права и свободы, стремясь заработать имидж добропорядочных граждан. Тридцать лет неолиберальной свободы не только восстановили власть узкой группы людей, составляющих капиталистический класс. За это время произошла невероятная концентрация корпоративной власти в области энергетики, медиа, фармацевтики, транспорта и даже розничной торговли (Wal-Mart). Свобода рынка, которую Буш объявил наивысшей целью человечества, оказывается ничем иным, как удобным средством повсеместного беспрепятственного распространения корпоративной власти и Coca-Cola. Используя непропорциональное влияние на средства информации и политический процесс, представители этого класса (Руперт Мердок и *Fox News* оказываются во главе этого процесса) заинтересованы и, что важно, имеют воз-

возможность убедить нас в том, что неолиберальные свободы являются для нас наилучшим выбором. Для элиты, комфортно живущей в своих золоченых гетто, мир и в самом деле может становиться все лучше и лучше. Поланьи согласился бы с тем, что неолиберализм обеспечивает свободы и права для тех, «чей доход, свободное время и безопасность не нуждаются в защите», оставляя всем остальным лишь крохи. Как же получилось так, что «все оставшиеся» так легко сдали позиции?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bush G.W., "President Addresses the Nation in Prime Time Press Conference", 13 April 2004; <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2004/0420040413-20.html>.
2. Мэтью Арнольд цитируется в книге R. Williams, *Culture and Society, 1780-1850* (London: Chatto & Windus, 1958), 118.
3. Juhasz A., "Ambitions of Empire: The Bush Administration Economic Plan for Iraq (and Beyond)", *Left Turn Magazine*, 12 (Feb./March, 2004), 27-32.
4. Klein N., "Of Course the White House Fears Free Elections in Iraq", *Guardian*, 24 January 2004, 18.
5. Crampton T., "Iraqi Official Urges Caution on Imposing Free Market", *New York Times*, 14 October 2003, C. 5.
6. Juhasz A., "Ambitions of Empire", 29.
7. Bush G.W., "Securing Freedom's Triumph", *New York Times*, 11 September 2002, A33. *The National Security Strategy of the United States of America* можно также найти на сайте: www.whitehouse.gov/nsc/nss.
8. Fourcade-Gourinchas M. and S. Babb, "The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries", *American Journal of Sociology*, 108 (2002), 542-9; J. Valdez, *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile* (New York: Cambridge University Press, 1995); R. Luders, "The Success and Failure of the State-Owned Enterprise Divestitures in a Developing Country: The Case of Chile", *Journal of World Business* (1993), 98-121.
9. Dahl R. and C. Lindblom, *Politics, Economy and Welfare: Planning and Politico-Economic System Resolved into Basic Social Processes* (New York: Harper, 1953).

10. Krasner S. (ed.) *International Regimes* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983); M. Blyth, *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
11. Armstrong P., A. Glynn, and J. Harrison, *Capitalism Since World War II: The Marketing and Breaking of the Long Boom* (Oxford: Basil Blackwell, 1991).
12. Eley G., *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000* (Oxford: Oxford University Press, 2000).
13. G. Duménil, D. Lévy, “Neoliberal Dynamics: Towards A New Phase?” в книге K. van der Pijl, L. Assassi, and D. Wigan (eds.), *Global Regulation: Managing Crises after the Imperial Turn* (New York: Palgrave Macmillan, 2004), 41–63. Там же. Task Force on Inequality and American Democracy, *American Democracy in an Age of Rising Inequality* (American Political Science Association, 2004); T. Piketty and E. Saez, “Income Inequality in the United States, 1913–1998”, *Quarterly Journal of Economics*, 118 (2003), 1–39.
14. Программа развития ООН, *Human Development Report, 1999* (New York: Oxford University Press, 1999), 3.
15. См. веб-сайт <http://www.montpelerin.org/aboutmps.html>.
16. Взвешенное рассуждение на эту тему см. в книге Н.-Ж. Chang, *Globalisation, Economic Development and the Role of the State* (London: Zed Books, 2003). Как пишет Пек в “Geography and Public Policy”, неолиберализм нередко включает сторонние элементы, так что сложно говорить о нем как о «чистой» теории.
17. История пути Тэтчер к неолиберализму описана в работе D. Yergin, J. Stanislaw, *The Commanding Heights: The Battle Between Government and Market Place that is Remaking the Modern World* (New York: Simon & Schuster, 1999).
18. Panitch L. and S. Gindin, “Finance and American Empire”, in *The Empire Reloaded: Socialist Register 2005* (London: Merlin Press, 2005), 46–81.
19. Henwood D., *After the New Economy* (New York: New Press, 2003), 208.
20. Alvarez L., “Britain Says U.S. Planned to Seize Oil in '73 Crisis”, *New York Times*, 4 January 2004, A6. На тему соглашения с Саудовской Аравией об отправке нефтедолларов в США см. P. Gowan, *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance* (London: Verso, 1999), 20.
21. Harvey D., *The New Imperialism* (Oxford: Oxford University Press, 2003); N. Smith, *American Empire, Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization* (Berkeley: University of California

- Press, 2003); N. Smith, *The Endgame of Globalization* (New York: Routledge, 2005).
22. Panitch L. and S. Gindin, "Finance and American Empire".
 23. Многие долговые кризисы 1980-х подробно описаны в книге P. Gowan *The Global Gamble*.
 24. Stiglitz J., *Globalization and its Discontents* (New York: Norton, 2002).
 25. Duménil G., D. Lévy, "The Economics of U.S. Imperialism at the Turn of the 21st Century", *Review of International Political Economy*, 11/4 (2004), 657–76.
 26. Chua A., *World on Fire: How Exposing Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability* (New York: Doubleday, 2003) приводит немало примеров на эту тему.
 27. Цитируется в книге D. Harvey, *Condition of Postmodernity*, 158.
 28. Martin R., *The Financialization of Daily Life* (Philadelphia: Temple University Press, 2002).
 29. Такое определение приводится в работах Дж. Дюменила и Д. Леви.
 30. Chua A., *World on Fire*.
 31. Программа развития ООН, *Human Development Report, 1996* (New York: Oxford University Press, 1996), 2, и Программа развития ООН, *Human Development Report, 1999*, 3.
 32. W. Robinson, *A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004) приводит прекрасный пример в подтверждение этой теории.
 33. K. Polanyi, *The Great Transformation* (Boston: Beacon Press, 1954 edn.).
 34. Ibid., 256–258.
 35. Ibid.
 36. Ibid.
 37. J.W. Bush, "Securing Freedom's Triumph", см. также F. Zakaria, *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad* (New York: Norton, 2003).

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСЕНСУСА

Кто и как обеспечил установление неолиберализма? Для таких стран, как Чили и Аргентина, ответ в 1970-х был очень простым, жестким и точным: военный переворот, поддержанный правящим классом (и правительством США), за которым последовало жестокое подавление профсоюзов и общественных движений, развития которых так боялась правящая верхушка. Неолиберальная революция, авторами которой традиционно признают Тэтчер и Рейгана, после 1979 года должна была осуществляться с помощью демократических методов. Для того чтобы в обществе произошел настолько серьезный сдвиг, был необходим определенный политический компромисс, или согласие, который бы поддержала значительная часть населения. Такая поддержка позволила бы группировке выиграть выборы. То, что Грамши называет «общее мнение» (иными словами, «идея, которую разделяет большинство»), как правило, и является основанием для такого согласия. Такое общее мнение формируется на основе долгосрочных традиций общественной жизни, корни которой нередко лежат в региональных или национальных традициях. Это не то же самое, что «здравый смысл», формирование которого связано с актуальными вопросами дня. Таким образом, «общее мнение» может оказаться глубоким заблуждением, сбивающим людей с толку или маскирующим истинные проблемы с помощью культурных предрассудков¹. Ценности, основанные на традициях и культуре (как, например, вера в Бога или в страну или взгляд на положение женщины в обществе), как и страхи (боязнь коммунистов, иммигрантов, иностранцев и просто «других», инакомыслящих), могут ис-

пользоваться для того, чтобы скрыть более актуальные проблемы. Могут возникать политические лозунги, которые позволяют скрыть конкретный план действий за общей риторикой. В понимании американцев слово «свобода» имеет такой широкий спектр трактовок, что оно стало «кнопкой, которая позволяет правящей элите открыть дверь в массы» и оправдывать этим практически любые действия². Так Бушу удалось задним числом оправдать войну в Ираке. Грамши делает вывод, что политические проблемы оказываются неразрешимыми, если «маскируются под вопросы, относящиеся к культуре»³. Стремясь понять природу политического согласия, мы должны научиться отделять политический смысл от культурной оболочки.

Как же сформировался общественный консенсус, сделавший легитимным поворот к неолиберализму? Этот процесс протекал параллельно в нескольких плоскостях. Мощному идеологическому влиянию подверглись корпорации, средства связи и многие другие институты, составляющие гражданское общество, — университеты, школы, церковные общины, профессиональные ассоциации. «Долгое шествие» неолиберальных идей, которое Хайек предвидел еще в 1947 году и в ходе которого возникли исследовательские группы (они пользовались поддержкой, в том числе и финансовой, крупных корпораций), — к участию в нем были привлечены определенные средства информации, — привело к тому, что многие интеллектуалы начали поддерживать неолиберальный образ мыслей. Сформировалось общественное мнение о том, что неолиберализм есть единственная гарантия свободы в обществе. Все это определило последующие действия политических партий и государственной власти.

Апелляции к традициям и культурным ценностям в значительной степени составляют основу этого процесса. Попытка восстановления экономической власти узкой группы людей, скорее всего, не была бы одобрена обществом. Идея развития свобод личности не может не получить поддержку масс, тем самым она становится прекрасным прикрытием для восстановления власти класса. Более того, после поворота государственного аппарата в сторону неолиберализма стало возможным с помощью убеждений,

кооптации, подкупа и угроз поддерживать в обществе согласие, необходимое для сохранения власти группы. Как мы увидим далее, в этом как раз и заключалась сильная сторона Тэтчер и Рейгана.

Что же обеспечило неолиберализму возможность вытеснить систему встроеного либерализма? В некоторых случаях ответ связан с использованием силы (военной, как в Чили, или финансовой, как в случае операций МВФ в Мозамбике или Филиппинах). Политика подавления может привести к тому, что в обществе возобладают фаталистические настроения, и оно примирится с тем фактом, что, как утверждала Маргарет Тэтчер, «альтернативы не существует». Процесс формирования консенсуса проходил в разных регионах неодинаково. Более того, как следует из самого факта существования многочисленных оппозиционных движений, это согласие часто оказывалось неустойчивым. Мы должны пойти дальше рассуждений о разнообразных идеологических и культурных механизмах, какими бы важными они ни казались, и сконцентрировать внимание на повседневных событиях, чтобы лучше определить, что лежало в основе формирования общественного консенсуса в отношении идей неолиберализма. Именно на этом уровне — на уровне ежедневного существования в рамках капиталистической системы образца 1970-х — мы начинаем замечать влияние неолиберализма на общественное мнение. В результате во многих частях света люди приходили к убеждению, что это был единственный «естественный» способ поддержания социального порядка.

Любое политическое движение, которое признает свободу личности священной, рискует превратиться в неолиберальное. Политические потрясения, прокатившиеся по миру в 1968 году, например, происходили под огромным влиянием стремления к большей личной свободе. Это касалось и студентов, например тех, кого вдохновило движение Беркли за свободу слова в 1960-х, тех, которые наводнили улицы Парижа, Берлина и Бангкока, или тех, которые были так безжалостно расстреляны в Мехико незадолго до Олимпиады 1968 года. Они требовали свободы от родительского, корпоративного, образовательного,

бюрократического и государственного влияния. Не менее важной целью движения 1968 года была социальная справедливость.

Ценности личной свободы и социальной справедливости не всегда совместимы. Стремление к социальной справедливости предполагает общественную солидарность и готовность пожертвовать индивидуальными желаниями, потребностями и стремлениями ради общего дела, например борьбы за социальное равенство или экологическую безопасность. Задачи общественной справедливости и личной свободы не совсем идеально сочетались в движении 1968 года. Наиболее очевидным образом эти трения проявлялись в отношениях между левыми традиционалистами (организованные профессиональные союзы и политические партии, поддерживающие общественную солидарность) и студенческими движениями, стремящимися к личной свободе. Подозрения и взаимные нападки разделили два этих течения во Франции (Коммунистическая партия и студенческое движение) во время событий 1968 года. Нельзя сказать, что эти разногласия совершенно непримиримы, но очевидно, что их несложно углубить и сделать почти непреодолимыми. Неолиберальная риторика, основанная на идее личной свободы, обладает достаточной силой убеждения, чтобы противопоставить, с одной стороны, свободолобие, многокультурность, индивидуалистическую политику, нарциссизм и консюмеризм, а с другой стороны — общественные силы, стремящиеся к установлению социальной справедливости посредством захвата государственной власти. Левые в США давно поняли, как сложно добиться коллективной дисциплины, необходимой для политических выступлений, направленных на достижение социальной справедливости, без определенного ущерба стремлению отдельных политиков к личной свободе и полному осознанию и проявлению индивидуальности. Неолиберализм не является причиной появления этих разногласий, но он вполне мог их использовать, если не напрямую стимулировать.

В начале 1970-х годов те, кто стремился к личной свободе и социальной справедливости, могли объединиться в борьбе с тем, что тогда воспринималось в качестве

общего врага. Влиятельные корпорации, объединившись с государством, ведущим политику интервенционизма, управляли миром, подавляя при этом личные свободы и не обеспечивая социальной справедливости. Вьетнамская война была наиболее явным катализатором разочарования в обществе, но деструктивная деятельность корпораций и государства в отношении окружающей среды, подталкивание общества к бездумному консумеризму, неспособность решать социальные проблемы и адекватно реагировать на растущую неоднородность общества, жесткие ограничения возможностей и поведения личности со стороны навязанных государством и «обязательных» контролирующих механизмов — также вызывали неприятие у значительной части населения. Наиболее актуальной темой были гражданские права, наравне с вопросами сексуальной ориентации или правами на воспроизводство. Почти для каждого участника движения 1968 года государство, позволяющее себе вмешиваться в жизнь гражданина, было враждебной силой и нуждалось в реформировании. С этим неолибералы готовы были согласиться. Капиталистические корпорации и сама рыночная система также воспринимались как враждебные силы, а потому тоже требовали серьезных изменений, если не революционной трансформации. Отсюда возникла угроза классовой власти капитала. Только путем использования идей свободы личности в борьбе против чрезмерного вмешательства и излишнего регулирования со стороны государства капиталистический класс мог защитить и даже упрочить собственную позицию. Неолиберализм прекрасно годился для этой идеологической задачи. Но в качестве опоры ему требовалась практическая стратегия, которая подчеркивала важность свободы потребительского выбора, и не только в отношении определенных продуктов, но и в отношении стиля жизни, средств самовыражения и ряда культурных действий. И с политической, и с экономической точек зрения неолиберализация требовала создания неолиберальной массовой культуры, основанной на рыночных принципах, поддерживающей дифференцированный консюмеризм и индивидуальные свободы. Неолиберализм оказался вполне совместимым с культурным импульсом,

получившим название постмодернизм, который долгое время развивался, но никак не оформлялся в полноправную культурную и интеллектуальную доминанту. В этом заключалась основная сложность для корпораций и общественной элиты в 1980-е годы.

В то время все это не было настолько очевидно. Левые движения не смогли осознать, а уж тем более преодолеть изначальные трения между стремлением к индивидуальной свободе и социальной справедливостью. Но интуитивно суть проблемы была, я думаю, понятна многим в правящей верхушке — даже тем, кто никогда не читал Хайека или и вовсе не слышали о неолиберальной теории. Попробуем проиллюстрировать эту идею путем сравнения процесса поворота к неолиберализму в Великобритании и в США в беспокойные 1970-е годы.

В случае с США можно начать разговор с одного секретного документа, отправленного Льюисом Пауэллом в Торговую палату США в августе 1971-го. Пауэлл, который должен был вот-вот получить от Ричарда Никсона назначение в Верховный суд, утверждал, что критика принятой в США системы свободного предпринимательства зашла слишком далеко и что «настало время — и давно настало, — когда американский бизнес, используя всю свою мудрость, искренность и имеющиеся ресурсы, должен выступить против тех, кто стремится его разрушить». Пауэлл считал, что разрозненных действий будет недостаточно. «Сила, — писал он, — лежит в организации, в продуманном долгосрочном планировании и реализации планов, в последовательности действий на протяжении многих лет, в той финансовой мощи, которая может быть достигнута только совместными усилиями, в политической силе, возможной только при слаженных действиях организаций национального масштаба». Национальная Торговая палата должна воздействовать на основные общественные институты — университеты, школы, прессу, издательства, юридическую систему, — чтобы изменить мнение граждан «о корпорациях, законе, культуре и отдельной личности». Американский бизнес располагал всеми необходимыми для этого ресурсами, особенно если бы компаниям удалось объединить усилия⁴.

Насколько действенным был этот прямой призыв к началу классовой войны, сказать сложно. Мы знаем, что число членов американской Торговой палаты возросло за 10 лет с 60 000 компаний в 1972 году до четверти миллиона. Совместно с Национальной ассоциацией промышленников (которая переехала в Вашингтон в 1972 году) удалось лоббировать Конгресс и начать исследования. «Круглый стол бизнеса» — организация, объединявшая руководителей компаний, «стремящихся обеспечить корпорации политическим влиянием», была основана в 1972 году и впоследствии стала центральной силой всех организованных действий в поддержку интересов бизнеса. На долю компаний, участвующих в этой организации, приходилось «около половины ВВП США» в 1970-е годы. Эти компании расходовали ежегодно около 900 млн долл. (огромные по тем временам средства) на решение политических вопросов. Такие аналитические группы, как Heritage Foundation, Hoover Institute, Center for the Study of American Business и American Enterprise Institute, были образованы при поддержке корпораций для того, чтобы вести полемику, а при необходимости, как в случае Национального бюро экономических исследований, и проводить серьезные теоретические и практические исследования и вырабатывать политико-философские аргументы в поддержку неолиберальной политики. Почти половина всей суммы финансирования, получаемого Бюро, поступало от компаний, входивших в число 500 крупнейших (*Fortune 500*). Имея тесные связи с научными кругами, Бюро экономических исследований должно было оказать значительное влияние на образ мыслей в стенах экономических факультетов и бизнес-школ основных университетов и исследовательских центров. Состоятельные граждане (например, владелец пивоваренного бизнеса Джозеф Коорс, который впоследствии стал играть ведущую роль в так называемом «кухонном кабинете» Рейгана) и созданные ими фонды (Olin, Scaife, Smith Richardson, Pew Charitable Trust) обеспечивали щедрое финансирование. Появлялись все новые книги и публикации — самой популярной была, наверное, *Anarchy State and Utopia* Нозика. Все это привело к быстрому распространению неолиберальных ценностей. Создание телевизионной версии

книги Милтона Фридмана *Free to Choose* было спонсировано в 1977 году за счет гранта от Scaife. «Бизнес учился классовому подходу к распоряжению деньгами», — писал Блис⁵.

Требуя особого внимания к университетам, Пауэлл указывал на проблему и открывающуюся в связи с этим возможность, ведь университеты действительно были центром антикорпоративных и антигосударственных настроений (в Санта-Барбаре студенты сожгли здание Bank of America и провели ритуальное захоронение автомобиля в песке). Но немало было и студентов (и это верно и по сей день), вышедших из состоятельных и влиятельных семей или, как минимум, из среднего класса, а личная свобода давно высоко ценилась в США (это выражалось и в музыке, и в массовой культуре). Неолиберальные идеи могли найти среди таких граждан благодатную почву для пропаганды. Пауэлл не ратовал за усиление государственной власти. Бизнес должен «кропотливо и бережно формировать» государство, а при необходимости — действовать «агрессивно и уверенно»⁶.

Как именно планировалось использовать власть государства в процессе формирования необходимого «общего мнения»?

Один из вариантов решения двойного кризиса — накопления капитала и классовой власти — возник в процессе подавления городских беспорядков 1970-х годов. Финансовый (бюджетный) кризис города Нью-Йорка можно считать таким классическим примером. Реструктуризация и деиндустриализация в течение нескольких лет размывали основу экономики города. Стремительный отток населения в пригороды привел к серьезному обеднению центральной части города. В результате в 1960-е годы в среде маргинальной части населения произошел социальный взрыв, дав начало процессу, который со временем стали называть «урбанистическим кризисом» (схожие проблемы возникали во многих городах Америки). Казалось, что резкое увеличение объема общественных работ и дотационных программ, которые отчасти финансировались за счет федерального бюджета, могло тогда разрешить проблему. Столкнувшись с дефицитом бюджета, президент Никсон в самом начале 1970-х решил волевым реше-

нием прекратить урбанистический кризис. Это означало резкое сокращение государственных дотаций. По мере того как усугублялся спад, росла пропасть между доходами и расходами городского бюджета Нью-Йорка (и без того уже значительная из-за многократных займов на протяжении последних лет). Вначале финансовые компании были готовы помочь городу выбраться из кризиса, но в 1975 году влиятельная группировка инвестиционных банкиров (под предводительством Уолтера Ристона из Citibank) отказалась пролонгировать договоры займа, что привело город на грань технического банкротства. В процессе разрешения финансового кризиса были созданы новые институты, которые взяли на себя управление бюджетом города. Они получили приоритетное право на получение налоговых поступлений в казну города: из этих средств вначале погашались долги города перед кредиторами, а остаток направлялся на непосредственные нужды города. Все это делалось с целью ограничить стремление к власти муниципальных профсоюзов, заморозить рост зарплат и сократить число муниципальных рабочих мест и социальных расходов (образование, здравоохранение, транспорт), для стимулирования введения платных сервисов (именно тогда была введена плата за обучение в университете города Нью-Йорка (CUNY). Последней точкой стало требование к муниципальным профсоюзам вкладывать все пенсионные сбережения в городские долговые обязательства. Профсоюзам пришлось сокращать свои притязания, чтобы не подвергать риску потери все сбережения, если город окажется банкротом⁷.

Так финансовые компании совершили переворот против демократически избранного правительства города Нью-Йорка, и переворот этот был не менее эффективным, чем, например, военный переворот, произошедший несколькими годами ранее в Чили. В ходе финансового кризиса произошло перераспределение богатства в пользу верхушки общества. Нью-йоркский финансовый кризис был, по словам Зевина, признаком «формирования стратегии дефляции и регрессивного перераспределения доходов, богатства и власти». Это стало «первой и, возможно, решающей битвой новой войны», целью которой было «пока-

зять другим, что происходящее в Нью-Йорке так или иначе неизбежно случится и с ними»⁸.

Трудно сказать, насколько сами авторы этого налогового компромисса воспринимали его именно как стратегию восстановления классовой власти. Поддержание фискальной дисциплины – самостоятельный вопрос, не обязательно предполагающий, в отличие от монетаризма в более общем понимании, регрессивное перераспределение богатства. Маловероятно, чтобы, например, Феликс Роатин, представитель коммерческого банка, обслужившего сделку между городом, государством и финансовыми компаниями, думал о восстановлении классовой власти. Он мог «спасти» город только путем удовлетворения интересов инвестиционных банкиров, постепенно снижая уровень жизни большинства ньюйоркцев. А вот инвестиционные банкиры, как Уолтер Ристон, например, почти наверняка думали именно о восстановлении власти своего класса. В конце концов, он и так приравнивал любые формы государственного вмешательства, проводимые в США или Великобритании, к коммунизму. И для Уильяма Саймона, министра финансов США при президенте Форде (впоследствии возглавившего ультраконсервативный *Olin Foundation*), восстановление классовой власти почти наверняка было одной из целей. Он вполне одобрительно отнесся к тому, как развивались события в Чили, и убедительно советовал президенту Форду воздержаться от любой помощи Нью-Йорку («Форд – городу: умри!» – такой заголовок появился в *New York Daily News*). В любом случае условия договора должны «иметь настолько карательный характер, и в целом вся история должна быть настолько устрашающей, чтобы никому другому городу и никакой политической группировке не пришло в голову когда-либо пойти этим путем»⁹.

Серьезное сопротивление суровым мерам могло, по мнению Фримана, замедлить «контрреволюцию сверху, но не остановить ее. В течение нескольких лет многие достижения рабочего класса города Нью-Йорка были утрачены». Большая часть городской социальной инфраструктуры была уничтожена, состояние физической инфраструктуры (например, системы метро) серьезно ухудшилось из-за недостатка инвестиций и средств на

текущее обслуживание. Повседневная жизнь в Нью-Йорке «становилась все более суровой, а атмосфера в обществе — недоброй». Постепенно городские власти, муниципальные профсоюзы, рабочий класс Нью-Йорка лишились «большей части влияния, которое они себе обеспечили за последние три десятилетия»¹⁰. Деморализованный рабочий класс был вынужден принять новую реальность.

Для инвестиционных банкиров Нью-Йорка город по-прежнему представлял интерес. Они использовали возможность реструктуризации долгов в свою пользу. Их основным приоритетом стало создание «хорошего делового климата» в городе. Это предполагало формирование инфраструктуры, соответствующей потребностям бизнеса (особенно в области телекоммуникаций), с использованием общественных ресурсов, а также предоставление субсидий и налоговых стимулов частным капиталистическим предприятиям. Вместо системы социального обеспечения граждан развивалась система поддержки корпораций. Лучшие компании объединили усилия, чтобы сформировать имидж Нью-Йорка как культурного и туристического центра (тогда и был придуман знаменитый лозунг «Я люблю Нью-Йорк»). Господствующая элита теперь открыто поддерживала привлечение в город представителей всевозможных культурных течений. Нарциссизм и самолюбование, исследование своего внутреннего мира, своей личности и сексуальности стало лейтмотивом буржуазной городской культуры. Артистическая свобода и права художника при поддержке культурных организаций города привели к неолиберализации искусства. «Безумный Нью-Йорк» (как говорил Рем Кулхаас) вытеснил из памяти образ демократического Нью-Йорка¹¹. Городская элита постепенно смирилась с фактом существования разнообразных стилей жизни (в том числе сексуальных предпочтений и пола) и растущего разнообразия потребительских ниш (особенно в области культуры). Нью-Йорк стал эпицентром постмодернистских культурных и интеллектуальных экспериментов. В то же время инвестиционные банкиры провели реструктуризацию экономики города в соответствии с интересами финансовой сферы и вспомогательных областей, таких, как юридические услуги и средст-

ва информации (значительно оживившиеся благодаря притоку средств). Эти перемены соответствовали и росту диверсификации потребления (джентрификация и «возрождение» отдельных кварталов играли заметную роль и приносили немалые прибыли). Городские власти все больше воспринимались как предпринимательская, а не социал-демократическая или управленческая организация. Конкуренция в рамках города за инвестиционный капитал превратила правительство города в орган управления на основе общественно-частных партнерств. Городской бизнес все чаще велся за закрытыми дверями, сужалась демократическая и представительская функция местного правительства¹².

Та часть Нью-Йорка, которую населяли рабочие и этнические эмигранты, снова оказалась в тени. Тут разворачивалась страшная по масштабам эпидемия расизма и наркомании, достигшая пика в 1980-е годы, когда молодые жители этих кварталов все чаще умирали, попадали в тюрьму, оказывались бездомными. Началась эпидемия СПИДа, продолжавшаяся и в 1990-е годы. Перераспределение благ с помощью насилия и криминала стало одной из немногих возможностей для бедноты. В ответ власти были готовы признать целые кварталы обедневших маргиналов преступниками. Жертвы проводимой политики оказались сами повинны во всех своих бедах. Мэр Джулиани прославился тем, что встал на защиту интересов приобретающей растущее влияние буржуазии Манхэттена, уставшей от соседства с бедностью и криминалом.

Способ выхода Нью-Йорка из финансового кризиса стал новым инструментом, который использовался неолибералами в США во времена правления Рейгана и позже, в 1980-е годы, в работе МВФ. Был утвержден принцип, в соответствии с которым при возникновении конфликта между интересами финансовых организаций и кредиторов, с одной стороны, и благополучием граждан, с другой стороны, приоритетными признавались интересы кредиторов и финансистов. Государству отводилась задача обеспечения хорошего делового климата, а не удовлетворения потребностей населения в целом. Табб делает вывод, что политика администрации Рейгана в 1980-х явилась, по сути, «нью-йоркским сценарием» 1970-х, «разыгранным в масштабах страны»¹³.

Моментально эти принципы начали использовать в масштабах страны. Томас Эдселл (журналист, который писал много лет репортажи из Вашингтона) опубликовал в 1985 году пророческие слова:

«В 1970-е годы бизнес научился действовать как единый класс, подавляя соревновательные инстинкты в пользу слаженных действий в законодательной сфере. Прошли времена, когда отдельные компании добивались тех или иных решений в свою пользу... Теперь в политической стратегии бизнеса доминирующей темой стали общие интересы, связанные с законами по защите интересов потребителей, реформой трудового законодательства, с введением благоприятного налогообложения и антимонопольного законодательства»¹⁴.

Для достижения этих целей бизнес нуждался в политическом инструменте и поддержке избирателей. В качестве такого инструмента бизнес начал активно пытаться использовать республиканскую партию. Важным шагом было образование влиятельного политического комитета с целью формирования, по пословице, «наилучшего правительства, которое только можно купить за деньги». «Прогрессивное» законодательство, связанное с финансированием предвыборных кампаний и принятое в 1971 году, фактически легализовало коррупцию. Важнейшие решения Верховного суда принимались начиная с 1976 года, когда право корпораций совершать неограниченные пожертвования в пользу политических партий и комитетов впервые оказалось под защитой Первой поправки, гарантирующей права граждан (в данном случае корпораций) на свободу слова¹⁵. Комитеты политических действий (комитеты в поддержку политического кандидата или партии, а также официально регистрируемые общественные организации США, занимающиеся сбором средств для пропаганды тех или иных идей.— *Примеч. пер.*) могли теперь обеспечивать финансовое доминирование любой из политических партий на основе интересов корпораций, финансовых групп, профессиональных ассоциаций. Число корпоративных политических комитетов, которых в 1974 году было 89, возросло к 1982 году до 1467. Эти ко-

митеты были готовы финансировать влиятельных членов любой партии при условии, что интересы самих корпораций были ими удовлетворены. Время от времени корпоративные политические комитеты оказывали поддержку и правым силам. В конце 1970-х годов Рейган (в то время губернатор Калифорнии) и Уильям Саймон попытались вынудить некоторые комитеты поддержать кандидатов-республиканцев правого толка¹⁶. Каждый политический комитет мог внести не более 5000 долл. для одного кандидата, поэтому комитеты, представляющие разные корпорации и отрасли, были вынуждены в дальнейшем объединить усилия. Так начали возникать альянсы, основанные в первую очередь на классовых интересах.

Желание республиканской партии стать представителем «класса, составляющего большинство ее электората», как замечает Эдселл, было прямо противоположно «идеологически амбивалентному» имиджу демократов, основанному на том, что «связи этой партии с разнообразными группами общества разрозненны, и ни одна из этих групп — женщины, афроамериканцы, профсоюзы, пожилые граждане, латиноамериканцы, городские политические организации — не составляет большинства электората». Зависимость демократов от пожертвований «денежных мешков» объясняет приверженность многих прямым интересам бизнеса¹⁷. Демократы пользовались поддержкой избирателей, но не могли открыто высказываться в пользу антикапиталистических или антикорпоративных решений без риска испортить отношения с влиятельными финансовыми кругами.

Для захвата власти республиканская партия нуждалась в устойчивом электорате. Примерно в это время республиканцы попытались установить альянс с правыми христианами. Последние не проявляли до этого момента политической активности, но появление «морального большинства» Джерри Фолуэлла (*Jerry Falwell*) в 1978 году многое изменило. Теперь республиканская партия могла опираться и на избирателей, поддерживающих христианское движение. Республиканцы апеллировали также и к культурному национализму белых американцев, относящихся к рабочему классу, к их ущемленному чувству моральной справедливости (ущемленному потому, что эти люди жили в условиях посто-

янной экономической нестабильности и чувствовали, что лишены многих преимуществ в результате проводимой политики «позитивной дискриминации», направленной на восстановление прав меньшинств). Эту часть электората можно было привлечь с помощью позитивных (религия, культурный национализм) и негативных (скрытый и явный расизм, гомофобия (ненависть к гомосексуалистам. — *Примеч. пер.*), антифеминизм) идей. Проблема заключалась не в капитализме или неолиберализации культуры, а в «либералах», которые злоупотребляли государственной властью с целью удовлетворения интересов отдельных групп (афроамериканцев, женщин, защитников окружающей среды и т. п.). Получающие серьезную финансовую поддержку движения неоконсервативных интеллектуалов (во главе которых стояли Ирвинг Кристол и Норман Подгорец, а также журнал *Commentary*) поддержали эту позицию, апеллируя к морали и традиционалистским ценностям. Поддерживая поворот к неолиберализму экономически, но не культурно, они критиковали излишнюю активность так называемой «либеральной элиты», таким образом очерняя сам термин «либеральный». Цель — отвлечь внимание от капитализма и корпоративной власти и их причастности к экономическим или культурным проблемам, возникавшим из-за растущей коммерциализации и индивидуализма.

С тех пор порочный альянс крупного бизнеса и консервативных христиан, поддержанный неоконсерваторами, постепенно укреплялся, истребляя внутри республиканской партии все либеральные настроения (заметные еще в 1960-е годы), особенно после 1990 года, и превращая ее в относительно однородную политическую силу правого толка¹⁸. Не в первый и не в последний раз в истории социальная группа под воздействием навязанных убеждений стала голосовать против собственных материальных, экономических и классовых интересов в силу культурных, национальных и религиозных причин. В некоторых случаях, однако, можно даже говорить не о навязанных идеях, а о сознательном выборе, так как существует множество подтверждений тому, что христиане-протестанты (не более 20% населения), составляющие основную массу «морально-

го большинства», с радостью поддержали союз крупного бизнеса с республиканской партией. Они расценивали это как одно из средств пропаганды собственных моральных ценностей. Именно это и произошло в случае с сомнительной и законспирированной организацией христианских консерваторов, члены которой составляли большинство в Совете по национальной политике, основанном в 1981 году, «чтобы выработать стратегию поворота страны вправо»¹⁹.

Демократическая партия была расколота необходимостью хотя бы частично удовлетворять корпоративные и финансовые интересы и в то же время совершать определенные шаги, направленные на улучшение материальных условий жизни своих избирателей. В период правления Клинтона партия сделала выбор в пользу корпоративных интересов и неолиберальная политика (как, например, в случае с реформой социальной системы) возобладала²⁰. Но, как и Феликс Роатин, Клинтон вряд ли с самого начала собирался действовать именно таким образом. Вынужденный искать способы преодоления огромного бюджетного дефицита и стимулировать рост экономики, он пытался снижать процентную ставку путем сокращения дефицита. Это потребовало бы либо серьезного повышения налогов (что означало бы политическое самоубийство), либо сокращения бюджетных расходов. Выбирая второй вариант, президент, как выразились Ергин и Станислау, «предал своих традиционных сторонников, чтобы убажить богатых». Как признался Джозеф Стиглиц, бывший одно время председателем Экономического совета при президенте Клинтоне, «мы смогли заставить бедных затянуть пояса и одновременно позволили богатым вздохнуть свободнее»²¹. Социальная политика в итоге оказалась в руках кредиторов с Уолл-стрит (примерно то же произошло когда-то в Нью-Йорке). Последствия были вполне предсказуемыми.

Образовавшаяся политическая структура была проста. Республиканская партия могла мобилизовать огромные финансовые ресурсы и собственный электорат, чтобы его представители проголосовали против собственных материальных интересов (в силу культурных/религиозных причин), а демократическая партия не могла себе позволить заботиться о материальных интересах избирателей

(например, национальной системе здравоохранения), боясь выступить против интересов капиталистического класса. При такой асимметрии политическая гегемония республиканцев была более вероятна.

Выборы Рейгана в 1980 году стали первым шагом на долгом пути формирования политического сдвига в поддержку начатого Волкером перехода к монетаризму, когда приоритетом стала борьба с инфляцией. В то время Эдселл писал, что Рейган в своей политике концентрировался на «максимальном снижении степени федерального вмешательства в вопросы промышленности, окружающей среды, производственных отношений, отношений между продавцом и покупателем и сокращении областей, в которых это вмешательство еще имело место». Сокращение бюджета и дерегулирование экономики, «назначение людей, поддерживающих сужение регулирования экономики и ориентированных на интересы промышленности» на ключевые позиции стало основным инструментом реализации этой политики²².

Национальное управление по трудовым отношениям, созданное для того, чтобы регулировать отношения между трудящимися и владельцами капитала в 1930-е годы, во времена Рейгана было превращено в инструмент управления производственными отношениями в процессе осуществления политики дерегулирования экономики²³. В 1983 году в течение менее чем 6 месяцев было отменено около 40% решений Совета, принятых еще в 1970-е, которые теперь сочли «слишком благоприятными» для трудящихся. В понимании Рейгана все решения (кроме тех, которые касались трудовых отношений) были плохими. Административно-бюджетному управлению было поручено провести глубокий анализ всех законодательных изменений, прошлых и текущих, на предмет связанных с ними издержек и преимуществ. Было предписано отменять нормы, если преимущества не перевешивали издержек. Более того, серьезные изменения налогового законодательства, касающиеся, прежде всего, амортизации инвестиций, позволили многим корпорациям вообще не платить налоги. Снижение максимальной ставки налогов для физических лиц с 78 до 28%, очевидно, отражало намерение восстано-

вить классовую власть (см. рис. 1.7). Хуже всего было то, что активы публичных компаний свободно передавались в частные руки. Например, многие исследования в области фармакологии финансировались Национальным институтом здравоохранения в сотрудничестве с фармацевтическими компаниями. В 1978 году некоторые компании получили права на бесплатное использование патентов на соответствующие разработки, без каких бы то ни было выплат государству. Тем самым этим компаниям на долгие годы вперед были гарантированы высокие прибыли²⁴.

Теперь стало необходимо, чтобы поведение трудящихся и сами трудовые отношения соответствовали новому социальному порядку. Муниципалитет Нью-Йорка стал пионером, сумев в 1975–1977 годах обуздать некогда влиятельные профсоюзы. Рейган проделал то же на национальном уровне, подавив выступление авиадиспетчеров в 1981 году и дав ясно понять, что профсоюзы не будут допущены к участию в деятельности правительства. Непростое соглашение, достигнутое между корпорациями и профсоюзами в 1960-е, больше не действовало. Уровень безработицы взлетел к середине 1980-х годов до 10%, и это был отличный момент для атаки на все без исключения формы профессиональных и трудовых организаций. Обычным делом стал перевод производств с Северо-Востока и Среднего Запада страны, где профсоюзы были сильны, в южные штаты, где влияния профсоюзов практически не было, а то и в Мексику или в страны Юго-Восточной Азии (все эти маневры осуществлялись в условиях особого налогового режима в отношении новых инвестиций; кроме того, центр капиталистического влияния теперь переместился от производства в финансовую сферу). В результате вывода промышленности из регионов, где были распространены трудовые организации (так называемый «индустриальный Север»), было ослаблено общее влияние профсоюзов. Корпорации могли угрожать закрытием заводов и даже игнорировать забастовки (например, в угольной отрасли) — и при этом всегда оставаться в выигрыше.

Победа доставалась не только благодаря кнуту — предлагались и пряники: нередко для того, чтобы сломить командный дух в коллективе, отдельным работникам пред-

лагались определенные индивидуальные поощрения. Профсоюзы становились все более уязвимыми из-за жестких правил и бюрократической структуры. Такой недостаток гибкости часто играл как против капитала, так и против самих рабочих. Призывы оптимизировать операционные процессы и ввести гибкий рабочий график могли стать частью неолиберальной философии, которая казалась отдельным рабочим вполне убедительной, особенно тем, кто не являлся членом сильного профсоюза и не имел поэтому особых привилегий. Повышение свободы выбора в трудовых отношениях могло преподноситься как благо и для капитала, и для трудящихся. Было несложно сделать неолиберальные ценности частью «общего мнения» большинства трудящихся. Эта возможность была использована для создания системы эксплуатации, обеспечивающей гибкость накопления (все преимущества, связанные со свободой перераспределения трудовых ресурсов в пространстве и времени, доставались капиталистам). Именно поэтому реальные зарплаты многие годы, за исключением короткого периода в 1990-х, оставались неизменными или реально сокращались (см. рис. 1.6), а прочие льготы и выплаты постоянно уменьшались. Неолиберальная теория угодливо утверждает, что безработица есть личный выбор каждого человека. Работник определяет «минимальную цену» своего труда, и, если зарплата опускается ниже этой суммы, он предпочитает не работать совсем. Безработица возникает, когда трудящиеся завышают свою «минимальную цену». Так как этот минимальный уровень связан в определенной степени и с системой социальных выплат (существует масса историй о «королевах на пособии», которые якобы могут себе позволить разъезжать на «кадиллаке»), то получается, что проведенная Клинтон-ом неолиберальная реформа «системы социального обеспечения, как мы ее знаем», должна стать решающим шагом к сокращению безработицы.

Все это требовало логического обоснования, и в связи с этим противостояние идеологий приобретает серьезное значение. Экономические концепции, призванные поддержать поворот к неолиберализму, привели, как утверждает Блит (Blyth), к слиянию идей монетаризма

(Фридмана), рациональных ожиданий (Роберта Лукаса), общественного выбора (Джеймса Бьюкенена и Гордона Таллока) и менее уважаемой, но не менее влиятельной концепции стимулирования предложения Артура Лаффера. Он утверждал, что сокращение налогов может дать экономической деятельности такой мощный толчок, что приведет в результате к росту налоговых поступлений (Рейган был в восторге от этой идеи). Более разумным казалось утверждение о том, что вмешательство государства само по себе стало, скорее, проблемой, а не решением. «Стабильная денежная политика плюс радикальное снижение максимальной налоговой ставки должны привести к оздоровлению экономики», если при этом разумно стимулировать предпринимательскую деятельность²⁵. Деловая пресса во главе с *Wall Street Journal* ухватилась за эти идеи и активно поддержала неолиберализацию — как неизбежное решение всех экономических проблем. Популярности этим идеям прибавили известные аналитики, например Джордж Гилдер (поддержанный аналитическими группами). Бизнес-школы, возникшие в таких престижных университетах, как Стэнфорд и Гарвард, и существующие на щедрую спонсорскую помощь корпораций, тут же стали центрами неолиберальной философии. Процесс распространения идей всегда бывает сложно проследить. К 1990 году неолиберальная идея стала популярной в ученых кругах большинства экономических факультетов ведущих исследовательских университетов и в бизнес-школах. Важность этого нельзя недооценивать. Американские исследовательские университеты были и остаются учебной базой для многих зарубежных специалистов, которые используют полученные в Америке знания, а возвращаясь обратно в свою страну, становятся ключевыми фигурами в процессе внедрения неолиберальной теории. Так, в Китае и Мексике были экономисты, получившие образование в США — или работали затем в таких международных организациях, как МВФ, Всемирный банк, ООН.

Думаю, что вывод очевиден. «В 1970-х политическое крыло национального корпоративного сектора,— пишет Эдселл,— развернуло одну из мощнейших кампаний по борьбе за власть в новейшей истории». К началу 1980-х

«эта группировка приобрела размах, сопоставимый с масштабом ее влияния в 1920-е годы»²⁶. К 2000 году, используя приобретенное влияние, эта группа восстановила утраченную долю в национальном богатстве и увеличила объем собственных доходов до уровня, не виданного с 1920-х.

В Великобритании формирование консенсуса происходило иначе²⁷. События в Йоркшире и Канзасе разворачивались неодинаково. Культурные и политические традиции двух стран серьезно отличались. В Британии не существовало правых христиан-протестантов, которые могли бы сформировать моральное большинство. Корпорации там были склонны поддерживать публичные политические действия (и практически не участвовали в деятельности политических партий). Влияние на политику они оказывали с помощью связей, основанных на классовой принадлежности и привилегиях и давно связавших правительство, академические и юридические круги и общественный сектор (который в то время еще оставался традиционно независимым) с лидерами промышленности и финансов. Политическая ситуация в стране тоже была иной, так как лейбористская партия создавалась в качестве инструмента влияния рабочего класса и зависела от сильных профсоюзов. В Великобритании сформировалась гораздо более сложная и всеобъемлющая структура социального обеспечения, чем в США. Основные отрасли экономики (добыча угля, производство стали, автомобилестроение) были национализированы; значительная доля жилья оставалась общественной собственностью. Начиная с 1930-х, когда Окружной совет Лондона во главе с Гербертом Моррисоном оказался в авангарде политических процессов, лейбористская партия приобрела серьезное влияние на муниципальные власти. Этот факт подтверждается и тем, что единство в обществе было достигнуто именно благодаря профсоюзному движению и муниципальной власти. Даже когда партия консерваторов пришла на довольно продолжительный срок к власти после Второй мировой войны, она не предпринимала попыток изменить складывающуюся систему социального обеспечения.

В 1960-х лейбористское правительство отказалось отправить войска во Вьетнам, и благодаря этому страна избе-

жала внутренних конфликтов, неизбежно возникших бы в случае участия в непопулярной войне. После Второй мировой войны Британия согласилась начать деколонизацию (хотя и неохотно, а в некоторых случаях не без жесткой борьбы и нажима со стороны США). После безрезультатного выступления в Суэце в 1956 году постепенно (и снова неохотно) Британия была вынуждена отказаться от открытых проявлений имперской власти, и подтверждением тому стал вывод британских войск из Суэца в 1960-х. Великобритания активно участвовала в операциях НАТО под прикрытием военных сил США. Тем не менее ее влияние еще ощущалось на большей части территорий бывшей империи, и это нередко приводило к конфликтам с другими политическими силами (как, например, в ходе кровопролитной гражданской войны в Нигерии, когда новообразованная республика Биафра попыталась обрести независимость). Суть отношений Британии с бывшими колониями во многом по-прежнему сохранялась. Неоколониальная система только усиливала, а не искореняла коммерческую эксплуатацию бывших колоний. Приток населения из бывших колоний в Великобританию начал влиять на положение в стране.

Многолетнее господствующее положение Британии позволило сохранить роль лондонского Сити в качестве финансового центра и после деколонизации. В 1960-х Великобритания стремилась поддержать и усилить влияние Сити на фоне появления новых мировых финансовых центров. Возник ряд противоречий. Действия государства, направленные на защиту финансового капитала (с помощью манипуляций с процентной ставкой), чаще всего вступали в конфликт с потребностями собственного промышленного капитала (провоцируя тем самым структурный раскол внутри класса капиталистов) и нередко препятствовали расширению внутреннего рынка (ограничивая возможность кредитования). Политика поддержания сильного фунта стерлингов подрывала экспортный потенциал британской промышленности и в конце концов спровоцировала платежный кризис 1970-х. Возникли противоречия между «встроенным либерализмом», сложившимся внутри страны, и либерализмом свободного лондон-

ского капитала, оперирующего на международных финансовых рынках. Сити — мировой финансовый центр — долгое время поддерживал монетаристскую, а не кейнсианскую политику и поэтому стал основой сопротивления политике «встроенного либерализма».

Система социального обеспечения, созданная в Великобритании после Второй мировой войны, не могла одинаково устраивать все без исключения слои общества. Ее серьезно критиковала пресса (особенно уважаемая *Financial Times*), которая все больше поддерживала интересы финансового капитала. Индивидуализм, свобода и независимость преподносились как ценности, противоположные удушающей бюрократической некомпетентности государственного аппарата и подавляющему влиянию профсоюзов. В 1960-е годы такое критическое мнение стало очень популярным и получило еще большую поддержку в суровые 1970-е — годы экономической стагнации. Люди боялись, что Великобритания превратится в «корпоративное государство, обреченное оставаться посредственностью»²⁸. Хайек занял другую позицию, которую поддерживали университеты и, что важнее, Институт экономических отношений (основанный в 1955 году), где в 1970-е годы заметной фигурой стал Кит Джозеф, который позже стал основным советником Маргарет Тэтчер. Серьезное влияние на общественное мнение оказал возникший в эти годы Центр политических исследований (Center for Policy Studies) (1974), и Институт Адама Смита (1976). Влиятельная пресса все больше поддерживала неолиберальные идеи. Еще раньше стали заметны молодежные движения (отличившиеся политической сатирой) и новая поп-культура «свингующего Лондона» 1960-х — все это бросало вызов традиционной модели классовых отношений. Все большее значение приобретали идеи индивидуализма и свободы самовыражения. Склоняющееся влево студенческое движение, на которое в значительной степени повлияли сложные взаимоотношения с сильной классовой системой и колониальным наследием, также становилось активным элементом британской политики — как и в других странах в 1968 году. Неуважительное отношение к классовым привилегиям (будь то аристократы, политики, государственные

чиновники) переросло в эпоху постмодернизма в открытый радикализм. Скептицизм в отношении политики объясняет подозрительное отношение к глобальным идеям мироустройства.

Существовало много элементов, которые могли стать основой для формирования согласия в отношении поворота к неолиберализму. Как политическая фигура Тэтчер не возникла бы и уж точно не преуспела бы, если бы не серьезный кризис накопления капитала в 1970-е годы. Стагфляция ударила по всем слоям общества. В 1975 году инфляция взлетела до 26%, число безработных превысило 1 миллион человек (см. рис. 1.1). Национализированные отрасли выкачивали ресурсы из казны. Началась конфронтация между государством и профсоюзами. В 1972 и 1974 годах шахтеры (работники национализированной отрасли) впервые с 1926 года провели забастовки. Шахтеры всегда были в авангарде британского трудового движения. Их зарплаты не соответствовали росту инфляции; население сочувствовало их выступлениям. Правительство консерваторов в разгар забастовки объявило чрезвычайное положение, ввело трехдневную рабочую неделю и обратилось к населению за поддержкой. В 1974-м были объявлены выборы. Консерваторы проиграли. Лейбористы снова пришли к власти и прекратили забастовку на выгодных для шахтеров условиях.

Это была пиррова победа. Лейбористы не могли выполнить условий договора с шахтерами. Финансовые трудности усугублялись, кризис платежей возник одновременно с огромным бюджетным дефицитом. Обратившись за кредитом к МВФ в 1975–1976 годах, Великобритания оказывалась перед выбором: либо подчиниться бюджетным ограничениям, как требовал МВФ, либо объявить банкротство и пожертвовать национальной валютой, угрожая интересам финансового Сити. Был выбран первый путь. Начались драконовские сокращения бюджета в области социального обеспечения²⁹. Лейбористы выступили против материальных интересов тех, кто их поддерживал. Но и это не помогло разрешить кризис накопления капитала и погасить стагфляцию. Правительство безуспешно пыталось маскировать сложности за корпоративистской

идеей, предполагавшей, что каждый должен пожертвовать чем-то ради государства. Бывшие сторонники лейбористов были уже в открытой оппозиции, зимой 1978 года работники общественного сектора провели ряд забастовок. «Работники госпиталей прекратили работу, и объем предоставляемых медицинских услуг пришлось серьезно ограничить. Забастовали могильщики. Объявили забастовку водители грузовиков. Разрешалось выпускать в рейс только машины со знаком «товары экстренной необходимости». В железнодорожных кассах появились таблички «сегодня поездов не будет»... бастующие профсоюзы, казалось, поднимут всю страну»³⁰. Проправительственная пресса всю трубила о жадности и неконструктивной позиции профсоюзов. И население перестало их поддерживать. Правительство лейбористов ушло в отставку. На следующих выборах Маргарет Тэтчер выиграла с серьезным преимуществом. Избиратели среднего класса поддержали идею ограничения влияния профсоюзов.

Сходство между тем, как события разворачивались в США и в Великобритании, очевидно, лежит в области трудовых отношений и борьбы с инфляцией. Для борьбы с инфляцией в качестве приоритета номер один М. Тэтчер установила политику монетаризма и строгий бюджетный контроль. Высокие процентные ставки означали высокую безработицу (составлявшую в среднем свыше 10% в 1979—1984 годах; Британский конгресс тред-юнионов за 5 лет потерял свыше 17% своих членов). Влияние профсоюзов ослабло. Алан Бадд, экономический советник Тэтчер, позже выдвинул предположение, что «политика 1980-х, направленная на борьбу с инфляцией путем давления на экономику и минимизации государственных расходов, была прикрытием для подавления трудящихся». Бадд считал, что в Великобритании возникло то, что Маркс назвал «армия промышленного резерва», в результате ослабло влияние профсоюзов, а капиталисты смогли позже получить легкие прибыли. Подобно тому, как Рейган спровоцировал выступление профсоюза авиадиспетчеров РАТСО в 1981 году, М. Тэтчер спровоцировала забастовку шахтеров в 1984-м, объявив о закрытии некоторых шахт (так как импортный уголь обходился дешевле). Забастовка длилась

почти год, и, несмотря на огромную общественную поддержку, шахтеры проиграли. Основа профсоюзного движения Великобритании была подорвана³¹. Тэтчер еще больше сузила власть профсоюзов, открыв экономику страны для иностранных конкурентов и инвестиций. Иностранные конкуренты в 1980-х разрушили большую часть традиционной британской промышленности — сталелитейная отрасль (Шеффилд) и кораблестроение (Глазго) в течение нескольких лет прекратили существование, а с ними — и значительная часть влияния профсоюзов. Тэтчер, по сути, разрушила национальную автомобильную промышленность, которая имела сильные профсоюзы и воинственные трудовые традиции, открыв путь в страну японским производителям, ищущим выход в Европу³². Японцы построили новые производственные площади и наняли рабочих, не являющихся членами профсоюза, готовых работать по японским правилам. В целом Великобритания должна была в течение 10 лет превратиться в страну относительно невысоких зарплат и уступчивых рабочих (по сравнению с остальной Европой). К моменту, когда Тэтчер покинула офис премьер-министра, интенсивность забастовок составляла одну десятую от прежнего уровня. Она добилась снижения инфляции, ограничила влияние профсоюзов, подавила выступления рабочих, обеспечила согласие внутри среднего класса в отношении ее политики.

Тэтчер должна была многое сделать и в других областях. Серьезные выступления против неолиберальной политики назревали и в некоторых городах — муниципалитеты Шеффилда, Лондона (в 1980-е годы Тэтчер пришлось закрыть Совет Большого Лондона ради достижения более серьезных целей) и Ливерпуля (где половину членов городского правительства пришлось посадить за решетку) стали активными центрами сопротивления. Там получили поддержку идеи нового «муниципального социализма» (при активном участии многих общественных движений, в частности в Лондоне). Противостояние продолжалось до середины 1980-х³³. Тэтчер начала серьезно сокращать финансирование муниципальных правительств, но некоторые из них в ответ просто повысили налоги на недвижимость, что вынудило нового премьер-министра принять

закон, лишаящий местные правительства права предпринимать подобные действия. Началась кампания по дискредитации прогрессивных рабочих советов как «глупых леваков» (эти слова подхватили все издания, поддерживающие консерваторов). Тэтчер попыталась применить неолиберальные принципы путем реформы муниципальной финансовой системы. Она предложила «подушный налог с избирателя» — налог с физического лица, а не с недвижимости, — который укрепил бы муниципальный бюджет, так как каждый гражданин был бы вынужден его платить. Это спровоцировало серьезный политический конфликт, который сыграл не последнюю роль в политической гибели Тэтчер.

Тэтчер также начала приватизацию тех секторов экономики, которые находились в общественной собственности. Продажа государственных активов должна была пополнить казну и освободить государство от бремени будущих обязательств по убыточным предприятиям. Предприятия, находящиеся в государственном управлении, должны были быть надлежащим образом подготовлены к приватизации, что означало минимизацию их обязательств и повышение эффективности и структуры затрат, часто — за счет сокращения числа работников. Оценка этих предприятий проводилась таким образом, чтобы обеспечить достаточно стимулов для частного капитала — эту политику поддержали те, кто не одобрял «растрату фамильного серебра». В некоторых случаях государственные субсидии были замаскированы самим способом оценки предприятий — земельные участки, обладающие большой ценностью и находившиеся под контролем водоснабжающих компаний, железных дорог, даже государственных сталелитейных и автомобильных предприятий, не учитывались при оценке стоимости предприятия. Приватизация и спекулятивные прибыли от операций с относящейся к этим предприятиям недвижимостью происходили параллельно. Цель заключалась в изменении политической культуры путем повышения личной и корпоративной ответственности и поощрения большей эффективности, личной и корпоративной инициативы, инноваций. В процессе массовой приватизации были распроданы компании

British Aerospace, British Telecom, British Airways, производство стали, электричества и газа, нефть, уголь, вода, автобусные перевозки, железные дороги и более мелкие государственные предприятия. Великобритания стала первой страной, показавшей, как это сделать относительно упорядоченно и с прибылью для частного капитала. Тэтчер была убеждена, что эти изменения будут бесповоротными — отсюда и поспешность в их проведении. Легитимность мероприятий по приватизации была поддержана массовой продажей государственной недвижимости жильцам. Это соответствовало традиционным идеям о владении частной собственностью как главной мечте трудящихся и выглядело как новое (и часто спекулятивное) направление развития рынка жилья. Приватизацию жилья активно поддержал средний класс, который видел рост ценности собственных активов — по крайней мере, до обвала рынка недвижимости в 1990-х.

Отдельной задачей стало уничтожение системы социального обеспечения. Изменения в таких областях, как образование, здравоохранение, социальное обслуживание, университеты, государственный аппарат, юридическая система, происходили не гладко. Тэтчер пришлось воевать с укоренившимися и часто традиционными представлениями поддерживавших ее состоятельных граждан. Тэтчер безрезультатно пыталась распространить идеи личной ответственности (например, путем приватизации лечебных учреждений в системе здравоохранения) и сократить обязательства государства. Быстрых изменений не получилось. По мнению британской общественности, неолиберализм должен был иметь некие пределы. Только в 2003 году, например, правительству лейбористов удалось, вопреки серьезному недовольству граждан, сделать высшее образование платным. Оказалось, что очень сложно достичь консенсуса в отношении радикальных изменений в этой области. Мнение членов кабинета Тэтчер (и поддерживающих ее избирателей) по этим вопросам разделилось, и конфронтация продолжалась несколько лет как внутри партии, так и в прессе, прежде чем общество смирилось с идеей умеренных неолиберальных реформ. Тэтчер могла лишь попытаться стимулировать раз-

витие культуры предпринимательства и ввести строгие правила контроля над финансовой отчетностью и результатами работы университетов и тому подобных организаций, на практике мало соответствующих специфике их деятельности.

Тэтчер стремилась обеспечить согласие в обществе, опираясь на средний класс, который с восторгом поддержал идею введения собственности на жилье, частной собственности вообще, индивидуализма и свободы предпринимательской деятельности. Солидарность рабочего класса исчезала под давлением государства, структура трудовых отношений изменялась в процессе деиндустриализации, ценности среднего класса распространялись все шире. Их теперь разделяли многие из тех, кто когда-то относил себя к рабочему классу. Открытие рынка Великобритании для свободной торговли способствовало расцвету культуры консьюмеризма, а с ростом финансовых организаций некогда благоразумная нация быстро приучалась жить в долг. Неолиберализм повлек за собой трансформацию сложившейся классовой структуры. Более того, сохранение позиции лондонского Сити в качестве центра мировой финансовой системы привело к тому, что сердце британской экономики — Лондон и юго-восток страны стали превращаться в динамичный центр растущего благосостояния и власти. Классовое влияние так и не восстановилось ни в одном из традиционных секторов, но сконцентрировалось вокруг одного из важнейших мировых центров финансовых операций. Выпускники Оксбриджа наводнили Лондон — они стали трейдерами на рынке долговых обязательств и валюты, стремительно накапливая богатство и превращая Лондон в один из самых дорогих городов мира.

Революция Тэтчер была подготовлена консенсусом, сформировавшимся в рамках традиций среднего класса, который обеспечил ей победу на трех выборах. Ее программа действий, особенно в течение первого срока у власти, в гораздо большей степени определялась идеологией неолиберализма (в значительной степени благодаря Киту Джозефу), чем это было возможно в США. Тэтчер происходила из среднего класса, она бережно укрепляла

традиционно крепкие контакты между кабинетом премьер-министра и «капитанами» промышленности и финансов. Она часто обращалась к ним за советом, а в некоторых случаях явно оказывала им поддержку, занижая стоимость активов в ходе приватизации. Проект по восстановлению классовой власти — в противоположность уничтожению влияния рабочего класса — играл, вероятно, скорее подсобную роль в ее политической эволюции.

Успех Рейгана и Тэтчер можно оценивать по-разному³⁴. Я думаю, полезно обратить внимание на то, как они, опираясь на некогда считавшуюся политической, идеологической и интеллектуальной позицией меньшинства, обеспечили ей поддержку большинства населения. Сформированный ими альянс сил и позиция возглавляемого ими большинства стали наследием, с которым последующему поколению политических лидеров было непросто справиться. Вероятно, наилучшим подтверждением их успеха является тот факт, что и Клинтон, и Блэр оказались в ситуации, когда у них практически не было поля для маневра, и они были вынуждены продолжать процесс восстановления влияния классов, хотя это и противоречило их собственным интересам. Неoliberalизм так глубоко укоренился в англоговорящем мире, что стало сложно отрицать его серьезное влияние на то, как функционирует вся капиталистическая система в целом. Это не означает, как мы увидим далее, что другим странам neoliberalизм был навязан именно англоговорящими странами. Примеры США и Великобритании подтверждают, что ситуация внутри стран и процесс развития neoliberalизма сильно отличались. Поэтому логично предположить, что внутренние процессы играли и в других странах не менее серьезную роль, чем внешнее влияние.

Рейган и Тэтчер ухватились за доступные им средства (ситуация в Чили и Нью-Йорке) и поддержали движение класса, намеренного восстановить свое влияние. Их гениальность проявилась в том, что они сформировали основу и традицию. Их последователи оказались связанными массой факторов, из которых не так просто было выпутаться, и могли лишь следовать по пути развития neoliberalизма, нравилось им это или нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Gramsci A., *Selections from the Prison Notebooks*, перев. Q. Hoare and G. Nowell Smith (London: Lawrence & Wishart, 1971), 321–43.
2. Rapley J., *Globalization and Inequality: Neoliberalism's Downward Spiral* (Boulder, Col: Lynne Reiner, 2004), 55.
3. Gramsci A., *Selections from the Prison Notebooks*, 149.
4. Court J., *Corporateering: How Corporate Power Steals your Personal Freedom* (New York: J.P. Tarcher /Putnam, 2003), 33–38.
5. Blyth M., *Great Transformations*, 155. Информация, приведенная в предыдущем абзаце, взята из ch. 5 и 6 работы M. Blyth, а также работы Edsall T., *The New Politics of Inequality* (New York: Norton, 1985), chs. 2–3.
6. Court J., *Corporateering: How Corporate Power Steals your Personal Freedom* (New York: J.P. Tarcher /Putnam, 2003), 34.
7. Tabb W., *The Long Default: New York City and the Urban Fiscal Crisis* (New York: Monthly Review Press, 1982). Freeman J., *Working Class New York: Life and Labor Since World War II* (New York: New Press, 2001).
8. Zevin R., “New York City Crisis: First Act in a New Age of Reaction” в работе Alcalay R., D. Mermelstein (eds.), *The Fiscal Crisis of American Cities: Essays on the Political Economy of Urban America with Special Reference to New York* (New York: Vintage Books, 1977) 11–29.
9. Tabb W., *The Long Default*, 28. О Walter Wriston см. T. Frank, *One Market Under God: Extreme Capitalism, Market Populism and the End of Economic Democracy* (New York: Doubleday, 2000), 53–6.
10. Freeman J., *Working Class New York*.
11. Koolhaas R., *Delirious New York* (New York: Monacelli Press, 1994); M. Greenberg, “The Limits of Branding: The World Trade Center, Fiscal Crisis and the Marketing of Recovery”, *International Journal of Urban and Regional Research*, 27 (2003), 386–416.
12. Tabb W., *The Long Default*. О последующей «продаже» Нью-Йорка см. Greenberg M., “The Limits of Branding”. О предпринимательстве в крупных городах см. D. Harvey, “From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation of Urban Governance in late Capitalism”, in id., *Spaces of Capital* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001), ch. 16.
13. Tabb W., *The Long Default*, 15.
14. Edsall T., *The New Politics of Inequality*, 128.
15. Court J., *Corporateering: How Corporate Power Steals your Personal Freedom* (New York, J. P. Tarcher /Putnam, 2003), 29–31 приводит все решения суда, принятые по этим вопросам в 1970-х.

16. Данные, приведенные Edsall T., *The New Politics of Inequality* и M. Blyth, *Great Transformation*, вполне убедительны.
17. Edsall T., *The New Politics of Inequality*, 235.
18. Frank, T., *What's the Matter with Kansas: How Conservatives Won the Hearts of America* (New York: Metropolitan Books, 2004).
19. Kirkpatrick D., "Club of the Most Powerful Gathers in Strictest Privacy, *New York Times*, 28 August 2004, A10.
20. См. Stiglitz J., *The Roaring Nineties* (New York: Norton, 2003).
21. Yergin D., J. Stanislaw, *Commanding Heights*, 337; Stiglitz J., *The Roaring Nineties*, 108.
22. Edsall T., *The New Politics of Inequality*, 217.
23. И снова в основе рассуждения лежат работы Blyth M., *Great Transformations* и Edsall T., *The New Politics of Inequality*.
24. Angell M., *The Truth About the Drug Companies: How They Deceive Us and What To Do About It* (New York: Random House, 2004).
25. Blyth M., *Great Transformations* и Frank T., *One Market Under God*, особенно о роли Гилдера.
26. Edsall T., *The New Politics of Inequality*, 107.
27. Hall S., *Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left* (New York: Norton, 1988).
28. Yergin D., J. Stanislaw, *Commanding Heights*, 92.
29. Benn T., *The Benn Diaries, 1940–1990*, ed. R. Winstone (London: Arrow, 1996).
30. Yergin D., J. Stanislaw, *Commanding Heights*, 104.
31. Brooks R., "Maggie's Man: We Were Wrong", *Observer*, 21 June 1992, 15. P. Hall, *Governing the Economy: The Politics of State Intervention in Britain and France* (Oxford: Oxford University Press, 1986); Fourcade-Gourinchas M. and S. Babb, "The Rebirth of the Liberal Creed".
32. Hayter T. and Harvey D. (eds.), *The Factory in the City* (Brighton: Mansell, 1995).
33. Rees G. and J. Lambert, *Cities in Crisis: The Political Economy of Urban Development in Post-War Britain* (London: Edward Arnold, 1985); Harloe M., C. Pickvance, J. Urry (eds.), *Place, Policy and Politics: Do Localities Matter?* (London: Unwin Hyman, 1990); Boddy M., C. Fudge (eds.) *Local Socialism? Labour Council and New Left Alternatives* (London: Macmillan, 1984).
34. Провал попытки Тэтчер достичь некоторых макроэкономических целей описан в работе P. Hall, *Governing the Economy*.

ГЛАВА 3

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Роль государства в неолиберальной теории определить не сложно. Однако в процессе развития теории инструменты и стратегии неолиберализма стали намного отличаться от того, какими они были задуманы изначально. В последние 30 лет институты государства, функции и механизм власти эволюционировали хаотично и развивались в разных регионах неодинаково, что свидетельствует о том, что неолиберальное государство — как политическое образование — может оказываться нестабильным по форме и противоречивым по природе.

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО — ТЕОРИЯ

Согласно теории, неолиберальное государство должно поддерживать индивидуальные права граждан на частную собственность, власть закона, институты свободного рынка и собственно свободу торговли¹. Эти институты признаются необходимыми для обеспечения индивидуальных свобод граждан. Юридическая система опирается на соглашения, достигнутые путем свободных переговоров между гражданами и юридическими лицами в рамках рынка. Святость контракта и право личности на свободу действий, самовыражения и выбора должны быть защищены государством, и во имя этого оно может применять любые средства. Из этого следует, что основополагающим благом также признается право частного и корпоративного бизнеса (который приравнивается законом к частному лицу) действовать в рамках свободного рынка и свободной

торговли. Частные предприятия и предпринимательская инициатива рассматриваются как средство стимулирования инноваций и накопления богатства. Защита прав интеллектуальной собственности (например, посредством патентного права) организована таким образом, чтобы стимулировать технологический прогресс. Постоянный рост производительности должен, таким образом, обеспечить рост уровня жизни для всех граждан. Предполагая, что «прилив поднимает все лодки», или опираясь на принцип «поэтапного стимулирования» (например, при вливании денег в частный сектор снижаются налоговые отчисления, стимулируя тем самым инвестиции и на этой основе — увеличивая доходы потребителей.— *Примеч. пер.*), неолиберальная теория утверждает, что искоренить бедность (и внутри страны, и по всему миру) проще всего на основе механизмов свободного рынка и свободы торговли.

Неолибералы особенно настойчиво добиваются приватизации активов. Отсутствие четких прав собственности — что имеет место во многих развивающихся странах — воспринимается как один из основных институциональных барьеров экономического развития и улучшения благосостояния граждан. Определение и развитие прав частной собственности считается наилучшим способом защиты от так называемой «трагедии общественной собственности» (связанной со склонностью граждан к неразумной и излишней эксплуатации объектов общественной собственности, например земли и воды). Секторы экономики, которые раньше находились под управлением государства или регулировались государством, должны быть переданы в частные руки и дерегулированы (то есть освобождены от любого вмешательства со стороны государства). Конкуренция — между индивидами, фирмами, географическими образованиями (городами, регионами, нациями и государственными союзами) — признается фундаментальным благом. Основополагающие правила рыночной конкуренции должны, разумеется, оставаться под контролем. В ситуациях, когда такие правила не определены четко или когда право собственности сложно определить, государство должно использовать власть для

внедрения или создания рыночных правил (например, возможность приобретения компаниями квот на вредные выбросы). Приватизация, дерегулирование и конкуренция, по утверждению сторонников этой теории, позволяют уничтожить бюрократические барьеры, повысить эффективность и производительность, улучшить качество и снизить издержки для конечных потребителей — напрямую, снижая стоимость ресурсов, и опосредованно, снижая налоговое бремя. Неолиберальное государство должно настойчиво проводить внутреннюю реорганизацию и формировать новые институты, которые позволят улучшить его конкурентную позицию по сравнению с другими государствами на глобальном (мировом) рынке.

Личная и индивидуальная свобода гарантирована в рамках рынка. Граждане же принимают на себя ответственность за собственные действия и благополучие. Этот принцип распространяется на области социального обеспечения, образования, медицинского обслуживания и даже пенсионных выплат (система социального обеспечения была приватизирована в Чили и Словакии, схожие предложения рассматриваются и в США). Индивидуальный успех или неудача воспринимаются в терминах предпринимательских способностей или неудач (например, недостаточное вложение сил и средств в развитие собственного человеческого капитала, в том числе, путем повышения уровня образования) и не связываются ни с какими недостатками системы (классовые ограничения, обычно присущие капитализму).

Свобода перемещения капитала между секторами экономики, регионами и странами также считается основополагающим принципом. Все препятствия для такого перемещения (тарифы, карательные налоговые правила, планирование и контроль над состоянием окружающей среды, другие барьеры) должны быть уничтожены во всех областях, кроме тех, которые так или иначе относятся к «национальным интересам». Государство сознательно отказывается от контроля над движением ресурсов и капитала, уступая эту функцию глобальному (мировому) рынку. Международная конкуренция признается здоровым механизмом, способствующим повышению эффективности и

производительности, снижению цен, а следовательно, позволяющим контролировать инфляционные процессы. Государствам остается лишь сообща искать способы снижения барьеров для перемещения капитала через границы и открытия рынков (ресурсов и капитала) для глобального обмена. Остается неясным, однако, распространяется ли этот принцип также и на трудовые ресурсы. Страны должны сотрудничать, чтобы снизить препятствия для свободного обмена, но тогда неизбежно появление структур, координирующих эти усилия, как, например, группа G7 (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада и Япония), теперь превратившаяся в G8 после вступления в этот союз и России. Для развития неолиберализма во всем мире крайне важными оказываются международные соглашения между государствами, гарантирующие действие закона и свободу торговли, как, например, те, что стали частью соглашения Всемирной торговой организации.

Теоретики неолиберализма, однако, с серьезным подозрением относятся к демократии. Управление по принципу большинства воспринимается как угроза правам личности и конституционным свободам. Демократия считается роскошью, возможной только в условиях относительного богатства общества и при наличии устойчивого среднего класса, призванного гарантировать политическую стабильность. Неолибералы скорее готовы отдать власть экспертам и элите общества. Они однозначно высказываются за государственное правление путем законодательных решений и жесткой исполнительной власти и против демократического или парламентского принятия решений. Неолибералы предпочли бы изолировать ключевые государственные институты, например Центральный банк, от влияния демократии. Учитывая тот факт, что в основе неолиберальной теории лежит власть закона и принцип абсолютного следования Конституции, можно предположить, что конфликты и выступления оппозиции должны регулироваться в судебном порядке. Большинство проблем граждане должны решать посредством юридической системы.

Трения и противоречия

В рамках общей теории неолиберального государства существуют некоторые спорные области и конфликтные вопросы. Во-первых, неясно, как следует трактовать положение о «власти монополий». Конкуренция нередко приводит к образованию монополий или олигополий, по мере того как более сильные компании вытесняют слабые. Большинство теоретиков неолиберализма не считают это серьезной проблемой (по их мнению, это способствует максимизации эффективности), если только не возникает серьезных препятствий для появления на рынке новых конкурентов (это условие нередко бывает сложно соблюсти, и поэтому обеспечение свободной конкуренции признается одной из функций государства). Особенно сложным оказывается случай с так называемыми «естественными монополиями». Было бы бессмысленным формировать несколько конкурирующих сетей электроснабжения, газопроводов, систем водоснабжения или канализации или железнодорожных путей между Вашингтоном и Бостоном. Государству неизбежно придется регулировать спрос и доступ к ресурсам и цены в этих областях. Возможно также частичное дерегулирование (разрешение конкурирующим производителям поставлять электричество с использованием единой системы или, например, отправлять поезда по одним и тем же рельсам). Но сохраняется опасность спекуляций и нарушений, что стало причиной энергетического кризиса в Калифорнии в 2002 году или неразберихи и путаницы в работе железных дорог, как случилось в Великобритании.

Во-вторых, противоречия могут появляться в связи с несовершенством рынка (market failure). Это происходит, когда индивиды и компании находят способ не платить полную стоимость продуктов или услуг, выводя свои обязательства за пределы рынка (ответственность, так сказать, списывается на влияние «внешних сил», или экстерналий). Классический пример — вредные для окружающей среды выбросы, когда компании и частные лица, стремясь уйти от дополнительных расходов, просто сбрасывают отходы во внешнюю (природную) среду. В результате разру-

шается или серьезно страдает баланс окружающих экосистем. Контакт с вредными веществами или физическая опасность на рабочем месте может влиять на здоровье или даже стать причиной сокращения числа работников. Неолибералы признают существование подобных проблем, а иногда — даже не исключают возможности ограниченного вмешательства государства для разрешения подобных случаев. Но чаще они остаются на позиции невмешательства, считая, что «лечение» почти наверняка нанесет еще больший вред, чем сама проблема. Большинство, однако, соглашается с тем, что если государство и будет вмешиваться, то его регулирование должно происходить с помощью рыночных механизмов (повышение налогов или предоставление льгот, продажа квот на вредные выбросы и так далее). Подобным образом предлагается «исправлять» и несовершенство конкуренции. По мере усложнения контрактных и субконтрактных отношений должны расти и транзакционные издержки. Например, использование валютных операций с целью извлечения спекулятивных прибылей становится все более и более дорогостоящим делом. Проблемы возникают и тогда, когда все конкурирующие медицинские учреждения в каком-то районе приобретают одно и то же сложное оборудование и оно оказывается недоиспользованным, что ведет к росту совокупных (общественных) затрат. Подобную проблему можно решить с помощью механизма государственного планирования, регулирования и принудительной координации, но неолибералы и в этом случае с большим подозрением относятся к такому вмешательству со стороны государства.

Принято считать, что все агенты рынка имеют одинаковый доступ к одной и той же информации. Предполагается, что не существует асимметрии в распределении власти или информации, которая препятствовала бы возможности индивидов принимать рациональные экономические решения в соответствии с собственными интересами. В реальной жизни такое происходит крайне редко, и потому такие грубые предположения имеют серьезные последствия². Лучше информированные и обладающие большим влиянием игроки (участники рынка) имеют возможность расширять свое влияние. Более того, установление прав интел-

лектуальной собственности (патентное право) поощряет стремление жить за счет ренты. Владельцы патентов используют свое безусловное право для установления монополистической цены и недопущения распространения технологии, кроме как при условии, что они получают за это значительное вознаграждение. С течением времени асимметрия власти имеет тенденцию расти, а не уменьшаться, если только государство сознательно не препятствует этому процессу. Постулат неолибералов, согласно которому всем игрокам доступна одинаково полная информация и рынок функционирует в условиях идеальной конкуренции, кажется либо наивной утопией, либо намеренным искажением реальных процессов, которые на самом деле направлены на концентрацию и накопление богатства, а также на восстановление классовой власти.

Неолиберальная теория развития технологии основана на том, что конкуренция заставляет бизнес создавать новые продукты, новые способы производства, новые формы организации. Это стремление к совершенству настолько прочно укореняется в самой логике предпринимателей, что становится настоящим фетишем — считается, что для решения любой проблемы обязательно должна найтись своя технология. По мере того как это убеждение укореняется не только в рамках корпоративного мира, но и на уровне государства (особенно в области вооружений), оно порождает такие изменения в технологиях, которые могут стать дестабилизирующими, если не откровенно вредными. Технологическое развитие становится все менее управляемым по мере того, как в секторах экономики, связанных исключительно с развитием технологических инноваций, разрабатываются новые продукты или процессы, для которых еще не существует рынка (подобно тому, как вначале создаются фармацевтические продукты, а потом под них «придумывается» болезнь). При грамотной организации технологические инновации могут быть мобилизованы на подрыв сложившихся социальных отношений и институтов, и даже — изменение общепринятых идей. Существует, таким образом, внутренняя связь между технологическим развитием, нестабильностью, распадом единства общества, ухудшением окружающей среды, ухуд-

шением ситуации в промышленности, сдвигами во времени и пространстве, спекулятивным ростом финансовых «пузырей» и общей тенденцией капиталистической системы к образованию внутренних кризисов³.

В рамках концепции неолиберализма существуют серьезные политические проблемы, которые стоит рассмотреть. Противоречие возникает между соблазнительным и отталкивающим собственническим индивидуализмом, с одной стороны, и стремлением к осознанной коллективной жизни — с другой. Индивиды на первый взгляд свободны в своем выборе, но не имеют права делать выбор, способствующий созданию «сильных» коллективных институтов (например, профсоюзов) — хотя все же могут формировать «слабые» добровольные ассоциации (благотворительные общества). Они не должны образовывать союзов и политических партий, имеющих целью заставлять государство вмешиваться в рыночные процессы или вообще уничтожать рынок. Для защиты общества от наиболее страшных сил — фашизма, коммунизма, социализма, авторитарного популизма и даже права большинства — неолибералы предлагают устанавливать жесткие ограничения на демократическое управление и вместо этого основываться на недемократических и ненадежных институтах (как Федеральный резерв или МВФ) для принятия ключевых решений. Возникает парадокс — серьезное вмешательство государства, правление элиты и «экспертов» в мире, где государство не должно ни во что вмешиваться. Вспоминается утопия Френсиса Бэкона *New Atlantis* (впервые опубликованная в 1626 году), где все важнейшие решения в государстве принимаются Советом Мудрых Старейшин. Столкнувшись с общественными движениями, стремящимися к коллективному влиянию, неолиберальное государство само вынуждено вмешиваться в происходящее, иногда и с помощью репрессий, отрицая этим те самые свободы, которые призвано поддерживать. В этой ситуации у государственной системы остается одно «секретное» оружие: международная конкуренция и глобализация — эти средства могут быть использованы для установления определенной дисциплины общественных движений, выступающих в рамках отдельно взятого госу-

дарства против неолиберальных подходов. Если это не помогает, государство должно снова начать пропаганду, убеждение или применять силу для подавления оппозиции. Именно об этом и предупреждал Поланьи: либеральный (а потом и неолиберальный) утопический проект может быть реализован только на основе авторитаризма. Свобода масс будет ограничена в пользу свободы меньшинства.

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО — ПРАКТИКА

Общий характер государства в эру неолиберализма трудно описать по двум причинам. Во-первых, все более заметными становятся системные отклонения государственной практики от неолиберальной теории, и не все эти отклонения можно объяснить уже описанными выше внутренними противоречиями. Во-вторых, эволюция неолиберализма привела к тому, что в разное время в разных странах появились разновидности неолиберальной практики — отличающиеся не только от общей концепции, но и серьезно различающиеся между собой. Любая попытка сформировать единую картину типичного неолиберального государства на основе постоянно изменяющихся институциональных образований кажется бессмысленной. Тем не менее хотя бы в общих чертах опишем концепцию неолиберального государства.

Существует два основных случая, когда стремление к восстановлению классового влияния искажает и даже полностью изменяет (по сравнению с теорией) результаты реализации неолиберальной концепции. Один из таких случаев связан с потребностью создания «благоприятного инвестиционного или делового климата» для капиталистических предприятий. Некоторые условия достижения этой цели, например политическая стабильность, всеобщее уважение к закону и равенство всех перед законом, можно считать «классово нейтральными», но есть и такие условия, которые указывают на откровенное неравенство классов. Такая предвзятость возникает, в частности, из-за отношения к трудовым ресурсам и окружающей среде просто как к еще одному виду ресурсов. В случае конфликта

интересов неолиберальное государство скорее станет поддерживать благоприятный деловой климат, чем коллективные права (и качество жизни) граждан или обеспечивать условия для самовосстановления окружающей среды. Вторая причина возникновения отклонений неолиберальной практики от теории, а иногда и социальных конфликтов связана с тем, что неолиберальное государство обычно поддерживает целостность финансовой системы и платежеспособность финансовых институтов, а не благополучие населения или состояние окружающей среды.

Такие системные перекосы не всегда легко обнаружить за многообразием и нередкой непоследовательностью государственных решений. Важную роль в этом плане играют прагматические и конъюнктурные соображения. Президент Буш встает на защиту свободного рынка и свободы торговли, но вводит тарифы в области торговли сталью, чтобы обеспечить поддержку избирателей (как оказалось, весьма удачно) в Огайо. Квоты на импорт вводятся произвольно, чтобы смягчить недовольство отечественных производителей. Европейцы проводят протекционистскую политику в отношении сельского хозяйства, настаивая при этом на свободе торговли во всех остальных областях в связи с социальными, политическими и даже эстетическими причинами. Государство вмешивается в экономику с целью поддержания интересов отдельных отраслей (например, контракты на поставку вооружения). Отдельные страны раздают друг другу займы для поддержания политического влияния в беспокойных регионах (например, Ближний Восток). В силу всех этих обстоятельств было бы странно, если бы даже наиболее «фундаменталистские» неолиберальные государства строго придерживались неолиберальной философии.

В других случаях мы можем приписывать расхождения теории и практики факторам трения или проблемам переходного периода, связанным с той формой, в которой государство существовало до поворота к неолиберализму. Например, в большинстве государств Восточной Европы после падения коммунизма сложились совершенно особые условия. Скорость, с которой была проведена приватизация в ходе «шоковой терапии», имевшей место в большин-

стве этих стран в 1990-е годы, вызвала в обществе огромный стресс, последствия которого ощущаются и по сей день. Страны «социальной демократии» (Скандинавские страны или Великобритания сразу после Второй мировой войны) вывели ключевые секторы экономики – здравоохранение, образование, жилищные программы – из-под прямого влияния рынка, объясняя это тем, что базовые блага не должны распределяться посредством рынка и доступ к ним не должен быть ограничен платежеспособностью гражданина. Маргарет Тэтчер удалось сломать эту систему, а Швеция продолжает сохранять систему социального обеспечения гораздо дольше, несмотря на давление со стороны класса капиталистов, стремящегося вернуть государство к неолиберализму. Развивающиеся страны (Сингапур и некоторые другие страны Азии) опираются на общественный сектор и государственное планирование, тесно связанное с собственным и корпоративным (нередко иностранным и многонациональным) капиталом, чтобы стимулировать накопление капитала и экономический рост⁴. Развивающиеся страны, как правило, серьезное внимание уделяют социальной и материальной инфраструктуре. Это предполагает уравнительную политику в отношении, например, доступности образования и здравоохранения. Государственные инвестиции в образование рассматриваются в качестве ключевого фактора обеспечения конкурентоспособности государства на мировом рынке. Политика развивающихся государств соответствует принципам неолиберализма, так как стимулирует конкуренцию между компаниями, корпорациями и отдельными территориями, она следует правилам свободной торговли и основывается на свободном доступе к экспортным рынкам. В то же время в процессе создания инфраструктуры для обеспечения благоприятного бизнес-климата эти государства позволяют себе серьезно вмешиваться в экономику. Неолиберализация открывает развивающимся странам возможности улучшить свою международную конкурентную позицию путем развития новых форм государственного вмешательства (например, поддержки научных исследований и разработок). Одновременно неолиберализация создает условия для формирова-

ния классовой структуры. По мере усиления влияния господствующий класс (например, в современной Корее) стремится избавиться от зависимости от государственной власти и переориентировать само государство в соответствии с неолиберальными принципами.

Новое институциональное устройство начинает определять правила международной торговли — например, для вступления в МВФ и ВТО страна-кандидат должна открыть внутренний финансовый рынок для доступа иностранным компаниям. Развивающиеся страны все больше втягиваются в неолиберальные правила игры. Одним из основных результатов Азиатского кризиса 1997—1997 годов было установление в развивающихся странах неолиберальной деловой практики. На примере Великобритании мы видели, что сложно поддерживать неолиберальный имидж (чтобы, например, стимулировать финансовые операции), не обеспечив хотя бы отчасти неолиберализации внутри государства (Южная Корея в недавнем прошлом испытывала серьезные проблемы именно из-за такого раздвоения). Развивающиеся страны вовсе не убеждены в том, что им подходит неолиберальный путь, — особенно те страны (как Тайвань (ныне часть Китая) и Китай), чьи финансовые рынки оставались закрытыми и меньше пострадали от финансового кризиса 1997—1998 годов⁵.

Современная практика в отношении финансового капитала и финансовых институтов, вероятно, меньше всего соответствует классической неолиберальной теории. Неолиберальные государства обычно способствуют распространению влияния финансовых институтов посредством дерегулирования, но они также слишком часто любой ценой стремятся гарантировать устойчивость и платежеспособность этих институтов. Это отчасти происходит (и в некоторых странах — вполне законно) из-за того, что монетаризм остается основой государственной политики — надежность и устойчивость денежной системы является краеугольным камнем такой политики. Из этого следует, что неолиберальное государство не может допустить серьезного финансового дефолта, даже если тот оказался следствием ошибочных решений самих финансовых организаций. Государство должно вмешаться и заменить

«плохие» деньги «хорошими» — что объясняет, почему от центральных банков требуется во что бы то ни стало поддерживать надежность государственных денег. Государственная власть нередко использовалась для спасения конкретных компаний или преодоления последствий финансовых кризисов, как это было в разгар кризиса сберегательных учреждений в 1987–1988 годах, который обошелся американским налогоплательщикам примерно в 150 млн долл., или в результате коллапса инвестиционного (хеджевого) фонда Long Term Capital Management в 1997–1998 г., который обошелся им в 3,5 млрд долл.

В 1982 году ведущие неолиберальные государства предоставили МВФ и Всемирному банку абсолютные полномочия на ведение переговоров по списанию задолженности беднейших стран-заемщиков, что означало, по сути, попытку защитить основные мировые финансовые организации от угрозы дефолта. МВФ пытается компенсировать риск и неопределенность на международных финансовых рынках. Такую стратегию сложно объяснить в рамках неолиберальной теории, так как инвесторы в принципе должны сами нести ответственность за собственные ошибки. Наиболее радикально настроенные неолибералы считают, что МВФ вообще следует распустить. Такая возможность серьезно обсуждалась в начале правления президента Рейгана, и республиканская часть Конгресса вернулась к обсуждению этого вопроса в 1998 году. Джеймс Бейкер, министр финансов при президенте Рейгане, внес новую струю в работу МВФ, когда в 1982 году возникла угроза дефолта в Мексике, что могло привести к значительным потерям основных инвестиционных банков Нью-Йорка, выступивших держателями мексиканского внешнего долга. С помощью МВФ он заставил Мексику начать структурные преобразования в стране и защитил нью-йоркские банки от дефолта. Интересы банков и финансовых организаций были поставлены на первое место; в то же время уровень жизни граждан страны-заемщика резко упал. Такой подход уже использовался при урегулировании кризиса в Нью-Йорке. В контексте международных операций это означало, что международным банкам заплатили за счет прибыли, полученной от беднеющих

стран «третьего мира». «Странный мир,— замечает Стиглиц,— в котором бедные страны фактически субсидируют богатые». Даже Чили — страна, ставшая после 1975 года примером «чистого» неолиберализма,— пострадала в 1982—1983 годах, когда ее ВВП упал почти на 14%, а уровень безработицы взлетел за год до 20%. Вывод о том, что «чистый» неолиберализм не работает, не получил теоретической поддержки, а практическое применение неолиберальных принципов в Чили (как и в Великобритании после 1983 года) привело к еще большим компромиссам, которые только увеличили разрыв между теорией и практикой⁶.

Извлечение дохода с помощью финансовых механизмов — старый имперский прием. Он оказался особенно полезным в процессе восстановления классового влияния, в частности, в основных мировых финансовых центрах. Его можно с успехом применять и вне структурного кризиса. Когда предприниматели развивающихся стран берут займы из-за рубежа, то требование к их стране иметь достаточный объем валютных запасов, чтобы при необходимости покрыть эти долги, означает, что эти страны должны инвестировать, например, в американские государственные облигации. Разница между ставкой по кредитам (12%) и проценту, получаемому от размещения средств в облигациях (4%), обеспечивает серьезный приток наличных средств в страну-кредитор из развивающейся страны.

Стремление части развитых стран, например США, защитить собственные финансовые интересы и обеспечить приток как можно большего объема свободных средств из других стран складывается под влиянием верхушки общества и способствует дальнейшей консолидации этой группы граждан в процессе финансовых операций. Привычка вмешиваться в деятельность рынка и поддерживать финансовые организации, когда они сталкиваются с проблемами, совершенно не соответствует неолиберальной теории. За бездумное инвестирование кредитор должен ответить собственной прибылью, а государство, по сути, делает кредиторов нечувствительными к убыткам. Вместо этого платят заемщики, причем социальные последствия в расчет не берутся. Неолиберальная теория должна бы гла-

суть: «Кредитор, будь осторожен!», но на деле получается, что осторожным должен быть заемщик.

Развивающиеся страны могут бесконечно долго расплачиваться за промахи своих кредиторов. Страны-заемщики оказываются связанными жесткими мерами, ведущими к хронической стагнации экономики, и возможность выплаты займов откладывается на неопределенно долгий срок. В таких условиях может показаться разумным пойти на некоторые ограниченные потери. Так и произошло в процессе реализации Плана Брэди (Brady Plan) в 1989 году⁷. Финансовые организации согласились списать 35% долга при условии, что оплата оставшихся 65% будет обеспечена государственными облигациями (гарантированными МВФ и Министерством финансов США). Другими словами, кредиторам была дана гарантия погашения долга, исходя из соотношения 65 центов за 1 доллар. В 1994 году 18 стран (включая Мексику, Бразилию, Аргентину, Венесуэлу и Уругвай) согласились на некие условия расчетов, по которым им прощалось около 60 млрд долл. долга. Все это делалось в надежде на то, что списание долга вызовет подъем экономики и это позволит странам-должникам выплатить оставшуюся часть вовремя. Проблема заключалась в том, что МВФ потребовал, чтобы все страны, которых коснулось соглашение о списании части долга (следует заметить, что доля списанного долга многим показалась небольшой по сравнению с тем, что банкиры вообще могли себе позволить), обеспечили бы проведение неолиберальных институциональных реформ. Кризис песо в Мексике (в 1995 году), бразильский кризис (в 1998 году), коллапс экономики Аргентины (в 2001 году) были вполне предсказуемыми результатами этих решений.

Теперь самое время обсудить весьма непростой вопрос отношений между неолиберальным государством и рынком труда. Неолиберальное государство настроено агрессивно к любым формам ассоциаций, которые могут препятствовать процессу накопления капитала. Независимые профсоюзы или другие общественные движения (например, «муниципальный социализм» по схеме Совета Большого Лондона) приобрели серьезное влияние в рамках политики «встроенного либерализма», и теперь их необходимо поставить в же-

сткие рамки, если не разрушить совсем, и все это — во имя якобы священной личной свободы каждого работника. «Гибкость» становится главным паролем в отношении рынка труда. Сложно спорить с тем, что повышение гибкости однозначно вредно, особенно с учетом косных практик профсоюзов. Существуют реформисты левого толка, которые выступают за «гибкую специализацию» как способ движения вперед⁸. В то время как отдельные трудящиеся могут извлекать из этого несомненную выгоду, возникающая асимметрия информации и влияния, вкупе с недостаточной мобильностью трудовых ресурсов (особенно между государствами), ставит трудящихся в заведомо проигрышную позицию. Гибкая специализация может использоваться капиталом в качестве удобного способа обеспечивать универсальные средства накопления. Сами термины — «гибкая специализация» и «универсальное накопление» — серьезно отличаются по смыслу⁹. В результате снижаются зарплаты, растет нестабильность рынка труда, во многих случаях трудящиеся теряют льготы и гарантии занятости. Подобные тенденции несложно заметить во всех странах, которые пошли неолиберальным путем. Принимая во внимание серьезные нападки на все формы профессиональных организаций и права трудящихся, а также то, что экономическая система в значительной степени опирается на массовые и плохо организованные трудовые ресурсы таких стран, как Китай, Индонезия, Индия, Мексика, Бангладеш, может показаться, что контроль над трудовыми отношениями и поддержание высокого уровня эксплуатации трудящихся были центральными темами неолиберализации. Восстановление или формирование классового влияния происходит, как обычно, за счет трудящихся.

Именно в контексте сужающегося объема личных ресурсов, которые индивид может извлечь из рынка труда, намерение неолибералов переложить ответственность за благополучие на граждан дает вдвойне разрушительный результат. По мере того как государство снимает с себя функции социального обеспечения граждан и сворачивает свое участие в таких областях, как здравоохранение, государственное образование, социальные услуги, составлявшие когда-то неотъемлемую часть системы «встроенного

либерализма», все новые группы граждан оказываются на грани бедности и даже нищеты¹⁰. Система социальной безопасности сокращается до минимума в пользу системы, утверждающей личную ответственность. Личные неудачи связываются теперь с личными недостатками, и, как правило, виноватой оказывается сама жертва.

За этими радикальными сдвигами в социальной политике лежат важные структурные изменения в природе государственного управления. Учитывая подозрительное отношение неолибералов к демократии, необходимо найти путь интеграции государственного принятия решений в процесс накопления капитала и систему классово власти, находящуюся в процессе восстановления или, как в Китае или России, в процессе формирования нового общества. В процессе неолиберализации растущее значение стали придавать общественно-частному партнерству (эту идею продвигала Маргарет Тэтчер в процессе формирования «полугосударственных институтов», например корпорации городского развития для стимулирования экономического роста). Бизнесы и корпорации не только тесно сотрудничают с государственными деятелями, но даже активно участвуют в подготовке законопроектных, определении общественных норм, разработке законодательных систем (преимущественно к собственной выгоде). Сложилась система отношений, в которой интересы бизнеса и профессиональные соображения влияли на государственные решения путем закрытых, а иногда и тайных консультаций. Наиболее вопиющим примером такого подхода является упорный отказ вице-президента Д. Чейни раскрыть имена членов консультационной группы, которая разработала энергетическую политику для администрации Дж. Буша в 2002 году. Скорее всего, в эту группу входил Кеннет Лей, глава Enron — компании, обвиненной в намеренном провоцировании энергетического кризиса в Калифорнии для собственной выгоды и которая позже разорилась в результате громкого скандала, связанного с искажением финансовой отчетности. Неолиберализм способствовал переходу от собственно государственного управления (власти государства как таковой) к управлению в более широком смысле (с участием и государства, и ключе-

вых элементов гражданского общества)¹¹. В этом смысле традиции неолиберализма и политика развивающихся стран имеют много общего.

Как правило, государство создает законодательную систему в соответствии с потребностями корпораций и в некоторых случаях учитывает интересы отдельных отраслей — энергетики, фармацевтики, сельского хозяйства. В отношении общественно-частных партнерств, особенно на муниципальном уровне, государство нередко берет на себя большую часть риска, а частному сектору достается основная прибыль. Более того, при необходимости неолиберальное государство прибегает к принудительной законодательной и исполнительной тактике (например, запрещение пикетов), чтобы уничтожить формы коллективной оппозиции корпоративной власти. Растет число инструментов надзора и принуждения: в США лишение свободы стало основным способом решения проблем, связанных с уволенными рабочими или маргинальной частью населения. Инструменты принуждения нацелены на защиту корпоративных интересов и, при необходимости, предполагают репрессии в отношении диссидентов. Все это отнюдь не соответствует неолиберальной теории. Опасения неолибералов, что отдельные влиятельные группы искажут государственную политику, находят подтверждение именно в Вашингтоне. Здесь армии корпоративных лоббистов (многие из которых успешно используют принцип «вращающейся двери», сочетая работу на государство с гораздо более привлекательной работой на крупный бизнес), по сути, диктуют необходимые изменения в законодательстве, которые соответствуют их интересам. Некоторые страны продолжают поддерживать традиционную независимость государственной службы, но эти постулаты либерализма все больше нарушаются в процессе неолиберализации. Границы между государственным и корпоративным влиянием становятся все более размытыми. Остатки представительной демократии подавляются и уничтожаются властью денег.

Так как правосудие теоретически доступно всем, но на практике требует огромных расходов (будь то частное лицо, подающее в суд на недобросовестную компанию, или

страна, предъявляющая претензии США за нарушение правил ВТО — процедура может стоить миллионы долларов, что эквивалентно годовому бюджету небольшой страны), то и результаты часто оказываются в пользу тех, кто обладает большими деньгами. Классовая предвзятость в принятии законодательных решений широко распространена, если не повсеместна¹². Неудивительно, что основные средства коллективных действий в рамках неолиберализма определяются и реализуются неизбранными (и во многих случаях возглавляемыми элитой) адвокатскими группами, выступающими в поддержку тех или иных прав. В некоторых случаях, связанных, например, с защитой прав потребителей, гражданских прав, прав инвалидов, эти приемы пригодились как нельзя лучше. В неолиберальных государствах стало появляться множество неправительственных организаций и объединений, созданных гражданами на местном уровне. Это способствовало укреплению ощущения, что оппозиция, объединившаяся за пределами государственного аппарата в рамках некоего «гражданского общества», есть движущая сила оппозиционной политики и социальных преобразований¹³. Период, в течение которого неолиберальное государство приобретало доминирующее влияние, также характеризовался тем, что концепция «гражданского общества» — часто воспринимаемая как нечто противоположное государственной власти — стала центральным пунктом при формировании оппозиционной политики. Идея Грамши о государстве как о единстве политического и гражданского общества уступила место идее о том, что гражданское общество является центром оппозиции, а то и вовсе альтернативой государству.

Сегодня мы можем ясно видеть, что неолиберализм не делает государство или какие-либо его институты (суды, полицию) неактуальными, как утверждают некоторые правые и левые обозреватели¹⁴. Произошло, однако, радикальное изменение конфигурации институтов государства и набора его инструментов (особенно в отношении баланса между давлением и согласием, между властью капитала и общественными движениями; между исполнительной и законодательной властью, с одной стороны, и влиянием представительной демократии. — с другой).

Но не все благополучно в неолиберальном государстве, и именно поэтому оно кажется то ли переходной, то ли нестабильной политической формацией. В центре проблемы лежит назревающий разрыв между декларируемыми общественными целями неолиберализма — благополучием всех — и его реальными последствиями — восстановлением классовой власти. Кроме этого существует еще ряд более тонких противоречий, которые требуют детального анализа.

1. С одной стороны, предполагается, что неолиберальное государство не станет ни во что вмешиваться и будет лишь обеспечивать условия для функционирования рынка. В то же время государство должно быть активным, создавать благоприятный деловой климат и оставаться конкурентоспособным в мировой политике. Государство, таким образом, должно само действовать как коллективная корпорация. Такое положение создает проблемы в обеспечении лояльности граждан. Национализм кажется здесь очевидным решением, но он глубоко противоречит принципам неолиберализма. Эта дилемма стояла и перед Маргарет Тэтчер — национализм был единственной картой, разыгранной в войне за Фолклендские (Мальвинские) острова, а также в кампании против экономической интеграции с Европой. Только так она могла выиграть выборы и обеспечить дальнейшее проведение неолиберальных реформ в стране. Снова и снова, будь то Европейский Союз, Общий рынок стран Южной Америки (Mercosur), где бразильский и аргентинский национализм препятствует интеграции, Североамериканская зона свободной торговли (NAFTA) или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), — национализм необходим государству для эффективного функционирования в качестве конкурентного субъекта на мировых рынках. В то же время национализм оказывается препятствием для обеспечения свободы рынка.
2. В процессе насаждения рынка авторитаризм вступает в конфликт с идеалами личной свободы. Чем больше неолиберализм склоняется к авторитаризму, тем

сложнее становится поддерживать его легитимность в отношении принципов свободы и тем более явно проявляется его антидемократическая сущность. Это противоречие существует параллельно с растущим недостатком симметрии в отношениях власти между корпорациями и частными лицами, — такими, как вы и я. Если «корпоративная власть крадет вашу личную свободу», тогда обещания неолиберализма ничего не стоят¹⁵. Это относится как к положению граждан на рабочем месте, так и в частной жизни. Можно утверждать, что мое собственное здоровье — мой личный выбор и моя ответственность, но совсем другое дело, когда единственный способ удовлетворить мою потребность в медицинском обслуживании в рамках рынка связан с необходимостью платить огромные суммы неэффективной, неуправляемой, крайне бюрократизированной, но и крайне прибыльной страховой компании. Когда эти компании получают возможность влиять на определение новых видов заболеваний, соответствующих появляющимся на рынке лекарствам, становится очевидно, что что-то не в порядке¹⁶. В таких условиях поддержание законности и согласия в обществе, как мы видели в главе 2, становится еще более сложной задачей, чем она могла бы быть, когда появились лишь первые признаки неполадок.

3. Поддержание устойчивости финансовой системы — важная задача. Тем не менее безответственный и самовозвышающий индивидуализм агентов финансового рынка вызывает спекулятивные колебания рынка, финансовые скандалы, хроническую нестабильность. Скандалы последних лет на Уолл-стрит и в бухгалтерской сфере подорвали доверие к компаниям. Они поставили регулирующие органы перед необходимостью решать, как и когда вмешиваться в деятельность этих агентов как на внутреннем, так и на международном рынке. Свобода международной торговли требует выработки определенных общих правил, и здесь не обойтись без некоего глобального управления (например, посредством ВТО). Дерегу-

лирование финансовой системы приводит к тому, что требуется усиление централизованного регулирования во избежание кризиса¹⁷.

4. На фоне очевидных преимуществ конкуренции в реальности происходит усиление консолидации олигополистической, монополистической и транснациональной власти в руках нескольких международных корпораций. Рынок прохладительных напитков сжался до противостояния Coca-Cola и Pepsi, энергетика фактически сводится к пяти международным корпорациям, несколько медиамагнатов контролируют большую часть потока новостей, делая его все больше схожим с пропагандой.
5. На обывательском уровне движение к рыночным свободам и повышение степени универсализации продуктов и услуг может стать бесконтрольным и вызвать общественные конфликты. Разрушение форм общественной солидарности и даже, как предлагала Тэтчер, самой идеи общества приводит к искажениям самого общественного порядка. Становится особенно сложно бороться с социальной неустойчивостью и контролировать антисоциальное поведение (криминал, порнография, порабощение). Сужение «свободы» или «свободы предпринимательства» стимулирует рост всех тех «негативных свобод», о которых Поланьи писал как о напрямую связанных с «положительными свободами». Неизбежный ответ заключается в восстановлении общественного единства, хотя и в другой форме, — отсюда возрождение интереса к религии и морали в новых формах ассоциаций (вокруг вопросов, связанных с правами, гражданством) и даже возрождение более старых политических форм (фашизма, национализма, локализма и тому подобных). Неолиберализм в чистом виде может возродить собственных врагов — в форме авторитарного популизма или национализма. Еще Шваб и Смадья, организаторы съезда неолибералов в Давосе, предупреждали в 1996 году:

«Экономическая глобализация вошла в новую фазу. Растущая негативная реакция на ее последствия, особенно в государст-

вах развитой индустриальной демократии, угрожает разрушительным воздействием на экономическую деятельность и социальную стабильность во многих странах. В этих демократических странах царит настроение беспомощности и напряжения. Это объясняет появление нового типа политиков-популистов. Может легко начаться открытое противостояние»¹⁸.

НЕОКОНСЕРВАТИВНАЯ РЕАКЦИЯ

Если неолиберальное государство само по себе нестабильно, то что же может появиться на его месте? В США появляются явные признаки неоконсервативной реакции. Размышляя над недавними событиями истории Китая, Ванг пишет, что, теоретически

«такие противоречивые понятия, как «неоавторитаризм», «неоконсерватизм», «классический либерализм», рыночный экстремизм, национальная модернизация...— все имеют непосредственное отношение к формированию неолиберализма. Постоянная взаимная замена этих терминов (или даже противоречия между терминами) подтверждает сдвиг в структуре власти как в Китае, так и в современном мире в целом»¹⁹.

Пока неясно, означает ли это общее изменение конфигурации структур государственного управления в мире. Интересно заметить, как неолиберализация в авторитарных государствах, например Китае и Сингапуре, происходит одновременно с ростом авторитаризма в таких неолиберальных странах, как США и Великобритания. Рассмотрим теперь, как развивается в США неоконсервативная реакция на внутреннюю нестабильность, свойственную неолиберальному государству.

Как и предшественники-неолибералы, неоконсерваторы долгое время работали над формированием собственных взглядов на социальное устройство в университетах (особое влияние оказал Лео Стросс (Leo Strauss) из Чикагского университета) и щедро финансируемых аналитических группах, а также с помощью влиятельных изданий (например, *Commentary*)²⁰. Американские неоконсерва-

торы поддерживают власть корпораций, частное предпринимательство, восстановление классового влияния. Неоконсерватизм, таким образом, полностью соответствует неолиберальному набору ценностей: власть элиты, недоверие демократии, поддержание рыночных свобод. Происходит, однако, отклонение от принципов чистого неолиберализма. Неолиберальные приемы изменяются в двух принципиальных моментах: во-первых, в стремлении к порядку как альтернативе хаосу индивидуальных интересов, и, во-вторых, в провозглашении господствующей морали средством, необходимым для скрепления общества с целью поддержания политической системы перед лицом внешних и внутренних опасностей.

В стремлении к порядку неоконсерватизм кажется всего лишь незначительным отклонением от авторитаризма, за которым стремится укрыться и неолиберализм. При этом неоконсерватизм предлагает принципиально иной ответ на одно из ключевых противоречий неолиберализма. Если «не существует общества, а существуют только частные лица», как изначально утверждала М. Тэтчер, тогда хаос индивидуальных интересов может легко взять верх над порядком. Анархия рынка, конкуренции и неограниченного индивидуализма (индивидуальные надежды, желания, беспокойства и страхи; выбор стиля жизни, сексуальных привычек и ориентации; модели самовыражения и поведения по отношению к другим) создает ситуацию, которой становится крайне сложно управлять. Это может привести даже к распаду всех социальных связей и установлению анархии и нигилизма.

В этом случае необходимо вводить некоторые ограничения для поддержания порядка. Неоконсерваторы утверждают, что милитаризация есть противоположность хаосу индивидуальных интересов. По этой причине они склонны преувеличивать возможную угрозу целостности и стабильности нации, реальную и воображаемую, возникающую внутри страны или за ее пределами. В США такой взгляд привел к тому, что Хофштедтер (Hofstadter) назвал «параноидальным стилем американской политики», когда нация постоянно изображается как обезглавленная и под угрозой врагов внутри и снаружи²¹. Этот политический

стиль имеет в США долгую историю. Неоконсерватизм не нов, и со времен Второй мировой войны он укоренился, в том числе и во влиятельном военно-промышленном комплексе, в интересах которого оказывается постоянная милитаризация. Окончание «холодной войны» поставило вопрос о том, что же теперь является источником угрозы безопасности США. Радикальный исламизм и Китай стали преподносятся как возможные источники угрозы извне. Движения диссидентов внутри страны (уничтоженные члены секты Branch Dravidians в Вако, народные (милицейские) дружины, оказавшиеся очень кстати в момент взрывов в Оклахоме, беспорядки, последовавшие за избиванием Родни Кинга в Лос-Анджелесе, уличные выступления в Сиэтле в 1999 году) требовали все более жестких полицейских мер внутри страны. Вполне реальное возникновение угрозы со стороны радикальных исламистов в 1990-е годы и кульминация этого процесса 11 сентября 2001 года стали основным поводом для объявления «войны терроризму», которая требовала милитаризации как внутри, так и за пределами страны, чтобы гарантировать безопасность нации. Проще говоря, была необходима некая полицейская (военная) реакция на реальные угрозы, воплотившиеся в атаке на Центр международной торговли в Нью-Йорке. Приход к власти неоконсерваторов гарантировал всеобъемлющий и, по мнению многих, даже излишне масштабный ответ в форме повсеместной милитаризации внутри страны и за ее пределами²².

Неоконсерватизм долгое время выступал против моральной вседозволенности, с которой обычно связывают индивидуализм. Неоконсерватизм стремится восстановить чувство моральной цели, высокие ценности, которые должны стать основой стабильной политической системы. Этому отчасти предшествовало и развитие неолиберальной теории, которая, «ставя под вопрос само политическое основание для вмешательства государства в управление экономикой... подняла вопросы морали, правосудия, власти — хотя и по-новому — в рамках экономической системы»²³. Неоконсерваторы изменяют этот «новый» способ обсуждения. Их цель — противостоять хаосу индивидуальных интересов, возникающему в рамках

неолиберализма. Они отнюдь не отклоняются от неолиберальной программы создания или восстановления доминирования и власти класса. Но они стремятся сделать эту власть легитимной, установить общественный контроль на основе формирования общественного согласия в отношении прочной системы моральных ценностей. Такой подход немедленно порождает вопрос о том, какие моральные ценности должны превалировать. Например, можно вспомнить о либеральной системе прав человека, так как задачей активистов, как утверждает Мэри Кальдор, является «не просто вмешательство с целью защиты прав человека, а формирование морального общества»²⁴. В США принцип «исключительности» и долгая история движения за права человека определенно создали интерес к таким вопросам, как гражданские права, глобальный голод, филантропическая деятельность, миссионерство.

Моральные ценности, которые стали центральной темой неоконсерваторов, лучше всего можно определить как продукт некоего союза, сформировавшегося в 1970-е годы между элитой и бизнесом, стремящимися восстановить собственное влияние, с одной стороны, и избирателями из числа «морального большинства» недовольного рабочего класса — с другой. Моральные ценности касались культурного национализма, моральной чистоты, христианства (определенного протестантского характера), семейных ценностей, вопросов «права на жизнь» и неприятия новых общественных движений (феминизм, права сексуальных меньшинств, позитивная дискриминация, движение в защиту окружающей среды). Во времена Рейгана этот альянс был преимущественно тактическим. Но беспорядки внутри страны в период правления Клинтона сделали вопросы морали центральными в программе Буша-младшего. Теперь они являются основой моральной программы неоконсерваторов²⁵.

Было бы неверно рассматривать поворот к неоконсерватизму как нечто исключительное и происходящее только в США, хотя в этом процессе и существуют некоторые элементы, свойственные только этой стране. В США утверждение моральных ценностей основано на призывах к идеалам нации, религии, истории, культурной традиции и т. п.

Разумеется, все это можно найти и за пределами США. Становится очевидным еще один аспект неолиберальной концепции: странные взаимоотношения между государством и нацией. В принципе неолиберальная теория не одобряет *нацию* как таковую, хотя и поддерживает идею сильного государства. Связующее звено между нацией и государством в рамках «встроенного либерализма» нужно было разорвать, чтобы дать неолиберализму возможность развиваться. Это было особенно важно для государств типа Мексики и Франции, принявших некую форму корпорации. Partido Revolucionario Institucional в Мексике долгое время пытался утвердить единство государства и нации, но безуспешно. В результате неолиберальных реформ 1990-х годов большая часть нации оказалась в оппозиции государству. Национализм, разумеется, давно является неотъемлемой частью глобальной экономической системы. Было бы странно, если бы он исчез без следа в процессе неолиберальных реформ. На самом деле он возродился в определенной степени в качестве оппозиции неолиберализму. Примером является подъем в Европе правых фашистских партий с явно выраженными антииммигрантскими настроениями. Еще более тревожным сигналом стал этнический национализм, проявившийся в разгар экономического коллапса в Индонезии и приведший к жестокому уничтожению китайского меньшинства.

Как мы видели, для выживания неолиберальное государство нуждается в определенном сорте национализме. Вынужденное действовать в условиях конкуренции на мировом рынке и стремясь обеспечить наилучший деловой климат внутри страны, государство начинает все больше использовать идеи национализма. В глобальной борьбе за превосходство конкуренция порождает победителей и проигравших. А уже одно это само по себе может быть основой национальной гордости или определения собственного пути. Эта гордость проявляется и в национализме, связанном со спортивными соревнованиями. Китай открыто апеллировал к национальным чувствам в борьбе за завоевание своего места (если не господства) в глобальной экономике (так же настойчиво готовятся и китайские атлеты к Олимпиаде в Пекине). Национальные чувства не

менее остры в Южной Корее и Японии. В обоих случаях они являются реакцией на разрушение социальной солидарности, происходящей под влиянием неолиберализма. Сильный культурный национализм имеет место и в старых национальных государствах (например, во Франции), которая входит теперь в Европейский Союз. Религиозный и культурный национализм стал моральной основой успеха националистской партии Индии, в последние годы занятой реализацией неолиберальной программы. Повышение значимости моральных ценностей в ходе иранской революции и последовавший поворот к авторитаризму не привели к полному отказу от рыночной практики, хотя революция была нацелена на уничтожение бесконтрольного рыночного индивидуализма. Схожий импульс лежит в основе чувства собственного морального превосходства Сингапура или Японии в отношении того, что они воспринимают как «упадочный» индивидуализм и аморфное культурное многообразие США. Пример Сингапура в этом плане особенно показательный. В этой стране рыночный неолиберализм объединился с жесткой принудительной авторитарной государственной системой. В основе морального единства лежит националистическая идея осажденного островного государства (после выхода из Малайзийской федерации), а также конфуцианские ценности. В последнее время к этому добавилась еще и космополитическая этика, отражающая нынешнюю позицию страны в системе международной торговли²⁶. Еще один интересный пример связан с Великобританией. Маргарет Тэтчер в ходе Фолклендской войны и проведения антагонистической политики в отношении Европы в поддержку своего неолиберального проекта использовала возродившиеся национальные чувства. Вдохновлялась она, однако, идеей Англии и святого Джорджа, а не Соединенного Королевства — и это вызвало резкое неприятие ее идей со стороны Шотландии и Уэльса.

Очевидно, что неолиберальная интрига несет в себе определенные опасности, связанные с национализмом. Но жесткая хватка неоконсервативной национальной морали кажется гораздо страшнее. Ситуация, когда многие страны готовы прибегнуть к жестким мерам, чтобы под-

держат собственные якобы уникальные моральные ценности, не особенно обнадеживает. То, что кажется решением противоречий неолиберализма, может привести к еще более серьезным проблемам. Распространение неоконсервативной, а то и откровенно авторитарной власти (такой, как власть Владимира Путина в России или Коммунистической партии в Китае), пусть даже оно происходит в различных социальных системах, демонстрирует все ту же опасность — скатывание к воинствующему национализму. Если и есть в этом процессе что-то неизбежное, то оно связано в большей степени с поворотом к неоконсерватизму и мало зависит от индивидуальных черт той или иной нации. Чтобы избежать катастрофических последствий, нужно отказаться от неоконсервативных подходов к решению проблем неолиберализма. Это, однако, предполагает наличие серьезной альтернативы неоконсерватизму — и этот вопрос мы рассмотрим далее более подробно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chang H.J., Globalisation. Jessop, B., "Liberalism, Neoliberalism, and Urban Governance: A State-Theoretical Perspective", *Antipode*, 34/2 (2002), 452–72; Poulantzas N., *State Power Socialism*, перев. P.Camiller (London: Verso, 1978). Clarke S. (ed.) *The State Debate* (London: Macmillan, 1991). Haggard S. and R. Kaufman (eds.), *The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts and the State* (Princeton: Princeton University Press, 1992); Nozick M., *Anarchy, State and Utopia* (New York: Basic Books, 1977).
2. Stiglitz J., *The Roaring Nineties* получил Нобелевскую премию за исследования в области влияния асимметричной информации на рыночное поведение и его последствия.
3. См. Harvey D., *Condition of Postmodernity*; D. Harvey, *The Limits to Capital* (Oxford: Basil Blackwell, 1982).
4. Evans P., *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation* (Princeton: Princeton University Press, 1995); R. Wade, *Governing the Market* (Princeton: Princeton University Press, 1992); Woo-Cummings M. (ed.), *The Developmental State* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999).

5. Henderson J., "Uneven Crises: Institutional Foundation of East Asian Turmoil", *Economy and Society*, 28/3 (1999), 327–68.
6. Stiglitz J., *The Roaring Nineties*, 227; P. Hall, *Governing the Economy*; Fourcade-Gourinchas M. and S. Babb, "The Rebirth of the Liberal Creed".
7. Vasquez I., "The Brady Plan and Market-Based Solutions to Debt Crises", *The Cato Journal*, 16/2 (online).
8. Piore M., and C. Sable, *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity* (New York: Basic Books, 1986).
9. См. Harvey D., *Condition of Postmodernity*.
10. Navarro V. (ed.), *The Political Economy of Social Inequalities: Consequences for Health and the Quality of Life* (Amityville, NY: Baywood, 2002).
11. McCarney, P., and R. Stren, *Governance on the Ground: Innovations and Discontinuities in the Cities of the Developing World* (Princeton: Woodrow Wilson Center Press, 2003); A. Dixit, *Lawlessness and Economics: Alternative Modes of Governance* (Princeton: Princeton University Press, 2004).
12. Miliband R., *The State in Capitalist Society* (New York: Basic Books, 1969).
13. Rosenblum N. and R. Post (eds.), *Civil Society and Government* (Princeton: Princeton University Press, 2001); Chambers S. and W. Kymlichka (eds.), *Alternative Conceptions of Civil Society* (Princeton: Princeton University Press, 2001).
14. Ohmae K., *The End of the Nation State: The Rise of the Regional Economies* (New York: Touchstone Press, 1996).
15. Court J., *Corporatesteering*.
16. Healy D., *Let Them Eat Prozac: The Unhealthy Relationship Between the Pharmaceutical Industry and Depression* (New York: New York University Press, 2004).
17. Bello W., N. Bullard, K. Malhotra (eds.), *Global Finance: New Thinking on Regulating Speculative Markets* (London: Zed Books, 2000).
18. Schwab K. and C. Smadja цитируется по D. Harvey, *Spaces of Hope* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000), 70.
19. Wang H., *China's New Order: Society, Politics and Economy in Transition* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003), 44.
20. Mann J., *The Rise of the Vulcans: The History of Bush's War Cabinet* (New York: Viking Books, 2004); S. Drury, *Leo Strauss and the American Right* (New York: Palgrave Macmillan, 1999).
21. Hofstadter R., *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996 edn.).
22. Harvey D., *The New Imperialism*, ch. 4.

23. Chang H. J., *Globalisation*, 31.

24. Kaldor M., *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* (Cambridge: Polity, 1999), 130.

25. Frank T., *What's the Matter with Kansas*.

26. Lee Kuan Yew, *From Third World to First: The Singapore Story, 1965-2000* (New York: HarperCollins, 2000).

ГЛАВА 4

НЕРАВНОМЕРНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

ДИНАМИЧНАЯ КАРТА НЕОЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Восстановить ход развития неолиберализма по всему миру с начала 1970-х годов было бы непросто. Прежде всего, дело в том, что большинство государств, в которых произошел неолиберальный поворот, приняли неолиберализм лишь частично — в одних странах повысилась гибкость рынка труда, в других странах началось дерегулирование финансовых операций, а где-то была проведена приватизация государственных предприятий. За масштабными переменами, вызванными кризисом (как, например, крушение Советского Союза), могли следовать откаты к прошлому в связи с тем, что в определенной части неолиберализм оказывался неприемлемым. В борьбе за восстановление или усиление влияния верхушки общества происходят всевозможные перемены и повороты, политическая власть переходит из одних рук в другие, и приходится использовать разные инструменты влияния. Любой анализ, таким образом, должен отражать бурный характер неравномерного развития неолиберализма в разных странах и регионах, чтобы понять, насколько процессы в отдельных странах соответствуют общим тенденциям¹.

В 1950-е и 1960-е годы отдельные территории (государства, регионы, города) крайне слабо конкурировали между собой за то, кто является автором лучшей модели экономического развития или где создан лучший бизнес-климат. Соперничество становилось все более активным по мере

того, как системы торговых отношений становились в 1970-е годы более открытыми и подвижными. Общее развитие неолиберализма все больше *стимулировалось* неравномерным географическим развитием. Успешные государства или регионы начинали давить на тех, кто отставал. Радикальные инновации позволяли тем или иным странам (Япония, Германия, Тайвань, США, Китай), географическим областям (Силиконовая долина, Бавария, северо-восточная и центральная Италия, Бангалор, дельта реки Чжуцзян или Ботсвана) или даже отдельным городам (Бостон, Сан-Франциско, Шанхай, Мюнхен) оказываться в авангарде процесса накопления капитала. Конкурентные преимущества слишком часто оказывались эфемерными, приводя к повышению нестабильности глобальной капиталистической системы. Тем не менее верно и то, что процессы неолиберализации зарождались, а потом ими уже управляли из нескольких основных центров.

В этом процессе очевидна ведущая роль Великобритании и США. Но ни в одной стране поворот к неолиберализму не прошел гладко. Тэтчер удалось успешно провести приватизацию общественной системы жилья и общественных коммуникаций, но основные секторы — национальная система здравоохранения, образование — оставались нетронутыми. «Кейнсианский компромисс» в США в 1960-х так и не позволил достичь того, что удалось социальным демократиям Европы. Силы, находящиеся в оппозиции Рейгану, оказались менее агрессивными. Но Рейган был слишком занят «холодной войной». Он инициировал гонку вооружений, для финансирования которой понадобился бюджетный дефицит («милитаристское кейнсианство»), что дало сомнительные выгоды его избирателям на юге и западе США. Это совершенно не соответствовало неолиберальной теории, но повышение дефицита федерального бюджета стало удобным прикрытием сокращения социальных программ (что и было целью неолибералов).

Несмотря на все рассуждения о необходимости излечения больных экономик, ни Британии, ни США не удалось достичь в 1980-х высокого уровня экономического развития. Из этого следует, что неолиберализм не оправдал надежд капиталистов. Инфляция снизилась, упали про-

центные ставки, но все это было достигнуто ценой высокой безработицы (в среднем 7,5% в США в годы правления Рейгана и свыше 10% в Великобритании в период правления Тэтчер). Сокращение государственных социальных программ и расходов на создание инфраструктуры привело к падению уровня жизни большей части населения. Сложилось странное сочетание низкого темпа роста и увеличивающегося неравенства доходов. Первая волна неолиберализации прокатилась по странам Латинской Америки в начале 1980-х. В результате для большей части государств это десятилетие оказалось «потерянным» из-за экономической стагнации и политической нестабильности.

В 1980-е Япония, «тигры» — «новые» индустриальные страны Восточной Азии — и Германия были локомотивами развития глобальной экономики. Видя их успехи в отсутствие глобальных неолиберальных реформ, сложно утверждать, что неолиберализация во всем мире доказала свою эффективность в качестве средства в борьбе со стагнацией. Центральные банки этих стран чаще всего проводили монетаристскую политику (Bundesbank в Западной Германии особенно старательно боролся с инфляцией). Постепенное снижение торговых барьеров создавало конкурентное давление, что привело к началу так называемой «ползучей неолиберализации», — она происходила даже в тех странах, которые не приняли неолиберализации. Маастрихтский договор 1991 года, который определил в общих чертах неолиберальную модель для внутренней организации Европейского Союза, не состоялся бы без давления со стороны Великобритании и других стран, вставших ранее на путь неолиберальных реформ.

Профсоюзы в Западной Германии сохраняли влияние, социальная защита граждан по-прежнему действовала, уровень заработной платы оставался относительно высоким. Это способствовало росту технологических инноваций, и Западная Германия сохраняла лидирующую позицию в международной конкуренции в 1980-х (хотя развитие технологий и вызывало расширение безработицы). Рост экономики, основанный на экспорте, превратил страну в глобального экономического лидера. Независимые профсоюзы в Японии были в тот период слабыми,

а то и не существовали вовсе, уровень безработицы был высоким. Но государственные инвестиции в технологическое развитие, а также тесные отношения между корпорациями и банками (такая схема отношений оказалась удачной и для Западной Германии) обусловили в 1980-х невероятный экономический рост за счет экспорта – в значительной степени за счет США и Великобритании. В 1980-х этот рост не зависел от неолиберализации, за исключением незначительного обстоятельства, связанного с тем, что большая открытость мировой торговле и рынкам позволяла ориентированным на экспорт экономикам Японии, Западной Германии и азиатских «тигров» развиваться более успешно в условиях растущей мировой конкуренции. К концу 1980-х те страны, которые встали на путь неолиберального развития, все еще испытывали экономические трудности. Сложно не сделать вывода о том, что избранный Западной Германией и азиатскими странами режим накопления капитала был достоин подражания. Многие европейские государства старались избежать неолиберальных реформ и применять западногерманскую модель. В Азии японскую модель широко копировали – вначале «банда четырех» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), а потом и Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины.

Западная Германия и Япония создали модели развития, которые, однако, способствовали восстановлению классового влияния. В 1980-х удавалось сдерживать рост социального неравенства в Великобритании и США. Хотя темп развития этих стран оставался невысоким, уровень жизни трудящихся быстро снижался, а благосостояние верхушки общества повышалось. Уровень компенсации руководителей компаний в США начинал вызывать растущую зависть у европейских коллег. В Великобритании к этому времени у финансистов-предпринимателей новой волны стали накапливаться большие личные состояния. Если считать восстановление классовой власти элиты важной задачей, то неолиберализм точно был инструментом ее решения. Возможность сдвига страны в сторону неолиберализации зависела от баланса классовых сил (влиятельные профсоюзы в Западной Германии и Швеции держали процесс

неолиберализации под контролем), а также от того, насколько капиталистический класс зависел от государственного аппарата (эта зависимость была очень сильна в Южной Корее и на Тайване).

Еще с 1980-х годов начали формироваться инструменты, с помощью которых классовая власть могла быть трансформирована и восстановлена. Принципиально важными оказались четыре компонента. Первым был поворот к более открытой финансовой системе, который начался в 1970-е и ускорился в 1990-х. Объем прямых зарубежных и портфельных инвестиций быстро рос во всех капиталистических странах. Но этот рост был неравномерным (рис. 4.1) и часто зависел от того, насколько активным был деловой климат в конкретной стране. Финансовые рынки во всем мире переживали мощную волну инноваций и дерегулирования. Теперь они стали не только серьезными инструментами координирования, но и средством формирования и сохранения богатства. Финансовые рынки превращались в привилегированное средство восстановления классового влияния. Тесная связь между корпорациями и банками, которая так помогла Западной Германии и Японии в 1980-х, теперь заменялась связью между корпорациями и финансовыми рынками (фондовыми биржами). Тут Великобритания и США имели явное преимущество. В 1990-х японская экономика вошла «в штопор» (вызванный падением на спекулятивных рынках цены земли и недвижимости). Банковский сектор оказался в сложном положении. Поспешное объединение двух Германий вызвало стресс экономической системы, и технологическое преимущество Западной Германии исчезло. Теперь для выживания стало необходимым проведение более глубоких социальных демократических преобразований.

Вторым — рост географической мобильности капитала. Отчасти этому способствовал глобальный процесс стремительного снижения стоимости транспорта и коммуникаций. Постепенное уменьшение искусственных барьеров для перемещения капитала и сырья, например тарифов и биржевых правил или просто сокращение времени ожидания на границе (открытие границ между странами Европы оказало громадное влияние), также сыграло важ-

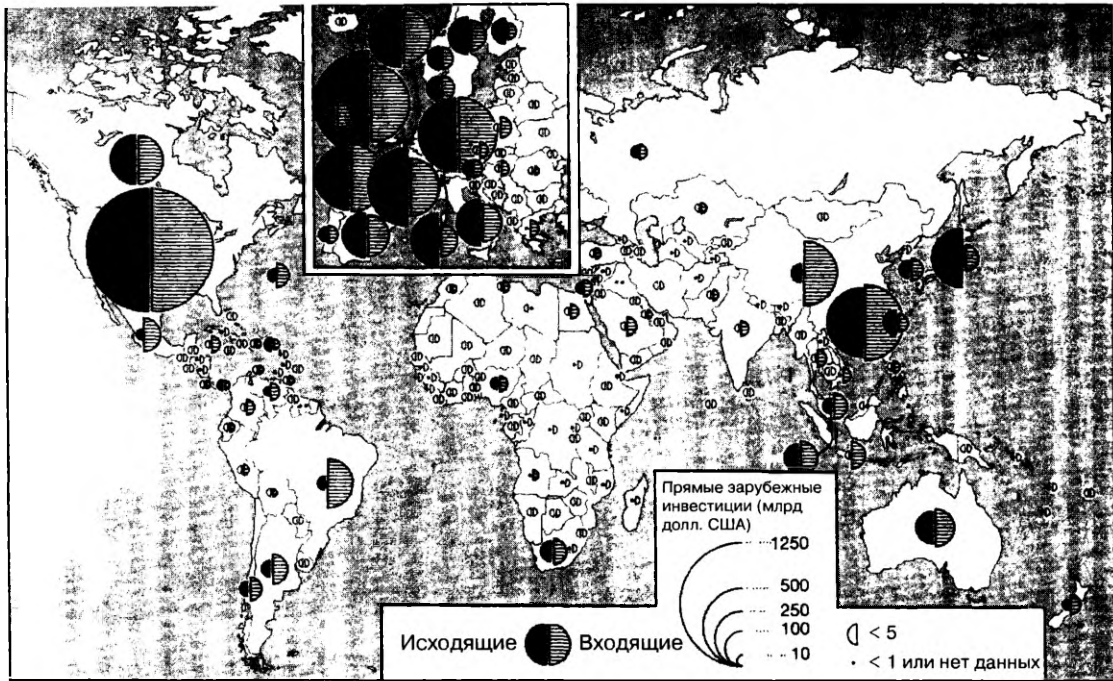

Рис. 4.1. Глобальная модель прямых зарубежных инвестиций, 2000 г.

Источник: Dicken, *Global Shift*

ную роль. При сохранении серьезного дисбаланса (японские рынки оставались защищенными) общая тенденция состояла в стандартизации торговых отношений на основе международных соглашений. Кульминацией этого процесса стало заключение соглашений в рамках Международной торговой организации в 1995 году (в течение года к нему присоединилось больше ста стран). Все большая свобода перемещения капитала (особенно в США, Европе и Японии) заставляла и другие страны расценивать качество внутреннего делового климата как ключевое условие для конкурентного успеха. Так как уровень неолиберализации все чаще связывался в оценках МВФ и Всемирного банка с качеством делового климата, государства были вынуждены начинать неолиберальные реформы².

Третье — Уолл-стрит, МВФ и Министерство финансов, начавшие доминировать в экономической политике в годы Клинтона, могли убедить, уговорить или (благодаря программам структурных преобразований, проводимым МВФ) вынудить многие развивающиеся страны встать на неолиберальный путь³ развития. США также использовали в качестве стимула свой громадный потребительский рынок, чтобы убедить многие страны реформировать свои экономики в соответствии с неолиберальными принципами (в некоторых случаях путем двухсторонних торговых соглашений). Все это способствовало росту экономики США в 1990-е. Оказавшись на пике волны технологических инноваций, Соединенные Штаты, которые поддерживали рост так называемой «новой экономики», вели себя так, как будто знали способ решения всех проблем и как будто всем остальным стоило копировать их политику. При этом относительно низкий уровень безработицы в стране был достигнут ценой снижения уровня оплаты труда и сокращения социальной защиты (росло число граждан, не имеющих медицинской страховки). Гибкость рынка трудовых ресурсов и снижение расходов на соцобеспечение (Клинтон радикально сократил расходы на «систему государственных пособий в прежнем виде») начали приносить плоды для США и оказывать давление на более упорные рынки труда в большей части стран Европы (за исключением Великобритании) и в Японии. Реальный

секрет успеха США кроется в способности извлекать растущую рентабельность из финансовых и корпоративных операций (прямые и портфельные инвестиции) в других странах. Именно поток прибылей из других стран позволил США достичь такого благосостояния в 1990-е годы (рис. 1.8 и 1.9)⁴.

И последнее — глобальное распространение новых монетаристских и неолиберальных экономических концепций оказывало серьезное идеологическое влияние. Еще в 1982 году экономисты-кейнсианцы были изгнаны из МВФ и Всемирного банка. К концу десятилетия большинство экономических факультетов исследовательских университетов США — где училась большая часть экономистов — поддержали неолиберализм, который предполагал контроль над инфляцией и устойчивую государственную финансовую систему (а не полную занятость и социальную защиту) в качестве основных целей экономической политики.

В середине 1990-х все неолиберальная политика нашла выражение в так называемом «вашингтонском консенсусе»⁵. Неолиберальные модели США и Великобритании были представлены в качестве средства решения всех глобальных проблем. Серьезное давление было оказано даже на Японию и страны Европы (не говоря уже об остальном мире), чтобы те тоже встали на неолиберальный путь развития. Получается, что именно Клинтон и Блэр, занимая левоцентристские позиции, сделали все, чтобы консолидировать роль неолиберализма внутри своих стран и по всему миру. Создание Всемирной торговой организации стало кульминацией этого институционального скачка (хотя создание Североамериканской зоны свободной торговли и подписание еще раньше Маастрихтского соглашения в Европе также отразили серьезные институциональные изменения). ВТО устанавливает неолиберальные стандарты и правила взаимодействия в глобальной экономике. Ее основная цель — обеспечить открытость и доступ в экономики максимально большого числа стран с целью гарантировать беспрепятственное перемещение капитала (хотя и не без оговорки о защите «национальных интересов»), так как именно на этом основывалась способность

финансовой элиты США, Европы и Японии извлекать выгоду из остального мира.

Все это не вполне соответствует неолиберальной теории, за исключением особого внимания к бюджетным ограничениям и постоянной борьбы с инфляцией, которая к 1990-м почти прекратилась. Разумеется, сохраняли актуальность соображения национальной безопасности, которым неизбежно противоречили бы любые попытки применить неолиберальную теорию в чистом виде. Падение Берлинской стены и окончание «холодной войны» создали мощный геополитический сдвиг в расстановке соперничающих сил. Но это не привело к окончанию жесткой борьбы за власть и влияние на мировой арене между основными странами, особенно в регионах типа Ближнего Востока, которые контролируют основные ресурсы, или в регионах, отличающихся социальной и политической нестабильностью (Балканы). Однако США стали меньше поддерживать Японию и страны Восточной Азии — бывшие бастионы «холодной войны». До 1989 года США еще оказывали поддержку Южной Корее и Тайваню, но в 1990-х уже не поддерживали Индонезию и Таиланд.

Но даже в рамках неолиберальной системы существовало немало элементов, как МВФ или Совет стран «Большой семерки», которые действовали не как неолиберальные образования, а как центры влияния определенных сил или центры объединения для сохранения определенных преимуществ. Теоретики неолиберализма постоянно критиковали действия МВФ. Готовность вмешаться в деятельность валютных рынков выражалась в соглашениях типа Plaza Accord в 1985 году, которое привело к искусственному снижению курса доллара к иене. Чуть позже было заключено соглашение Reverse Plaza Accord, целью которого было спасение Японии от депрессии в 1990-е годы. Все это — примеры организованных вмешательств в попытке стабилизировать глобальные финансовые рынки⁶.

Финансовые кризисы разворачивались как заразная эпидемия. Долговой кризис 1980-х не ограничился только Мексикой, он имел глобальные проявления (рис. 4.2)⁷. В 1990-е годы разворачивались два взаимосвязанных фи-

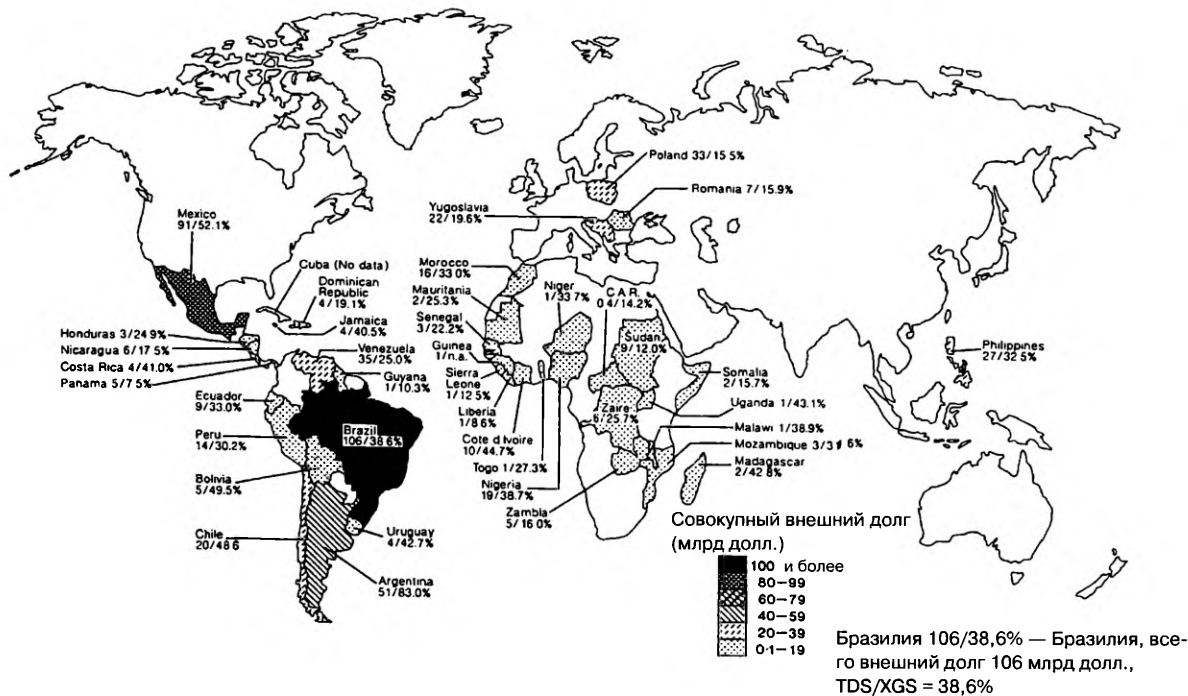

Рис. 4.2. Международный долговой кризис 1982–1985 годов.
 Источник: Corbridge, *Debt and Development*

нансовых кризиса, которые привели к неравномерному развитию неолиберализма. «Текила-кризис», который произошел в Мексике в 1995 году, например, распространился практически моментально и имел разрушительные последствия для Бразилии и Аргентины. Его отголоски донесли до Чили и Филиппин, Таиланда и Польши. Почему «зараза» распространялась именно таким образом, — сказать сложно, ведь спекулятивные процессы и ожидания на финансовых рынках не обязательно основываются исключительно на реальных фактах. Но нерегулируемое развитие финансовой системы несло угрозу распространения кризисов. «Стадное мышление» финансистов (никто не хочет держать в портфеле валюту, которая вот-вот обесценится) граничило с самообманом, который выражался в агрессивных и оборонительных действиях. Спекулянты заработали миллиарды на валютном рынке, когда вынудили правительства европейских стран ослабить механизм регулирования обменных курсов в июле 1993 года. В октябре того же года один только Джордж Сорос за 2 недели заработал около 1 млрд долл., сделав ставку на предположение, что Великобритании не удастся удержать фунт в рамках обменной системы.

Вторая и гораздо более обширная волна финансовых кризисов началась в 1997 году, когда национальная валюта Таиланда бат обесценилась в результате падения спекулятивного рынка недвижимости. Кризис вначале распространился на Индонезию, Малайзию, Филиппины, а потом в Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южную Корею. Пострадали экономики Эстонии и России. Вскоре после этого развалилась экономика Бразилии, что оказало серьезное долгосрочное влияние на Аргентину. Даже Австралия, Турция и Новая Зеландия оказались задеты кризисом. Только США казались непоколебимыми, хотя и в этой ситуации хедж-фонд Long Term Capital Management (в числе советников которого были два экономиста — лауреата Нобелевской премии) оказался на грани разорения из-за неверного прогноза изменения итальянской валюты. Для его спасения потребовалось 3,5 млрд долл.

Весь «восточноазиатский режим» накопления, поддерживаемый «развивающимися государствами», перенес в

1997—1998 годах испытание на прочность. Социальные последствия были чудовищными:

«По мере развития кризиса росла безработица, ВВП падал, банки закрывались. Уровень безработицы в Корее вырос в четыре раза, в Таиланде втрое, в Индонезии — в десять раз. В Индонезии почти 15% мужчин, которые имели работу в 1997 году, к августу 1998 года оказались безработными. Экономические последствия были еще серьезнее в городских районах острова Ява. В Южной Корее уровень бедности в городах вырос втрое. Почти четверть населения оказалась за чертой бедности. В Индонезии число граждан, живущих в нищете, удвоилось. В 1998 году ВВП Индонезии снизился на 13,1%, в Корее — на 6,7%, в Таиланде — на 10,8%. Через три года после кризиса ВВП Индонезии все еще был на 7,5% ниже докризисного уровня, а в Таиланде этот показатель был на 2,3% ниже докризисного уровня»⁸.

ВВП Индонезии упал, безработица возросла. МВФ выступил с требованием введения режима строжайшей экономии и отмены субсидий на продовольствие и топливо. Последовавшие беспорядки и выступления «разорвали социальную ткань» страны. Виноватыми считались капиталистические классы, в основном этнические китайцы. Наиболее состоятельные китайцы переводили свои бизнесы в Сингапур. Одновременно с этим волна мести, убийств, нападений на частную собственность поглотила остальных китайцев — этнический национализм поднял свою уродливую голову в поисках козла отпущения за социальные потрясения⁹.

Стандартные объяснения МВФ и Министерства финансов США связывали кризис с избыточным вмешательством государства в экономику и коррупцией в отношениях между государством и бизнесом («корруптированный капитализм»). В качестве ответа предлагалась дальнейшая неолиберализация. Совместные действия Министерства финансов и МВФ привели к чудовищным результатам. Альтернативная точка зрения на кризис заключалась в том, что в основе проблемы лежат поспешное финансовое дерегулирование и неспособность создать адекватную сис-

тему контроля над незаконными и спекулятивными портфельными инвестициями. В поддержку этой точки зрения свидетельствовало немало фактов: те страны, в которых не была проведена либерализация финансовых рынков (Сингапур, Тайвань, Китай), пострадали гораздо меньше стран, где были проведены реформы (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Филиппины). Более того, Малайзия, единственная страна, которая проигнорировала рекомендации МВФ и установила контроль над перемещением капитала, быстрее всех восстановилась после кризиса¹⁰. После того как Южная Корея тоже отказалась от советов МВФ по промышленному и финансовому реструктурированию, там тоже начался быстрый подъем экономики. Остаются неясными причины, по которым МВФ и Министерство финансов США продолжают настаивать на неолиберализации. Жертвы все чаще предлагают ответ, в основе которого лежит теория заговора:

«Вначале МВФ велел азиатским странам открыть внутренние рынки для перемещения краткосрочного капитала. Эти страны повиновались, и деньги буквально наводнили их рынки, но так же быстро и ушли. Потом представители МВФ заявили, что процентные ставки должны быть подняты и что необходимо «сжать» финансовую систему. Начался глубокий спад. Стоимость активов начала падать. МВФ призвал пострадавшие страны продавать свои активы даже за бесценок... Реализацией активов управляли те же финансовые институты, которые раньше вывели собственный капитал, что и вызвало кризис. Те же банки теперь получили огромные комиссии за сделки по продаже разорившихся компаний или разделению их активов – как уже раньше они заработали на привлечении средств в эти страны»¹¹.

В основе этой теории лежит неясная и никем не изученная роль нью-йоркских хеджинговых фондов. Если Дж. Сорос и другие финансисты смогли заработать миллиарды на ошибках европейских правительств, сделав ставку на их способность удержаться в рамках механизма регулирования валютных курсов, то почему же хеджинговые фонды, оперирующие триллионами долларов заемных

средств из банков, не могли разыграть атаку не только на правительства стран Восточной и Юго-Восточной Азии, но и на некоторые из наиболее успешных мировых корпораций, просто отказав им в займах в момент незначительных затруднений? Уолл-стрит получила огромный выигрыш — стоимость акций подскочила как раз тогда, когда внутренние ставки в США стали падать. После того как большая часть стран региона объявила банкротство, прямые западные инвестиции вернулись в эти страны, чтобы по дешевке скупить жизнеспособные компании или (как в случае с Daewoo) части компаний. Стиглиц рассуждает о теории заговора и предлагает «более простое» объяснение: МВФ просто «отражал интересы и идеологию западного финансового сообщества»¹². Но он не берет в расчет роль хеджинговых фондов. Кроме того, ему не приходило в голову, что рост социального неравенства, который так часто становится побочным продуктом неолиберализации, мог с самого начала быть основной целью происходящего.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ КЛАССИЧЕСКОГО СЦЕНАРИЯ

Мексика

С 1929 года года Partido Revolucionario Institucional (PRI) была единоличной правящей партией в Мексике и оставалась таковой до того момента, когда в 2002 году был избран Винсенте Фокс. Партия сформировала государство корпоративного склада, которое было готово организовывать, сотрудничать, подкупать, а если нужно, то и подавлять оппозиционное движение рабочих, крестьян и среднего класса, сформировавшегося в результате революции. Партия проводила модернизацию под государственным контролем и обеспечивала экономическое развитие, модель которого в основном фокусировалась на замещении импорта внутри страны и активном экспорте в США. Возникла серьезная государственная монополия в области транспорта, энергетики, общественных коммуникаций, некоторых основополагающих отраслей (сталелитейной, например). Начался контролируемый государст-

вом приток в страну иностранного капитала в рамках программы *maquila* (программа, в соответствии с которой иностранный капитал открывал в стране предприятия, получавшие право импортировать материалы и оборудование в беспошлинном режиме для производства или сборки, чтобы готовый продукт снова вывезти для реализации за пределы Мексики.— *Примеч. пер.*). Начатая в 1965 году программа позволила, прежде всего, американскому капиталу развивать производства на территории Мексики, используя дешевую рабочую силу, без дополнительных барьеров в виде тарифов или ограничений перемещения сырья. Несмотря на относительно быстрое экономическое развитие страны в 1950-х и 1960-х, преимущества от роста не распространились широко. Мексика не стала хорошим примером встроенного либерализма, но эпизодические подачи отдельным нестабильным группам (крестьянам, рабочим, среднему классу) до некоторой степени поддерживали процесс перераспределения дохода. Жесткое подавление студенческих выступлений против социального неравенства в 1968 году оставило горький осадок и стало угрозой легитимности правящей партии. Баланс классовых сил начал изменяться в 1970-х. Интересы бизнеса усиливали его независимую позицию и углубляли его связи с международным капиталом.

В 1970-е годы глобальный кризис нанес Мексике серьезный удар. Правящая *Partido Revolucionario Institucional* пыталась увеличить размеры государственного сектора экономики путем контроля над пострадавшими частными предприятиями и сохранения их в качестве источника рабочих мест для удовлетворения интересов рабочего класса. С 1970 по 1980 год число государственных предприятий увеличилось более чем в два раза, как и число занятых на них работников. Но все эти предприятия терпели убытки, и государству приходилось заимствовать средства для их финансирования. Нью-йоркские инвестиционные банки, имевшие в распоряжении огромные суммы нефтедолларов, были рады предложить кредит. Благодаря нефтяным запасам Мексика была привлекательным заемщиком. Внешний долг страны вырос с 6,8 в 1972 году до 58 млрд долл. к 1982 году¹³.

Вскоре после этого началась реализация политики повышения процентных ставок, предложенной Уолкером. Рецессия в США привела к падению спроса на мексиканские товары, цены на нефть упали. Поступления в бюджет Мексики сократились, и издержки по обслуживанию долга стали непосильными. В августе 1982 года Мексика объявила дефолт. Массовый вывод капитала, начавшийся ранее в предвкушении падения песо, усилился. В качестве экстренной меры борьбы с кризисом президент Портильо национализировал банки¹⁴. Деловая элита и банкиры не одобрили этот шаг. Де ла Мадрид, который стал президентом всего через несколько месяцев, оказался перед политическим выбором. Он принял сторону бизнеса. Кто-то может сказать, что это было неизбежно, но политическая власть, которую имела Partido Revolucionario Institucional, допускала и другое решение. Де ла Мадрид был ориентирован на реформы, менее связан с традиционной политикой правящей партии и имел тесные отношения с капиталистическим классом и иностранными корпорациями. Новая комбинация МВФ, Всемирного банка, Министерства финансов США, сформированная Джеймсом Бейкером, чтобы вытащить Мексику из сложной ситуации, оказывала на нового президента дополнительное давление. Они настаивали не только на жесткой экономии бюджета. Впервые в истории Мексики было выдвинуто требование проведения широких нелиберальных реформ: приватизация, реорганизация финансовой системы, чтобы она более соответствовала иностранным интересам, открытие внутренних рынков для иностранного капитала, снижение тарифов, формирование более гибкого рынка труда. В 1984 году Всемирный банк, впервые в своей истории, предоставил заем стране в обмен на гарантии структурных нелиберальных реформ. Де ла Мадрид сделал Мексику открытой для глобальной экономики, присоединившись к ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле) и начав реализацию программы бюджетной экономии. Результат был крайне болезненным:

«С 1983 по 1988 год доход Мексики на душу населения падал на 5% в год; величина реальных зарплат рабочих сокращалась на 40–50%. Рост инфляции, который составлял 3–4% в год в

1960-х, превысил 15% после 1976-го и в течение нескольких лет составил свыше 100%... В то же время, из-за фискальных проблем правительства и переориентации основной экономической модели страны, государственные расходы на общественные программы сокращались. Субсидии на питание предоставлялись теперь лишь беднейшим слоям населения, качество общественного образования и здравоохранения снижалось»¹⁵.

В Мехико в 1985 году это означало, что ресурсов «было так мало, что расходы на важнейшие городские нужды резко упали — на 12% на транспорте, на 25% — на питьевую воду, на 18% — на медицинские услуги и на 26% — на сбор мусора»¹⁶. Криминальная волна, последовавшая за этим, превратила Мехико из одного из самых спокойных в один из наиболее опасных городов Латинской Америки. Это было повторением, и во многих отношениях катастрофическим, того, что случилось с Нью-Йорком на десять лет раньше. Позже — и это было очень символично — правительство Мехико подписало с консалтинговой компанией Джулиани многомиллионный контракт, чтобы научиться, как бороться с преступностью.

Де ла Мадрид видел, что одним из способов разрешения долговой дилеммы была продажа государственных предприятий, причем выручка в дальнейшем используется для выплаты долга. Начальные шаги в сторону приватизации были неуверенными и относительно незначительными. Приватизация повлекла за собой полное изменение трудовых соглашений, и это спровоцировало новый конфликт. В конце 1980-х начались массовые забастовки, которые были жестко подавлены правительством. Нападки на трудовые организации усилились во время правления президента Салинаса, который пришел к власти в 1988 году. Несколько профсоюзных лидеров были посажены по обвинению в коррупции. Новые и более послушные лидеры профессиональных организаций контролировались правящей партией. Не один раз забастовки прекращались с применением армии. Влияние независимых трудовых организаций все больше сокращалось. Салинас ускорил и формализовал процесс приватизации. Он получил образование в США и прибегал к помощи американских эконо-

мических советников¹⁷. Его программа экономического развития была близка неолиберальным принципам.

Мексиканские рынки все больше открывались для иностранного капитала и прямых инвестиций, и это стало одним из ключевых элементов программы реформ Салинаса. Росло число американских предприятий, работающих в Мексике в рамках особого режима *maquila* на северной границе страны. Эта программа стала основой мексиканской промышленной и кадровой структуры (рис. 4.3). Салинас начал и успешно закончил переговоры с США, в результате которых образовалась Североамериканская зона свободной торговли — НАФТА. Продолжалась спешная приватизация предприятий. Уровень занятости в государственном секторе был сокращен в половину от уровня 1988—1994 годов. К 2000 году число государственных компаний упало до 200 — по сравнению с 1000, которые существовали в 1982 году¹⁸. Условия приватизации были направлены на привлечение иностранного капитала. Банки, которые так поспешно были национализированы в 1982-м, были вновь приватизированы в 1990 году. Для того чтобы соответствовать условиям НАФТА, Салинас должен был открыть сельское хозяйство для проникновения иностранных конкурентов. Он начал сокращать влияние крестьянства, которое долгое время оставалось одной из важнейших опор правящей *Partido Revolucionario Institucional*. Конституция 1917 года, созданная в годы мексиканской революции, защищала права коренного населения и закрепляла их посредством системы *ejido*, которая позволяла коллективно пользоваться и владеть землей. В 1991 году правительство Салинаса приняло закон, позволявший и даже поощрявший приватизацию земель *ejido*, в том числе и иностранными компаниями. Так как *ejido* традиционно являлось основой коллективной безопасности коренного населения, правительство, по сути, снимало с себя ответственность за сохранение этой безопасности. Последовавшее снижение импортных барьеров стало еще одним ударом, так как дешевый импорт из эффективных и щедро субсидируемых сельскохозяйственных предприятий США привел к падению цены на кукурузу и другие продукты настолько, что только наиболее эффективные и

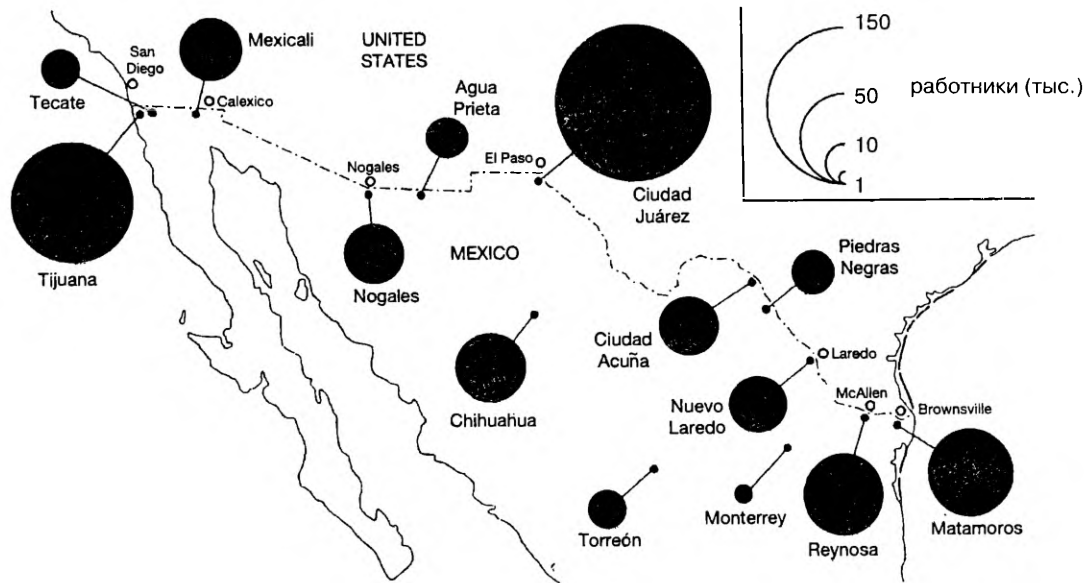

Рис. 4.3. Занятость в основных секторах, где действовал особый режим *maquila* для иностранных предприятий в Мексике в 2000 году.

Источник: Dicken, *Global Shift*

влиятельные мексиканские фермеры оставались конкурентоспособными. На грани голода крестьяне были вынуждены покидать свои земли, пополняя ряды безработных в и без того переполненных городах, где стремительно росла так называемая неформальная экономика (уличные торговцы). Повсеместно зрело сопротивление реформе *ejido*. Несколько крестьянских групп поддержали восстание Запастисты, начавшееся в Чиапасе в 1994 году¹⁹.

Согласившись участвовать в том, что позже получило название План Брэди, связанный со списанием долгов в 1989 году, Мексике пришлось согласиться (впрочем, как оказалось, без особого сопротивления) на условия МВФ, предполагавшие более глубокую неолиберализацию. Результатом стал «текила-кризис», разразившийся в 1995 году из-за того, что, как и в 1982-м, Федеральная резервная система повысила США процентные ставки. Песо снова оказалось под спекулятивным давлением; произошла девальвация. Проблема заключалась в том, что Мексика ранее привлекала займы, выраженные в долларах США (*tesobonos*), чтобы стимулировать иностранные инвестиции. После девальвации песо в стране не было достаточного количества долларов для выплат по займам. Конгресс США отказался помочь, но Клинтон единоличным решением обеспечил спасительные 47,5 млрд долл. Он опасался, что в тех отраслях американской экономики, которые были связаны с экспортом в Мексику, начнется сокращение рабочих мест, возрастет нелегальная эмиграция, а, кроме того, неолиберализация и соглашения НАФТА потеряют легитимность. В результате девальвации американский капитал получил возможность скупить местные активы за бесценок. Вначале только один мексиканский банк, приватизированный в 1990 году, перешел в собственность иностранного капитала. К 2000 году уже 24 из 30 банков оказались в руках иностранных компаний. В соответствии с собственными интересами иностранные капиталисты требовали от Мексики все новых выплат. Иностранная конкуренция тоже начинала создавать проблемы. Число рабочих мест на мексиканских предприятиях, работавших в особом режиме *maquila*, сократилось, когда после 2000 года Китай стал гораздо более дешевым, а потому более

предпочтительным местом для размещения иностранных производств, нуждающихся в дешевой рабочей силе²⁰.

Все это, особенно приватизация, оказало огромное влияние на концентрацию капитала в Мексике:

«В 1994 году журнал *Forbes* опубликовал список самых богатых людей мира, и выяснилось, что в результате реструктуризации мексиканской экономики появилось 24 новых миллиардера. Из них, как минимум, 17 участвовали в приватизации, приобретая банки, металлургические и сахарные заводы, отели и рестораны, химические предприятия, телекоммуникационные компании, а также концессии на операции в новоприватизированных секторах экономики — порты, частные платные дороги, сотовая и междугородняя связь»²¹.

Карлос Слим, самый богатый человек в Мексике, был в списке *Forbes* двадцать четвертым. Он контролировал 4 из 25 крупнейших мексиканских компаний. Его предпринимательские интересы распространялись за пределы Мексики. Он стал одним из основных игроков в области телекоммуникаций в Латинской Америке и США. Его стратегия в области услуг сотовой связи стала широко известной: захватить и монополизировать рынки с высокой плотностью состоятельных пользователей, игнорируя рынки с меньшей плотностью. К 2005 году Мексика была на 9-м месте в мире (впереди Саудовской Аравии) по числу миллиардеров. Остается неясным, должны ли мы называть это *восстановлением* или *воссозданием* классовой власти. Так или иначе, правящему классу удалось добиться желаемого за счет трудящихся и крестьян — их уровень жизни снизился. Положение населения ухудшалось по мере того, как богатство накапливалось в руках кучки магнатов внутри и за пределами страны при поддержке господствующих финансовой и юридической систем.

Коллапс Аргентины

Аргентина вышла из периода военной диктатуры с огромными долгами и оказалась зажатой в корпоративистской,

авторитарной и глубоко коррумпированной системе управления. Демократизация оказалась непростой задачей. В 1992 году к власти пришел Карлос Менем. Хотя Менем и был перонистом, он начал либерализацию экономики — частично для того, чтобы угодить США, но также и с целью восстановления репутации Аргентины, запятнанной фактами о «грязной войне», в глазах международного сообщества. Менем открыл страну для иностранной торговли и капитала, обеспечил большую гибкость рынка труда, приватизировал государственные компании и систему социального обеспечения и увязал курс песо с долларом с целью контроля над инфляцией и обеспечения гарантий безопасности для иностранных инвесторов. Безработица росла, и это вело к снижению зарплат, в то время как элита использовала приватизацию для накопления богатства. Деньги потекли в страну, и в 1992 году наступил расцвет экономики, продолжавшийся до «текила-кризиса» в Мексике:

«В течение нескольких недель банковская система Аргентины потеряла 18% депозитов. В экономике, темп роста которой составлял в среднем 8% в год в период со второй половины 1990 года до второй половины 1994-го, начался быстрый спад. С последнего квартала 1994 до начала 1996 года ВВП уменьшился на 7,6%... Выплаты по внешнему долгу выросли с 1994 до 1996 года более чем на 50%. Начался массивный вывод капитала из страны и сокращение валютных резервов»²².

Безработица взлетела до 18%. Хотя песо был переоценен, девальвация (в противоположность тому, что происходило в Мексике) была невозможна из-за искусственного поддержания баланса песо и доллара. Благодаря тому что иностранный капитал вновь пришел в страну, началось восстановление экономики, но оно не продлилось долго и закончилось, как только Азиатский кризис 1997–1998 годов ударил по России, а затем и по Бразилии. Все это, а также высокие процентные ставки привели к росту дефицита бюджета, что оказывало слишком серьезное давление на песо. Вновь начался вывод иностранного и местного капитала из страны в ожидании девальвации. Долг Аргентины

с 1995 по сентябрь 2001 года вырос более чем вдвое, а валютные резервы стремительно сокращались. Платежи по обслуживанию внешнего долга выросли к 2000 году до 9,5 млрд долл. МВФ поддержал привязку песо к доллару и был готов предпринять необходимые меры против девальвации национальной валюты, чтобы не допустить скачка инфляции (как это произошло в России и Бразилии с катастрофическими, по мнению Стиглица, последствиями для обеих стран), и предоставил Аргентине заем на 6 млрд долл. (второй по величине в истории МВФ).

Но даже это не могло остановить процесс вывода капитала. В 2001 году аргентинская банковская система потеряла более 17% депозитов (14,5 млрд долл.). Только 30 ноября были прекращены депозитные договоры на сумму около 2 млрд долл. МВФ отказал стране в новом займе по той причине, что Аргентина не выправила бюджетный дисбаланс. Аргентина объявила государственный дефолт. С 1 декабря 2001 года правительство ограничило возможность получения средств с банковских счетов суммой в 250 долл. в неделю и ввело режим особого регулирования всех транзакций по счетам нерезидентов на сумму свыше 1000 долл. Последовали беспорядки, в которых погибло 27 человек. Президент Де ля Руа ушел в отставку, как и Доминго Карвалло — автор государственной экономической политики. К 6 января 2002 года новый президент Дуальде отказался поддерживать искусственный баланс песо и доллара и допустил девальвацию песо. Он принял решение заморозить все сберегательные счета с остатком свыше 3000 долл. и пересчитать все долларовые сбережения в песо по новому курсу, обесценив размер сбережений на одну треть. Фактически от вкладчиков к банкам и политико-экономической элите перешла сумма, эквивалентная 16 млрд долл. Социально-экономические последствия были драматическими. Безработица возросла, личные доходы сократились. Рабочие захватывали простаивающие фабрики и начинали работу, комитеты солидарности в жилых районах (*piqueteros*) пытались найти средства для выживания, пикетчики блокировали работу транспорта и выдвигали политические требования²³.

Перед лицом общественного мнения, которое крайне негативно воспринимало банки, иностранных инвесторов

и МВФ, Кирхнер, вновь избранный популистский президент, пришедший на смену Дуальде, был вынужден разорвать отношения с МВФ, объявить дефолт по государственному долгу на сумму 88 млрд долл. и предложить кредиторам расплатиться с ними из расчета 25 центов за доллар²⁴. Интересно, что ни один из экономических советников Киршнера не учился в США. Все они получили образование в Аргентине и стояли на «неортодоксальной позиции», считая, что выплаты по внешнему долгу, безусловно, важны, но не должны совершаться ценой падения уровня жизни в стране. К 2004 году появились первые признаки восстановления экономики, особенно в производственном секторе, который выиграл от девальвации. Серьезной проблемой остается конкуренция с Бразилией и Китаем, особенно после того, как Китай вступит в ВТО и получит свободный доступ к аргентинским рынкам.

История взлетов и падений процесса неолиберализации в Аргентине показывает, как мало общего неолиберальная теория имеет с практикой. Как сказал один из членов неолиберального Института Людвиг вон Мизеса, «конфискационная дефляция» в Аргентине была истолкована аргентинскими банкирами как «ограбление банка политической элитой»²⁵. Или, как считают Велтмейер и Петрас, вся история имеет душок «нового империализма: разграбление экономики, рост неравенства, экономическая стагнация, а затем глубокая продолжительная депрессия и массовое обеднение населения — как следствие процесса высочайшей концентрации богатства в истории Аргентины»²⁶.

Южная Корея

После войны 1950–1953 годов разрушенная Южная Корея была в ужасном экономическом и геополитическом положении. Принято считать, что ее экономическое возрождение началось в 1961-м, после военного переворота, в результате которого пришел к власти генерал Парк Чунг Хее. Доход на душу населения в 1960 году был ниже 100 долл., а сегодня составляет свыше 12 000 долл. Этот невероятный экономический результат нередко называют идеальным

примером того, чего может добиться развивающееся государство. Южная Корея, однако, имела два геополитических преимущества. Так как страна оказалась на переднем фронте «холодной войны», США были готовы поддержать ее с оборонной и экономической точек зрения. Менее очевидно то, что бывшие колониальные отношения с Японией тоже принесли немало плюсов — от знакомства с японской экономической и военной стратегией (Парк прошел обучение в японской Военной академии) до активной поддержки со стороны Японии в процессе выхода Кореи на иностранные рынки.

В 1960 году Корея оставалась преимущественно аграрной страной. Под руководством Парка началась индустриализация. Капиталистический класс был слаб, но все же заметен. После того как некоторые бизнес-лидеры были арестованы по обвинению в коррупции, Парк нашел общий язык с оставшимися капиталистами. Он провел реформу государственной бюрократии, образовал Министерство экономического планирования (руководствуясь успешной японской моделью), национализировал банки, чтобы контролировать распределение кредитов. Парк опирался на предпринимательскую энергию и инвестиционные стратегии новых промышленных капиталистов, которые получили возможность обогащения²⁷. В начале 1960-х промышленники стали все больше ориентироваться на экспорт, так как Япония использовала страну как офшорную платформу для последующего экспорта своей продукции в США. Появилось множество совместных корейско-японских предприятий. Корейцы использовали это как возможность перенять новые технологии и получить опыт работы на новых рынках. Корейское государство поддерживало эту ориентированную на экспорт стратегию, мобилизуя национальные сбережения, поощряя успешные бизнесы и поддерживая их участие в *chaebols* (крупные интегрированные фирмы — Hyundai, Daewoo, Samsung) путем предоставления кредитов, налоговых льгот, создания логистической системы, контроля над трудовыми ресурсами и поддержки в процессе выхода на иностранные (особенно на американский) рынки. Используя поддержку государства в области развития тяже-

лой промышленности (производство стали, кораблестроение, нефтехимия, электроника, автомобилестроение и машиностроение), несколько групп *chaebols* изменили специализацию и, начиная с середины 1970-х, превратились в глобальных игроков именно в этих приоритетных отраслях. Они также стали очагом власти еще более богатого местного капиталистического класса. По мере того как рос размер этих предприятий (к середине 1980-х треть национального продукта приходилась на три *chaebols*), изменялись и их отношения с государством. К середине 1980-х они «накопили достаточно влияния и власти, чтобы провести успешную кампанию по постепенному уничтожению аппарата государственного регулирования». Не завися больше от государства, имея прочные позиции в системе международной торговли и доступ к кредитным ресурсам, капиталистический класс Южной Кореи избрал собственную версию неолиберализации²⁸.

Эта версия основывалась на защите привилегий при одновременном ослаблении контроля со стороны регулирующих органов государства. Банки были приватизированы. Близкие и нередко коррумпированные отношения власти, которые тесно связывали руководителей *chaebols* с государственными деятелями, оказалось очень сложно разрушить. Корейские банки предоставляли кредиты, исходя не только из инвестиционных интересов, но и на основе политических предпочтений. Корейский бизнес нуждался в либерализации торговых отношений и перемещения капитала (это тоже было навязано извне по результатам Уругвайского раунда в 1986-м), чтобы иметь возможность свободно инвестировать часть капитала за границей (рис. 4.4). Корейский капитал исследовал возможности офшорного производства, используя более дешевую и более покладистую рабочую силу. Так начался экспорт трудовых отношений на основе заключенных корейскими компаниями субконтрактных договоров с предприятиями Латинской Америки и Южной Африки, а также в значительной части Восточной и Юго-Восточной Азии. После роста курса иены в 1995 году Япония начала выводить производство в такие страны, как Таиланд, Индонезия, Малайзия, где производственные издержки оказывались

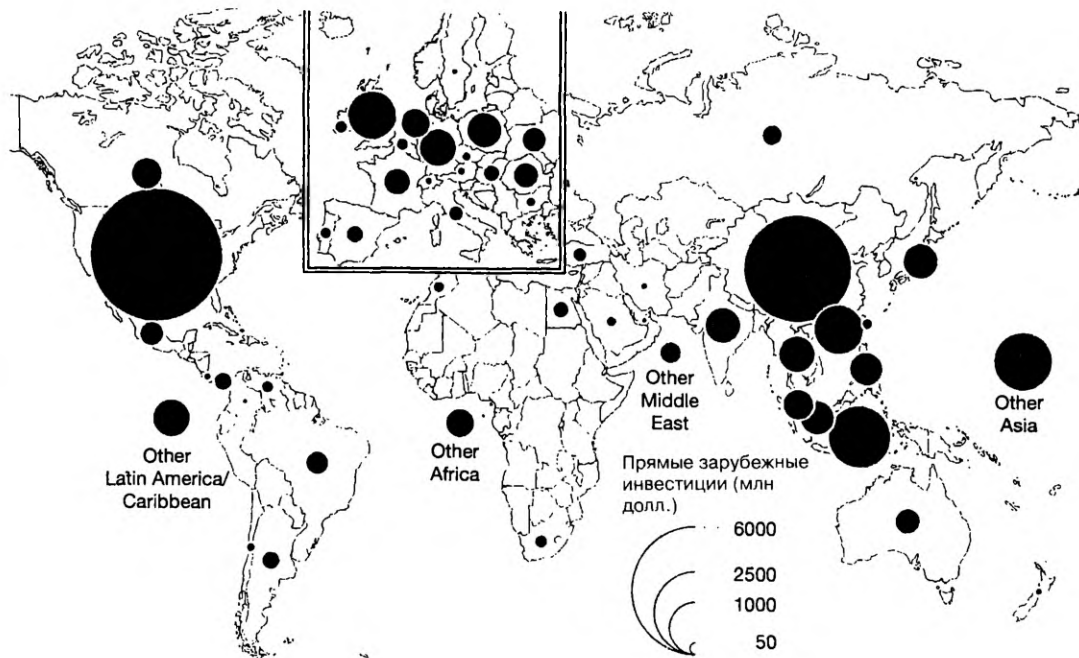

Рис. 4.4. Южная Корея выходит на международный рынок: прямые инвестиции за рубежом, 2000 год
 Источник: Dicken, *Global Shift*

ниже. Это обстоятельство, а также выход на мировой рынок Китая привел к усилению конкуренции внутри региона. Вначале Китай конкурировал с Южной Кореей (и другими странами в этом регионе) в низкоценовом производственном сегменте (например, текстиль), но довольно быстро китайские производители начали переключать внимание на сегменты с более высокой маржей. В ответ Южная Корея начала массовый вывод производств в Китай путем прямых инвестиций, что могло быть выгодным для корейских корпораций, но негативно сказывалось на уровне занятости в стране.

После экспортного бума конца 1980-х корейская промышленность начала проигрывать конкурентам, терять положение на рынке. После 1990-го началось резкое падение прибыльности. Фирмы *chaebols* начали прибегать к заимствованиям, причем все чаще у иностранных банков. Соотношение долга к активам возросло, и корейский бизнес становился все более чувствительным к возможному скачку процентных ставок²⁹. Южной Корее также пришлось иметь дело с растущим влиянием профессиональных организаций. Массированная индустриализация повлекла за собой формирование пролетариата и урбанизацию, что способствовало появлению трудовых организаций. Вначале деятельность независимых профсоюзов жестко ограничивалась. Массовая расправа с восставшими рабочими в Кванджу привела в 1979 году к убийству Парка. Одним из основных требований все более активного трудового и студенческого движения было обеспечение демократизации, которая формально установилась только в 1987 году. Зарплаты росли по мере того, как профсоюзы объединяли усилия в жесткой классовой борьбе, даже рискуя пострадать от жестокой расправы со стороны государства. Работодатели были заинтересованы в повышении гибкости рынка труда, но ни одному из правительств не удавалось этого обеспечить. Формирование и легализация демократической корейской Конфедерации профессиональных союзов в 1995 году стало свидетельством растущего влияния трудовых организаций³⁰.

Сужающиеся в 1990-е годы возможности государства дисциплинировать капитал только обострились в момент

кризиса 1997–1998 годов. Иностраный капитал давно уже выступал за облегчение доступа к традиционно защищенным внутренним рынкам, а также за дальнейшую финансовую либерализацию. Изменение структуры международной торговли и финансов обеспечили в начале 1990-х незначительный успех в этом направлении. Ценой поддержки Клинтонем вступления Кореи в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) стала серьезная финансовая либерализация внутри страны. Кризису предшествовали выступления трудящихся, направленные на борьбу с *chaebols* (намеревавшимися в тот момент сократить тысячи работников), и протест против государственной политики в отношении профсоюзов. В марте 1997 года правительство приняло новый трудовой кодекс, который обеспечивал гораздо большую гибкость рынка труда и таким образом создал возможность для массовых увольнений рабочих³¹. Многие *chaebols* имели слишком большие долги перед начинающими беспокоиться иностранными кредиторами и национальными банками, в портфелях которых и так было уже немало ненадежных кредитов. Правительство располагало таким слабым валютным запасом, что ничего не могло сделать. Несколько *chaebols* – Hansin, Hambo Steel – объявили о банкротстве в первой половине 1997 года, еще до валютного кризиса. После кризиса иностранные банки ушли из Кореи, что привело многие *chaebols*, как и саму страну, на грань банкротства³².

США не видели никаких причин для оказания финансовой помощи стране («холодная война» к тому моменту уже закончилась) и следовали диктату Уолл-стрит. Финансисты давно уже требовали финансовой либерализации в стране в соответствии со своими интересами. Стиглиц соглашается с тем, что национальные интересы США были принесены в жертву ради финансовой выгоды Уолл-стрит³³. Когда разразился Азиатский финансовый кризис, МВФ принудил Южную Корею повысить процентные ставки, чтобы защитить собственную валюту. Тем самым он втянул эту страну в еще более глубокую рецессию. Многие компании, у которых соотношение долга и активов было слишком высоким, обанкротились. Последовали рост

безработицы, падение уровня зарплат, продолжение банкротств *chaebols* (Daewoo обанкротилась, Hyundai была близка к банкротству). Правительство обратилось к МВФ и США за помощью. В обмен на 55 млрд долл. в качестве помощи Южная Корея согласилась позволить иностранному капиталу владеть финансовыми компаниями и открыто оперировать на внутреннем рынке. Эти условия оказались недостаточными, и через 10 дней перед лицом неминуемого дефолта было заключено другое соглашение, в соответствии с которым банки-кредиторы согласились реструктурировать долг Кореи в обмен на гарантии участия в будущих доходах (отголоски стратегии, примененной в свое время в разрешении кризиса Нью-Йорка). В результате «корейцы перенесли массовые банкротства больших и малых компаний и спад, который привел к сокращению национального дохода на 7%, падению уровня зарплат в среднем на 10% и росту безработицы до 9%»³⁴. Из этого можно извлечь два урока. Во-первых, «корейцы убедились, что в момент их финансового краха Соединенные Штаты действовали в интересах собственной выгоды». Во-вторых, США определили собственные интересы полностью в соответствии с условиями Уолл-стрит и финансового капитала³⁵. Альянс Уолл-стрит, Министерства финансов и МВФ сделал с Южной Кореей то же, что в середине 1970-х годов сделали с Нью-Йорком инвестиционные банкиры. Последовавшее восстановление корейской экономики (произошедшее частично благодаря тому, что были проигнорированы советы МВФ по реструктурированию, а также вследствие гораздо менее накаленной ситуации на рынке труда) способствовало росту прибыли Уолл-стрит и концентрации власти американской элиты. Как только иностранный капитал пришел на корейский рынок и по стране прокатилась волна слияний и поглощений, срежиссированная зарубежным «хищническим капиталом», влияние *chaebols* было либо подорвано, либо вовсе уничтожено. Внутренняя классовая структура развивалась по мере изменения отношений капитала Южной Кореи с государством и глобальным рынком. Данные показывают, что неравенство доходов и обеднение населения резко возросли в момент кризиса. Нестабильность и мобиль-

ность трудовых ресурсов (особенно негативно проявившиеся в отношении трудящихся женщин), а также новый виток подавления государством трудовых и общественных движений свидетельствуют о новом классовом наступлении на наименее состоятельные слои населения, что может быть предзнаменованием обычных процессов концентрации классовой власти внутри страны и за ее пределами.

Швеция

Вероятно, нигде в Западном мире демократия так не угрожала власти капитала, как в Швеции в 1970-е годы. С 1930-х годов в стране правили социал-демократы, и баланс шведских классовых сил стабилизировался вокруг сильных централизованных профсоюзов, которые выступали в качестве коллективных переговорщиков с капиталистическим классом по вопросам заработной платы и прочих выплат, условий труда и тому подобных вопросов. Политическая идеология шведского государства всеобщего благосостояния была организована вокруг идеалов социализма, основанного на перераспределении, с прогрессивной системой налогообложения и снижением неравенства доходов и бедности, которые достигались частично на основе создания развитой системы социального обеспечения. Класс капиталистов был хотя и невелик, но крайне влиятелен. В отличие от многих социальных демократий и государственно-монополистических систем, Швеция обошлась без национализации значимых отраслей экономики (за исключением транспортной системы и коммунальных услуг). В стране существовало большое число мелких бизнесов. При этом несколько семей владели значительной долей совокупной производственной базы страны.

В 1960-е годы, как почти во всех развитых капиталистических обществах, активизировались выступления трудящихся, за чем последовала волна реформ, в результате которых была ограничена власть капитала, а трудящиеся получили большее влияние. План Ренна—Мейднера в наибольшей степени угрожал капиталистическому классу.

Поступления от уплаты 20-процентного налога на прибыль корпораций должны были составить фонд трудящихся, который контролировался профсоюзами, и использоваться в качестве инвестиций в корпорации. В результате постепенно снизилось бы значение частной собственности и на ее месте возникло бы общественное владение предприятиями под управлением представителей рабочих. Это было равно «прямому выпадку против святости частной собственности». Как бы ни были щедры условия выкупа, капиталистический класс оказался под угрозой постепенного исчезновения. Его реакция была соответствующей⁶⁶.

С середины 1970-х число членов Федерации шведских работодателей (несомненно, копирующей аналогичную организацию в США) возросло. Были мобилизованы все силы с целью начать пропагандистскую кампанию против «излишнего регулирования», за рост либерализации экономики, снижение налогов, сокращение излишних государственных социальных программ, которые, по мнению членов Федерации, способствовали стагнации экономики. Но когда правоцентристская консервативная партия пришла к власти в 1976 году, заняв место социал-демократов впервые с 1930-х, ей не удалось реализовать предложенные работодателями планы. Профсоюзы были слишком сильны, и общественность не поддержала предложений Федерации. Когда стало ясно, что прямая конфронтация с профсоюзами посредством локаутов и отказов обсуждать изменение зарплат тоже не сработала, работодатели перешли к попыткам подорвать институциональные системы государства. В 1983 году они отказались участвовать в централизованных переговорах с трудящимися. С тех пор вопросы зарплат и прочих компенсаций должны были решаться внутри отдельных компаний. Капиталистам удалось убедить один из профсоюзов поддержать новый подход, что значительно ослабило коллективное влияние трудящихся.

Наиболее действенной мерой была пропагандистская кампания, проводимая работодателями. Используя возможность контролировать Нобелевский комитет по экономике, они стремились популяризировать неолиберализм среди шведских экономистов. Давние жалобы части интеллектуалов и профессионалов в отношении подавля-

ющего универсализма и высоких налогов в Швеции культивировались в ходе все более активных дискуссий о пользе индивидуальных свобод. Эти дебаты находили отражение в прессе и привлекали растущее внимание общественности. Более того, аналитическая группа, поддержанная работодателями — Центр политических и экономических исследований, — финансировала серьезные исследования экономических структур (по типу Национального бюро экономических исследований в США) и неустанно «научно» доказывала политической элите и общественности, что государство «всеобщего благополучия» было основной причиной экономической стагнации страны⁴⁷.

Реальный сдвиг к неолиберализму произошел после избрания в 1991 году консервативного правительства. Путь уже был частично подготовлен социал-демократами, которые все настойчивее пытались найти выход из экономической стагнации. Частичное внедрение ими некоторых неолиберальных принципов указывало на то, что результаты анализа Центра политических и деловых исследований были приняты. Теперь идей не хватало левым, а не правым. Профсоюзы согласились на ввод ограничений оплаты труда, чтобы повысить прибыльность предприятий и стимулировать инвестиции. Дерегулирование банковской сферы (что привело к появлению классического спекулятивного «пузыря» в области кредитования и ипотеки), снижение налогов для наиболее состоятельной части общества (опять якобы с целью стимулирования инвестиций) уже произошли в конце 1980-х. Центральный банк (всегда находившийся под контролем консерваторов) наконец-то признал борьбу с инфляцией, а не поддержание полной занятости в качестве своей основной задачи. Крушение спекулятивного «пузыря», связанного с переоценкой активов, которое последовало за ростом цен на нефть в 1991 году, привело к выводу капитала из страны и многочисленным банкротствам. Это дорого обошлось шведскому правительству. Причины краха связывались с неэффективностью государственной системы, и консервативное правительство, которое пришло к власти, внимательно прислушивалось к плану шведской Торговой палаты в отношении полной приватизации.

Блит (Blyth) считает, что предложенные варианты выхода из кризиса совершенно не годились в сложившихся обстоятельствах. Проблема, как он утверждает, была связана с «блокированием процесса познания» — неспособностью найти решение, альтернативное тому, что было предложено неолибералами. «Именно эта однородность людей и идей, а также политизация бизнеса привели к тому, что новые идеи стали рассматриваться как план действий, и привели в итоге к трансформации шведского либерализма». Практическим результатом явился серьезный спад в экономике, в результате чего сократился объем производства, а уровень безработицы за два года вырос вдвое. Правительство теряло поддержку избирателей, требовался другой путь обеспечения неолиберальных реформ. Решением стало присоединение к Европейскому Союзу — шаг, который «следует трактовать как попытку бизнеса и консерваторов обеспечить экономическим идеям и институтам ЕС возможности новым путем достичь того, что не удалось путем внутренних реформ». Присоединение к ЕС в 1993—1994 годах лишило государство многих инструментов, которыми оно прежде располагало в борьбе с безработицей и развитием социального обеспечения³⁸. В результате даже когда социал-демократы вернулись в 1994 году к власти, неолиберальная программа «снижения дефицита, контроля над инфляцией и сбалансированного бюджета, а не обеспечение полной занятости и равного распределения дохода, стала основой макроэкономической политики»³⁹. Была признана необходимость приватизации пенсионных фондов и системы социальных пособий. Блит объясняет это как случай «зависимости от выбранного пути» — определенная логика принятия решений, основанная на гегемонии заранее принятых решений. Встроенный либерализм был разрушен, но не уничтожен полностью. Общественность все еще серьезно зависела от системы социального обеспечения. Неравенство росло, но не достигло ни уровня США, ни уровня Великобритании. Бедных по-прежнему было немного, уровень социальной защищенности оставался высоким. Швеция представляет собой пример того, что можно назвать «ограниченной неолиберализацией», и это подтверждает достаточно развитая система социальной защиты.

СИЛЫ И ТЕЧЕНИЯ

Факты, приведенные выше, указывают на то, что неравномерное развитие неолиберализма было результатом диверсификации, инноваций, конкуренции (в том числе и монополистической) между отдельными национальными, региональными, а иногда даже городскими моделями управления, а также и влияния внешней силы (например, США). Более детальный анализ подтверждает, что в каждом отдельном случае на процесс и степень неолиберализации повлияло огромное число факторов. Более общий анализ охватывает сочетание влияния неолиберальных идей (особенно сильного в случае Великобритании и Китая) с необходимостью реагировать на финансовые кризисы разного типа (как в Мексике и Южной Корее) и более прагматическим подходом к реформе государственного аппарата (как во Франции и Китае) с целью улучшить конкурентные позиции на глобальном рынке. Все эти элементы важны, но в различной степени. Нельзя не удивляться тому, насколько еще не изучено влияние классовых сил на этот процесс. Возможность, например, того, что основными идеями становятся именно те, которые поддерживает правящий класс, даже не рассматривается, хотя существуют неоспоримые доказательства массированного вмешательства деловой и финансовой элиты в формирование идей и идеологий: путем финансирования аналитических групп, обучения технократов, управления средствами массовой информации. Вероятность того, что финансовые кризисы могли быть вызваны действиями капиталистов, связаны с выводом капитала из страны или финансовыми спекуляциями или что финансовые кризисы намеренно создаются для стимулирования накопления путем перераспределения, исключается из рассмотрения как слишком схожая с теорией заговора идея — даже при наличии неопровержимых признаков координированных спекулятивных атак на ту или иную валюту. Кажется, нам требуется несколько более широкая система для объяснения сложных и неравномерных процессов неолиберализации.

Следует уделить внимание индивидуальным условиям и институциональному устройству, так как эти факторы сильно отличаются в случае Сингапура, Мексики, Мозамбика, Швеции или Британии — а степень сложности перехода к неолиберализму отличалась вследствие этих различий. Особенно тревожно выглядит случай Южной Африки. После падения системы апартеида страна отчаянно нуждалась в интеграции в глобальную экономику. МВФ и Всемирному банку удалось частично убедить, а частично заставить ЮАР принять неолиберальный путь, и в результате экономический апартеид успешно и повсеместно заменил собой расовый апартеид⁴⁰. Важным фактором оказывается изменение баланса между классами в рамках одного государства. В зависимости от того, насколько профессиональные организации могут сохранять или приобретать (в случае Южной Кореи) серьезное влияние, неолиберализация сталкивалась с более или менее серьезными, а иногда и непреодолимыми барьерами. Возможность ослабить (как в Великобритании и США), обойти (как в Швеции) или насильственно уничтожить (как в Чили) влияние профсоюзов является необходимым условием проведения неолиберализации. В то же время неолиберализация часто зависела от растущего влияния, структуры и сплоченности бизнеса и корпораций и их способности как класса оказывать давление на государство (как в США и Швеции). Это влияние проще всего реализовывалось напрямую — путем финансовых институтов, рыночных механизмов, вывода капитала, а также опосредованно — путем оказания влияния на выборы, лоббирования, подкупа и коррупции или, еще менее явно, — путем навязывания неких экономических идей. Степень, в которой неолиберализм становился органичной частью общепринятой точки зрения для большинства населения, в огромной степени зависела от того, насколько сильна была вера в социальную солидарность и важность традиций коллективной социальной ответственности. Культурные и политические традиции, которые поддерживают распространенную идеологию, таким образом, играют важную роль в определении степени, с которой общество готово принять идеалы индивидуальных свобод и свободного рынка, противоположных другим формам социального единства.

Вероятно, наиболее интересный аспект неолиберализации связан с комплексными соотношениями внутренних и внешних сил, влияющих на этот процесс. В некоторых случаях внешние силы могут считаться доминирующими, но чаще эти взаимоотношения оказываются гораздо более сложными. Именно правящая верхушка Чили обратилась к США за поддержкой в подготовке переворота, и именно она приняла неолиберальные перемены как единственный путь вперед, принимая советников из числа американских технократов. В Швеции работодатели стремились к интеграции с Европой как средству обеспечения реализации неолиберального плана. Даже наиболее драконовские из предложенных МВФ программ реструктуризации вряд ли были бы реализованы без определенной поддержки внутри страны. Иногда кажется, что МВФ просто берет на себя ответственность за те действия, которые наиболее влиятельные силы внутри страны и без того собирались предпринять. Существует достаточно примеров, когда страна отвергала советы МВФ. Это подтверждает, что альянс Министерство финансов США – Уолл-стрит – МВФ не такой влиятельный, как иногда считается. Только когда структура внутренней власти превращается в ничего не значащую формальность, а институты находятся в полном хаосе из-за кризиса (как в бывшем Советском Союзе или в странах Центральной Европы), гражданской войны (как в Мозамбике, Сенегале, Никарагуа) или из-за общего ослабления (Филиппины), мы видим, что внешние силы беспрепятственно проводят неолиберальную реструктуризацию. В этих случаях вероятность успеха оказывается невысокой именно из-за того, что неолиберализм не может функционировать без сильного государства, рынка и законодательных институтов.

Несомненно, давление на государства с целью обеспечения «благоприятного делового климата», чтобы привлечь и удержать свободно перемещающийся капитал, сыграло свою роль, особенно в развитых капиталистических странах (Франции). Удивительно, каким образом неолиберализация и благоприятный деловой климат часто признаются эквивалентными друг другу, как это случилось в *Development Report* Всемирного банка за 2004 год⁴¹. Если

неолиберализация вызывает социальное беспокойство и политическую нестабильность в таких масштабах, как это случалось в Индонезии или Аргентине, или если она приводит к депрессии и накладывает ограничения на рост внутренних рынков, тогда с тем же успехом можно сказать, что неолиберализация препятствует росту инвестиций, а не стимулирует его⁴². Даже если отдельные аспекты неолиберальной политики, относящиеся, например, к гибкости рынка труда или финансовой либерализации, проведены успешно, ничто не указывает на то, что этого достаточно для привлечения капитала. Кроме того, существует еще более серьезная проблема — а какого рода капитал придет в страну? Портфельных капиталистов так же просто привлечь спекулятивным бумом, как и созданием устойчивых институтов и организацией инфраструктуры, что может стать привлекательным и для отраслей с высоким уровнем добавленной стоимости. Вряд ли стоит тратить усилия на привлечение «хищнического капитала», но на деле именно это чаще всего и происходит в процессе неолиберализации (с этим соглашаются и критики вроде Стиглица).

Зависимость от геополитических факторов тоже играет важную роль. Позиция Южной Кореи на переднем рубеже «холодной войны» обеспечила ей на некоторое время поддержку США в процессе развития. Положение Мозамбика привело к гражданской войне, разжигаемой Южной Африкой с целью не допустить успешной реализации попыток Фрелимо построить в стране социализм. Попав в результате войны в долги, Мозамбик стал легкой добычей МВФ в процессе проведения неолиберальной реструктуризации⁴³. Поддержка США контрреволюционных правительств в Центральной Америке, Чили и других регионах часто приводила к аналогичным результатам. Даже определенная географическая позиция, например близость Мексики к США и ее зависимость от давления со стороны США, играла важную роль. Тот факт, что США больше не нуждается в защите от коммунистической угрозы, означает, что больше не нужно беспокоиться о том, что неолиберальные реформы могут вызвать взрыв безработицы или социальных беспокойств в той или иной стране. США

не удалось, к огромному недовольству лояльных тайцев, поддерживавших США во Вьетнамской войне, вывести Таиланд из кризиса. Действительно, США и финансовые организации действовали как хищные капиталисты.

Во всей этой непростой истории неравномерной неолиберализации остается одна общая тенденция – рост социального неравенства и незащищенности наиболее уязвимых слоев населения – будь то Индонезия, Мексика или Британия – перед политикой бюджетной экономии, что приводит к росту маргинальной части населения. Эта тенденция кое-где смягчалась проводимой социальной политикой, но влияние неолиберализации на противоположную часть социального спектра было довольно значительным. Такой невероятной концентрации богатства и власти в верхних эшелонах капиталистического общества не происходило с 1920-х годов. Поражает приток благосостояния в основные мировые финансовые центры. Еще поразительнее то, что к этому всему относятся как к незначительному и даже негативному побочному продукту процесса неолиберализации. Сама идея о том, что это может быть основной целью неолиберализации, даже не рассматривается. Гениальность неолиберальной теории заключается в том, что под прикрытием таких прекрасных слов, как «свобода», «выбор», «права», удается скрыть печальную реальность восстановления или реконструкции классовой власти в отдельных странах и по всему миру, но прежде всего в основных финансовых центрах глобальной капиталистической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Peck J., "Geography and Public Policy".
2. Всемирный банк, *World Development Report 2005: A Better Investment Climate for Everyone* (New York: Oxford University Press, 2004).
3. Gowan, *The Global Gamble*.
4. Duménil G., D. Lévy, "The Economics of US Imperialism".
5. Stiglitz J., *The Roaring Nineties*.

6. Brenner R., *The Boom and the Bubble: The US in the World Economy* (London: Verso, 2002).
7. Corbridge S., *Debt and Development* (Oxford: Blackwell, 1993).
8. Stiglitz J., *Globalization and its Discontents*, 57.
9. Chua A., *World on Fire*.
10. Henderson J., "Uneven Crises"; Stiglitz J., *Globalization and its Discontent*, 99, соглашается с этой точкой зрения: "Либерализация капитала стала основной причиной кризиса".
11. Stiglitz J., *Globalization and its Discontent*, 129–30.
12. Ibid.
13. Vasquez, "The Brady Plan".
14. MacLeod D., *Downsizing the State: Privatization and the Limits of Neoliberal Reform in Mexico* (University Park: Pennsylvania University Press, 2004).
15. Lomnitz-Adler C., "The Depreciation of Life During Mexico City's Transition into "The Crisis" в работе Schneider J. and I. Susser (eds.), *Wounded Cities* (New York: Berg, 2004), 47–70.
16. Davis D., *Urban Leviathan: Mexico City in the Twentieth Century* (Philadelphia: Temple University Press, 1994).
17. MacLeod D., *Downsizing the State*, 90–94.
18. Ibid., 71.
19. Nash J., *Mayan Visions: The Quest for Autonomy in an Age of Globalization* (New York: Routledge, 2001).
20. Forero J., "As China Gallops, Mexico Sees Factory Jobs Slip Away", *New York Times*, 3 sept. 2003, A2. "Мексика, долгое время оставшаяся лидером в области низкобюджетного производства и дешевого экспорта в США... стремительно уступает позиции Китаю с его сотнями миллионов дешевых рабочих... По данным мексиканского правительства, с 2001 года было закрыто 3700 мексиканских предприятий-*maquila*, что привело к потере 218 000 рабочих мест". Последние данные показывают, что с ростом эффективности и гибкости производства на предприятиях *maquila* постепенно растет и количество рабочих мест; близость к США позволяет гарантировать стабильный поток мексиканских товаров, благодаря чему американские розничные торговцы могут минимизировать размер запасов». См. E. Malkin, "A Boom Along the Border", *New York Times*, 26 August 2004, W1 and W7.
21. MacLeod D., *Downsizing the State*, 99–100; Chua, *World on Fire*, 61–63 кратко описывает деятельность Карлоса Слима.
22. Sharapura S., "What Happened in Argentina?", *Chicago Business Online*, 28 May 2002, <http://www.chibus.com/news/2002/05/28/Worldview>.

23. Petras J. and H. Veltmeyer, *System in Crisis: The Dynamics of Free Market Capitalism* (London: Zed Books, 2003), 87–10.
24. Soederberg S., *Contesting Global Governance in the South: Debt, Class, and the New Common Sense in Managing Globalisation* (London: Pluto Press, 2005).
25. J. Salerno, “Confiscatory Deflation: The Case of Argentina”, Ludwig von Mises Institute, <http://www.mises.org?fullstory.aspx?control/890>.
26. Petras J. and H. Veltmeyer, *System in Crisis*, 86.
27. Chibber V., *Locked in Place: State-Building and Late Industrialization in India* (Princeton: Princeton University Press, 2003).
28. Ibid., 245.
29. Wade R. and F. Veneroso, “The Asian Crisis: The High Debt Model versus the Wall Street – Treasury – IMF Complex”, *New Left Review*, 228 (1998), 3–23.
30. Woo-Cummings M., *South Korean Anti-Americanism*, Japan Policy Research Institute Working Paper 93 (July 2003).
31. Ibid., 5.
32. Stiglitz J., *Globalization and its Discontents*.
33. Ibid., 130.
34. Woo-Cummings M., *South Korean Anti-Americanism*, 4.
35. Stiglitz J., *Globalization and its Discontents*, 130, 206–7.
36. Blyth, *Great Transformations*, 205.
37. Ibid., 238–42.
38. Ibid., 229–30.
39. Ibid., 231–3.
40. Bond P., *Elite Transition: From Apartheid to Neoliberalism in South Africa* (London: Pluto Press, 2000). Тот же автор, *Against Global Apartheid: South Africa Meets the World Bank, the IMF and International Finance* (London: Zed Books, 2003).
41. Всемирный банк, *World Development Report 2005*.
42. Stiglitz J., *Globalization and its Discontents* часто возвращается к этому вопросу.
43. Mittelman J., *The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance* (Princeton: Princeton University Press, 2000), 90–106.

ГЛАВА 5

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ «С КИТАЙСКИМ ЛИЦОМ»

В декабре 1978 года в условиях политической нестабильности, вызванной, во-первых, смертью Мао Цзэдуна в 1976 году, а во-вторых, продолжающейся несколько лет стагнацией в экономике, китайское руководство во главе с Дэн Сяопином объявило о начале реализации программы экономических реформ. Вероятно, мы никогда не узнаем наверняка, был ли Дэн с самого начала секретным «проводником капитализма» (как утверждал Мао Цзэдун в годы культурной революции), или реформы просто стали шагом, необходимым для обеспечения экономической безопасности Китая и повышения его престижа в условиях стремительного развития капитализма в остальных странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Реформы совпали — и очень сложно тут увидеть нечто иное кроме как случайность всемирно-исторического масштаба — с поворотом к неолиберализму в Соединенных Штатах и Великобритании. В результате в Китае сложилась особая разновидность рыночной экономики, которая объединяет в себе неолиберальные элементы и авторитарный централизованный контроль. В других странах, например в Чили, Южной Корее, Тайване, Сингапуре, к этому времени уже установилась некая комбинация авторитаризма и капиталистического рынка.

Не отказавшись от эгалитаризма как долгосрочной цели развития Китая, Дэн Сяопин утверждал, что частная и местная инициатива должна получить свободу выражения, чтобы повысить общую эффективность и стимулировать экономический рост. Возникновение определенного неравенства признавалось логичным и вполне приемлемым результатом. Под лозунгом *xiaokang* — концепция

идеального общества, гарантирующего благополучие всех его граждан – Дэн Сяопин сконцентрировал усилия на «четырёх направлениях модернизации»: в сельском хозяйстве, промышленности, образовании и науке, обороне. Реформы должны были обеспечить возникновение рыночных сил внутри китайской экономики. Нужно было стимулировать конкуренцию между государственными предприятиями, чтобы добиться инноваций и роста. Начали использоваться принципы рыночного ценообразования, но это, вероятно, было гораздо менее важным, чем быстрая передача политической и экономической власти регионам. Этот последний ход оказался особенно дальновидным. Пекину удалось избежать конфронтации с традиционными региональными центрами влияния, и теперь инициатива на местах могла способствовать установлению нового социального порядка. Неудачи в ходе инноваций можно было просто не брать в расчет. Для поддержания этого процесса Китай открыл доступ на внутренние рынки для иностранных инвестиций и торговли, хотя и под строгим контролем государства, прекратив, таким образом, изоляцию Китая от внешнего мира. Вначале эксперименты ограничивались провинцией Гуандунг, которая находится недалеко от Гонконга и достаточно удалена от Пекина. Одной из целей открытия рынков для иностранного капитала было обеспечение притока технологий (отсюда и особое внимание созданию совместных предприятий между китайскими и иностранными предприятиями). Другой целью было накопление достаточного количества валютных резервов для поддержания внутреннего экономического роста¹.

Эти реформы не имели бы того значения, которое мы теперь им приписываем, и последовавшая неожиданная эволюция китайской экономики не развивалась бы так удачно и не достигла бы таких результатов, если бы параллельно не происходили значительные и, казалось бы, не имеющие отношения к Китаю процессы в развитом капиталистическом мире, связанные с механизмом функционирования мирового рынка. Начиная с 1980-х нелиберальная политика набирала силу в международной торговле, и в результате весь мир оказался открытым трансформирующему влиянию рыночных и финансовых процессов.

В результате этого процесса появилась возможность вхождения Китая в мировой рынок, что невозможно было бы в рамках Бреттон-Вудской системы. Победоносное появление Китая в качестве глобальной экономической силы после 1980-го было отчасти непредвиденным последствием поворота к неолиберализму в развитых капиталистических странах.

ВНУТРЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Все это несколько не уменьшает важности того пути внутренних реформ, по которому двигался Китай. Китайцам предстояло осознать (и в некоторой степени это все еще происходит), помимо прочего, что рынок мало что может сделать для трансформации экономики без одновременного сдвига в классовых отношениях, частной собственности и всех прочих институциональных системах, которые обычно являются основой для процветания капиталистической экономики. Эволюционное движение по этому пути было импульсивным и нередко сопровождалось трениями и кризисами, в которых важную роль играло влияние и даже угрозы извне. Еще долго не прекратятся дебаты о том, связано ли это с осознанным, хотя и адаптивным планированием («нащупывать камни, переходя реку», как говорил Дэн) или основывалось на выработанной за спиной политиков жесткой логике, лежащей в основе рыночных реформ Дэн Сяопина².

Можно с большой точностью утверждать, что Китай, отказавшись от «шоковой терапии» немедленной приватизации, которую навязали России и Центральной Европе МВФ, Всемирный банк и «Вашингтонский консенсус» в 1990-е годы, смог избежать экономической катастрофы. Двигаясь собственным особым путем к «социализму с китайским лицом», или, как считают некоторые, «приватизации с китайским лицом», Китаю удалось создать управляемую государством рыночную экономику, которая обеспечивала невероятный рост (в среднем на 10% в год) и повышение уровня жизни значительной части населения на протяжении более 20 лет³. Реформы также привели

к ухудшению окружающей среды, социальному неравенству и к чему-то напоминающему восстановление власти капиталистического класса.

Непросто разобраться в деталях этой трансформации, не имея хотя бы приблизительного описания событий. Политические соображения оценить сложно, так как они скрыты за борьбой внутри Коммунистической партии, стремящейся сохранить единоличную власть. Основные решения, ратифицированные на партийных съездах, обеспечивали условия для реализации реформ. Маловероятно, чтобы партия так легко поддержала активное восстановление влияния в своей среде капиталистического класса. Практически наверняка экономические реформы были поддержаны, чтобы обеспечить возможность накопления богатства и технологического развития, чтобы лучше управлять внутренним расколом, лучше защищаться от внешней агрессии, распространять собственное влияние за пределы страны, в область непосредственных геополитических интересов в быстро развивающейся Восточной и Юго-Восточной Азии. Экономическое развитие воспринималось как средство для достижения этих целей, а не самостоятельная цель. Более того, реальный путь развития кажется вполне соответствующим задаче предотвращения образования какого бы то ни было значительного капиталистического класса внутри Китая. Опора на прямые зарубежные инвестиции (стратегия экономического развития, принципиально отличающаяся от стратегии Японии или Южной Кореи) позволяла сохранять ситуацию, когда власть капиталистического класса, владеющего частью экономики, оставалась за границей (табл. 5.1), что несколько облегчало, во всяком случае для Китая, возможность государственного контроля⁴. Барьеры для иностранных портфельных инвестиций эффективно ограничивали влияние международного финансового капитала на Китай. Нежелание допустить существование любых форм финансового посредничества кроме государственных банков — например, фондовый рынок, рынок капитала — лишает капитал его основного оружия борьбы против государственной власти. Давно предпринимаемые попытки оставить структуры государственной собственности без

Таблица 5.1. Показатели притока капитала: внешние займы, внешние прямые инвестиции, договорные отношения, 1979–2002 годы

Годы	Сумма (100 млн долл.)				Доля от общего притока капитала (в процентах)		
	Всего	Внешние займы	Реальный приток прямых иностранных инвестиций	Альянсы на основе договорных отношений	Внешние займы	Реальный приток прямых иностранных инвестиций	Альянсы на основе договорных отношений
1979–							
1982	124,57	106,90	11,66	6,01	85,82	9,36	4,82
1983	19,81	10,65	6,36	2,80	53,76	32,10	14,13
1984	27,05	12,86	12,58	1,61	47,54	46,51	5,95
1985	46,45	26,88	16,61	2,96	57,87	35,76	6,37
1986	72,57	50,14	18,74	3,69	69,09	25,82	5,08
1987	84,52	58,05	23,14	3,33	68,68	27,38	3,94
1988	102,27	64,87	31,94	5,46	63,43	31,23	5,34
1989	100,59	62,86	33,92	3,81	62,49	33,72	3,79
1990	102,89	65,34	34,87	2,68	63,50	33,89	2,60
1991	115,55	68,88	43,66	3,01	59,61	37,78	2,60
1992	192,03	79,11	110,07	2,85	41,20	57,32	1,48
1993	389,60	111,89	275,15	2,56	28,72	70,62	0,66
1994	432,13	92,67	337,67	1,79	21,44	78,14	0,41
1995	481,33	103,27	375,21	2,85	21,46	77,95	0,59
1996	548,04	126,69	417,26	4,09	23,12	76,14	0,75
1997	587,51	120,21	452,57	14,73	20,46	77,03	2,51
1998	579,36	110,00	454,63	14,72	18,99	78,47	2,54
1999	526,6	102,12	403,19	15,18	19,4	76,6	2,88
2000	594,5	100	407,1	17,71	16,8	68,5	2,98
2001	496,8	–	468,8	18,4	–	94,4	3,7
2002	550,1	–	527,4	21,3	–	95,9	3,87

Источник: Huang. «Is China Playing by the Rules?»

изменений, предоставив при этом менеджерам некоторую свободу действий, тоже являются преградой на пути формирования капиталистического класса.

Но партии пришлось столкнуться и с некоторыми противоречиями. Китайская бизнес-диаспора являлась носителем внешних связей, и Гонконг, вновь вошедший в состав Китая в 1997 году, уже был организован в соответствии с принципами капитализма. Китай должен был найти компромисс между плановыми и рыночными устоями, а также неолиберальными правилами международной торговли ВТО, в которую Китай вступил в 2001 году. Политические требования либерализации начали проявляться. В 1986 году начались протесты рабочих. Студенческое движение, симпатизирующее рабочим и выражающее собственные требования большей свободы, достигло апогея в 1989 году. Невероятный политический накал, возникший параллельно с экономической неолиберализацией, вылился в убийство студентов на площади Тяньаньмэнь. Жесткие действия Дэн Сяопина, проводимые вопреки мнению сторонников партийной реформы, явно демонстрировали, что неолиберализация экономики не будет сопровождаться изменениями в области прав человека, гражданских или демократических свобод. Сторонники Дэн Сяопина хотя и одержали верх, но вынуждены были инициировать новую волну неолиберальных реформ, чтобы выжить. Ванг пишет:

«Денежная политика стала основным инструментом контроля. Были проведены серьезные изменения в области валютных операций в сторону унифицированного обменного курса. Экспорт и внешняя торговля стали управляться с помощью механизма конкуренции, так, чтобы сами предприятия несли ответственность за прибыли или убытки. Использование двойной системы ценообразования было серьезно сокращено. Зона развития Шанхай – Пудунг стала абсолютно открытой, началось формирование зон развития в других регионах»⁵.

После поездки стареющего Дэн Сяопина по южным регионам в 1992 году, чтобы увидеть, какой эффект оказало открытие внутренних рынков на экономическое развитие, он сказал, удовлетворенный увиденным: «Разбогатеть — это

великолепно. Какая разница, рыжий кот или черный кот, если он хорошо ловит мышей». Китай становился все более открытым для рыночных процессов и иностранного капитала, хотя и под всевидящим оком партии. Демократия потребления поощрялась в городских районах, чтобы предотвратить социальные волнения. Основанный на рыночных принципах экономический рост ускорился так, что иногда уже казался вышедшим из-под контроля партии.

Когда Дэн в 1978 году начал реформы, почти все самое важное находилось в государственном секторе. Государственные предприятия (ГП) доминировали в основных отраслях экономики. В большинстве случаев они были довольно прибыльными. Государственные предприятия обеспечивали не только стабильную занятость рабочим, но и широкий спектр социальных и пенсионных выплат (известных как «железная миска риса» или гарантированный государством уровень жизни). Кроме того, существовали и местные ГП, которые контролировали правительства провинции, города или региона. Аграрный сектор был организован на основе системы коммун, и большая часть исследователей соглашается, что сельское хозяйство было недостаточно производительным и остро нуждалось в реформировании. Пособия и социальные выплаты осуществлялись в рамках каждого из секторов экономики и были неодинаковыми. Сельские жители были наименее привилегированными и не могли переехать в город из-за разрешительной системы выбора места жительства, которая предоставляла городским жителям многое из того, чего были лишены крестьяне. Эта система позволяла сдерживать массовую миграцию сельского населения в города. Каждый сектор экономики был интегрирован в региональную систему государственного планирования, на основе которой устанавливались конечные цели работы и распределялись необходимые ресурсы. Принадлежащие государству банки существовали в основном как хранилища сбережений и предоставляли инвестиционные средства в дополнение к государственному бюджету.

Государственные предприятия долгое время существовали как устойчивые оплоты государственного контроля над экономикой. Стабильность и льготы, предоставляе-

мые работникам, хотя и сокращаемые периодически, обеспечивали определенное социальное страхование для значительной части населения на протяжении многих лет. Более открытая рыночная экономика создавалась рядом с государственными предприятиями, и сельскохозяйственные коммунны исчезали, чтобы уступить место индивидуализированной «системе личной ответственности». Городские и сельские объединенные хозяйственные предприятия (ГСП) создавались на основе активов, принадлежавших коммунам, и становились центрами предпринимательства, гибких трудовых практик, открытой рыночной конкуренции. Вначале было разрешено существование маленьких частных предприятий только в производстве, торговле и в области услуг, с ограничениями в отношении количества занятых (которые постепенно смягчались). Начавшийся приток иностранного капитала набрал полную силу в 1990-х годах. Вначале иностранные предприниматели вынуждены были ограничиваться участием в совместных предприятиях и лишь в определенных регионах, но со временем иностранный капитал распространился повсеместно, хотя и неравномерно. В 1980-е годы продолжала развиваться государственная банковская система, и постепенно она взяла на себя функции централизованного государства в области предоставления кредитов государственным предприятиям, городским и сельским предприятиям и частному сектору. Развитие этих секторов экономики не проходило совершенно автономно друг от друга. Городские и сельские предприятия привлекали начальный капитал из аграрного сектора и одновременно формировали рынки сбыта для государственных предприятий и поставляли необходимую продукцию для работы государственных предприятий. Со временем иностранный капитал получил доступ и к городским и сельским и к государственным предприятиям, и частный сектор начал играть все более существенную роль как напрямую (в форме владения), так и опосредованно (в форме акционерного участия). Когда ГП становились менее прибыльными, они получали дешевые кредиты от банков. По мере того как рынок приобретал силу и значимость, вся экономика двигалась в сторону нелиберальной структуры⁶.

Рассмотрим теперь, как развивался каждый сектор экономики. В сельском хозяйстве крестьяне с начала 1980-х годов получили право использовать землю коммуны в рамках системы «личной ответственности». Вначале они могли продавать излишки продукции (объем, произведенный выше установленных для коммуны объемов) на открытом рынке и не обязательно по ценам, контролируемым государством. К концу 1980-х коммуны практически полностью исчезли. Хотя крестьяне не имели формального права продавать свою землю, они могли сдавать или брать в аренду новые участки, нанимать работников, продавать продукцию по рыночным ценам (система двойных цен, по сути, прекратила существование). В результате между 1978 и 1984 годами доходы сельских жителей, как и производительность, росли в среднем на 14% в год. Но позже, особенно после 1995 года, рост доходов остановился и даже начал падать в реальном выражении почти во всех регионах и во всех сферах деятельности. Разрыв между доходами городского и сельского населения значительно увеличился. Доходы городских жителей, составлявшие в 1985 году в среднем 80 долларов, взлетели к 2004 году почти до 1000. В то же время средний доход сельского жителя вырос с 50 лишь до 300 долларов. Более того, утрата коллективных социальных прав, существовавших ранее в коммунах — какими бы незначительными они ни были, — означала, что крестьянам пришлось теперь самостоятельно оплачивать образование, лечение и тому подобные вещи. Большинства городских жителей это не коснулось — они остались в лучшем положении и после 1995 года, когда закон в отношении городской недвижимости дал горожанам право владеть недвижимостью и в сельских районах и таким образом спекулировать на дисбалансе цен. Сейчас разница между реальными доходами городского и сельского населения Китая, по некоторым оценкам, больше, чем в любой другой стране мира⁷.

Вынужденные искать работу, сельские мигранты — и среди них много молодых женщин — наводнили города, не имея на это права, образовав дополнительный трудовой резерв («мигрирующая» часть населения без определенного легального статуса). Сейчас Китай проходит «период крупнейшей миграции в истории», по сравнению с кото-

рым «уже кажутся смехотворными массовые переселения, изменившие облик Америки и современного Западного мира». По официальным оценкам, «114 миллионов рабочих-мигрантов, покинувших сельские районы на время или навсегда, работают сейчас в городах», и государственные эксперты «ожидают, что это число вырастет до 300 миллионов к 2020 году, а позже до 500 миллионов». Только в Шанхае «работает 3 миллиона рабочих-мигрантов. Для сравнения в 1820—1930 годы в Америку эмигрировало всего 4,5 миллиона человек»⁸. Эти рабочие часто подвергались жесткой эксплуатации. Их присутствие приводило к снижению уровня зарплат в городах. Но урбанизацию, темпы которой составляют около 15% в год, сложно остановить. С учетом недостатка динамики в сельскохозяйственном секторе приходится соглашаться, что существующие проблемы либо будут решены в городах, либо не будут решены вовсе. Сельское население живет в значительной степени за счет денег, присылаемых из городов. Состояние сельскохозяйственного сектора и создаваемая им нестабильность является одной из самых сложных проблем, стоящих перед китайским правительством⁹.

Когда исчезли коммуны, их политическое и административное влияние перешло к новым, недавно созданным, в соответствии с декабрьской Конституцией 1982 года, городским и сельским правительствам. Позже законодательство разрешило местным органам власти принимать в собственность производственные активы коммун и реструктурировать их в городские и сельские объединенные хозяйственные предприятия (ГСП). Освободившись от государственного контроля, местные администрации, как правило, вступали на путь предпринимательства. Временный взлет доходов сельской части населения обеспечил рост накоплений, которые можно было инвестировать в городские и сельские предприятия. В зависимости от расположения начали развиваться совместные предприятия с участием иностранного капитала (особенно из Гонконга или от китайской бизнес-диаспоры). ГСП были особенно активны на сельских окраинах крупных городов, например Шанхая и его пригородов и Гуандонга, который был открыт для притока иностранных инвестиций. Городские и сельские пред-

приятия стали источником невероятного экономического развития в первое десятилетие периода реформ. В 1995 году в них уже было занято 128 миллионов человек (табл. 5.2). Эти предприятия стали базой для новых экспериментов и реформ¹⁰. Все, что оправдывало себя в ГСП, могло позднее оправдать себя и в масштабах государственной политики. А на большом масштабе обычно работало все, что касалось развития легкой промышленности, производящей потребительские товары на экспорт. Так Китай встал на путь экспорто ориентированной индустриализации. Однако лишь в

Таблица 5.2. Изменения структуры занятости в Китае, 1980–2002 годы, млн чел.

	1980	1990	1995	2000	2002
Всего	423,6	647,5	680,5	720,9	737,4
<i>Городское население</i>	105,3	170,4	190,4	231,5	247,8
Занятые					
на государственных					
предприятиях	80,2	103,5	112,6	81,0	71,6
Государственные					
предприятия	67,0	73,0	76,4	43,9	35,3
Коллективные					
предприятия	24,3	35,5	31,5	15,0	11,2
Совместные предприятия	0	1,0	3,7	13,4	18,3
Иностранные					
предприятия	0	0,7	5,1	6,4	7,6
Частные предприятия	0,8	6,7	20,6	34	42,7
Прочие	0	23,1	16,9	81,6	96,4
<i>Сельское население</i>	318,4	477,1	490,3	489,3	489,6
ГСП	30,0	92,7	128,6	128,2	132,9
Частные предприятия		1,1	4,7	11,4	14,1
Индивидуальная					
занятость (самозанятость)		14,9	30,5	29,3	24,7
Фермеры	288,4	368,4	326,4	320,4	317,9

Источник: Prasad. China's Growth and Integration into the World Economy. Table 8.1

1987 году государство окончательно поддержало идею развития, ориентированного на экспорт.

Не совсем ясно, что собой представляют эти городские и сельские предприятия. Некоторые утверждают, что они были, по сути, частными предприятиями, использующими дешевейший труд сельских жителей или мигрантов, в особенности молодых женщин, и нарушающими все возможные законы. ГСП часто платили своим работникам ужасающе низкую зарплату, без социальных выплат или юридических гарантий. Некоторые ГСП предлагали, однако, и минимальные социальные выплаты, и легальный статус. В хаосе переходного периода возникали разного рода отклонения и исключения, которые по-разному проявлялись в разных регионах¹¹.

В 1980-х стало ясно, что невероятный рост китайской экономики происходил в значительной степени за пределами государственного сектора. В период революции ГП предоставляли гарантии занятости и социальную защиту для своих работников. Но в 1983 году государственным предприятиям было разрешено нанимать «рабочих по контракту», на ограниченный срок и без социальных гарантий¹². Эти предприятия получили также большую независимость от государства. Менеджеры могли теперь распоряжаться определенной долей прибыли предприятия и продавать излишки произведенной продукции по свободным рыночным ценам. Рыночные цены были гораздо выше официальных, что породило запутанную и, как оказалось, недолговечную систему двойных цен. Несмотря на эти стимулы, положение государственных предприятий не улучшилось значительно. Многие погрязли в долгах и нуждались в поддержке центрального правительства или государственных банков, которые были вынуждены предоставлять новые займы на выгодных для ГП условиях. Позже это привело к серьезным проблемам для самих банков, так как объем ненадежных долгов государственных предприятий рос в геометрической прогрессии. Назревала необходимость новой реформы государственных предприятий. В 1993 году на государственном уровне было принято решение «превратить определенные крупные и средние предприятия в общества с ограниченной ответствен-

ностью или акционерные общества». В обществах с ограниченной ответственностью допускалось «от двух до пятидесяти акционеров»; последние должны были иметь «свыше пятидесяти акционеров и могли размещать акции на публичных торгах». Год спустя было объявлено о начале гораздо более дорогостоящей программы: все, кроме наиболее важных государственных предприятий, должны были быть превращены в «кооперативы на основе долевой собственности», работники которых получали номинальное право приобрести акции. Дальнейшие волны приватизации и подобных изменений организационного устройства ГП происходили в конце 1990-х, и к 2002 году на государственных предприятиях было занято только 14% всех производственных рабочих (в 1990-м эта цифра составляла 40%). Недавно и ГСП и ГП были полностью открыты для иностранного капитала¹³.

Результаты прямых иностранных инвестиций в 1980-е годы были неоднозначны. Первоначально они были сконцентрированы в четырех специальных экономических зонах в южных прибрежных районах. «Первоначальной задачей этих зон было производство товаров на экспорт, чтобы заработать валюту. Они также выступали в качестве социальных и экономических лабораторий, где можно было опробовать зарубежные технологии и управленческие навыки. Иностранным инвесторам предлагались различные стимулы, включая налоговые каникулы, возможность раннего вывода прибылей и лучшую инфраструктуру»¹⁴. Первые попытки иностранных компаний колонизировать внутренний китайский рынок в области автомобилестроения и производства не имели особого успеха. Volkswagen и Ford кое-как выжили, а General Motors потерпела в начале 1990-х годов полное фиаско. Явный успех был достигнут на начальном этапе в секторах, связанных с экспортом товаров, производство которых требовало больших затрат труда. Больше двух третей прямых иностранных инвестиций, пришедших в Китай в начале 1990-х (и еще большая доля предприятий, оказавшихся успешными) были организованы китайцами, живущими за рубежом (в Гонконге и на Тайване). Слабая правовая защита капиталистических предприятий делала особенно ценными неформальные отношения и надежные

знакомства на местах, поэтому китайцы, живущие за рубежом, были в привилегированном положении¹⁵.

Впоследствии правительство Китая назначило несколько «открытых городов на побережье» в качестве «открытых экономических регионов» для иностранных инвестиций (рис. 5.1). После 1995 года практически вся страна была открыта для любых иностранных инвестиций. Волна банкротств, задевшая в 1997–1998 годы некоторые производственные ГСП, а затем и многие ГП в крупнейших городах, оказалась поворотным моментом. По мере того как власть переходила от централизованных государственных органов к регионам, конкурентный механизм ценообразования становился основой реструктурирования экономики. В результате серьезно пострадали

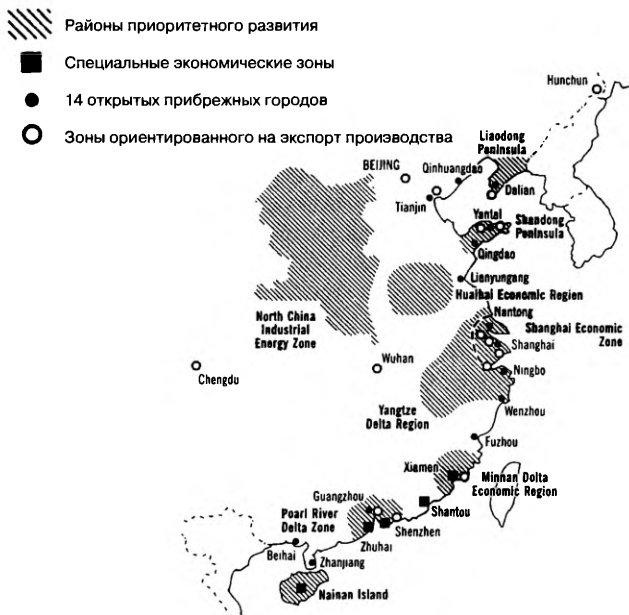

Рис. 5.1. Процесс открытия китайской экономики для прямых иностранных инвестиций в 1980-е годы

Источник: Dicken. *Global Shift*

или и полностью были разрушены многие государственные предприятия; многие китайцы оказались без работы. Все чаще появлялись известия о выступлениях трудящихся (см. ниже), и китайскому правительству пришлось искать способы обеспечения занятости для высвобождающихся трудовых ресурсов, если оно хотело удержаться у власти¹⁶. Для решения проблемы нельзя было всецело полагаться на продолжение роста иностранных инвестиций.

С 1998 года Китай искал способы решения этой проблемы путем привлечения инвестиционных займов в мегапроекты с целью трансформации физической инфраструктуры. Сейчас планируется гораздо более амбициозный проект (который может обойтись, как минимум, в 60 млрд долл.), чем уже существующая дамба Трех Порогов, отвода воды Янцзы в Желтую реку. Разворачивающаяся невероятными темпами урбанизация (с 1992 года, как минимум, в 42 городах население превысило отметку в 1 миллион) требовала громадных капитальных вложений. В крупных городах создавались новые системы метро и скоростных дорог. Предполагалось, что 8500 миль железных дорог должны связать динамично развивающиеся прибрежные зоны с материковой частью Китая, включая сообщение между Шанхаем и Пекином и железнодорожную ветку в Тибет. Олимпийские игры стимулируют серьезные инвестиции в развитие Пекина. «Китай стремится за каких-то 15 лет построить более разветвленную систему скоростных дорог, чем в Америке; практически в каждом крупном городе либо только что открыт, либо строится новый большой аэропорт». По последним оценкам, в Китае «более 15 000 проектов создания скоростных дорог находятся в работе; после их реализации страна должна получить 162 000 километров дорог — этого достаточно, чтобы обогнуть планету по экватору 4 раза»¹⁷. Эти усилия *в совокупности* оказываются гораздо более серьезными, чем те, что предприняли в 1950-х и 1960-х годах Соединенные Штаты, создавая систему скоростных дорог внутри страны. На несколько ближайших лет эти проекты могут задействовать весь избыток капитала и трудовых ресурсов. Однако финансируются эти проекты на основе долговых займов (в классическом кейнсианском стиле). Такой подход пред-

полагает высокие риски, так как если инвестиции не возвращаются в срок, страна может оказаться на грани фискального кризиса.

Стремительная урбанизация является одним из способов использования значительных трудовых резервов, которые возникли, когда сельское население хлынуло в города. Донгтуан, расположенный к северу от Гонконга, превратился всего за 20 лет из небольшого городка в крупный город с 7 миллионами жителей. Но «городские власти недовольны 23% ежегодного экономического роста. Заканчивается строительство нового города-спутника, который, по планам городских властей, должен привлечь еще 300 000 инженеров и специалистов — авангард нового Китая»¹⁸. Здесь же строится новый торговый центр, который должен стать крупнейшим в мире (созданный на средства китайского миллиардера новый торговый центр будет иметь несколько отдельных зон, спроектированных по образу Амстердама, Парижа, Рима, Венеции, Египта, Карибских стран, Калифорнии, причем проект должен быть реализован настолько качественно, что посетители не смогут отличить конкретное место от прототипа).

Новые конгломераты городов участвуют в жестокой конкуренции. В дельте Чжуцзян, например, каждый город стремится захватить как можно большую долю бизнеса, нередко путем «строительства более значительных объектов, чем у соседей. В конце 1990-х тут было построено пять международных аэропортов в радиусе 100 километров. такой же бум начинается в строительстве портов и мостов»¹⁹. Провинции и города сопротивляются попыткам Пекина задавать тон в инвестиционной политике, частично потому, что они располагают достаточными ресурсами для финансирования собственных проектов, продавая права на строительство.

Города становятся площадкой для безудержного развития недвижимости и спекуляций с объектами недвижимости:

«В начале и середине 1990-х, когда в стране царил «мышление казино», банки и прочие финансовые институты беспорядочно финансировали проекты по развитию недвижимости во всех районах Китая. Первокласные офисы, роскошные вил-

лы, нарочито дорогие городские дома и квартиры появлялись с невероятной скоростью, и не только в крупнейших городах — Пекине, Шанхае, Шенжене, но и во многих небольших провинциальных и прибрежных городках... Так называемый «шанхайский пузырь» превратил этот некогда захолустный город в один из самых роскошных городов мира. К началу 1995 года в Шанхае было свыше тысячи небоскребов, около сотни пятизвездочных гостиниц, около 13,5 млн кв. м офисных площадей — в пять раз больше, чем в 1994 году (2,7 млн кв. м). Крайне активный рынок недвижимости тут рос быстрее, чем в Нью-Йорке... К концу 1996 года пузырь лопнул, прежде всего, из-за неэффективного распределения ресурсов и избыточного предложения»²⁰.

В конце 1990-х начался еще более энергичный рост — и в 2004 году поползли слухи об избыточном предложении на рынке недвижимости в основных городах страны²¹.

Во многом такое развитие связано с финансовой ролью китайской банковской системы, в значительной степени принадлежащей государству. Банковский сектор быстро рос после 1985 года. К примеру, к 1993 году количество отделений государственных банков возросло «с 60 785 до 143 796, а количество занятых в государственных банках сотрудников выросло с 973 355 до 1 893 957. В тот же период общая сумма депозитов выросла с 427,3 млрд юаней (51,6 млрд долл.) до 2,3 трлн юаней; объем выданных кредитов увеличился с 590,5 млрд юаней до 2,6 трлн юаней»²². К тому времени банковские кредиты и прочие выплаты превышали расходы государственного бюджета в пять раз. Значительная часть средств направлялась в убыточные государственные предприятия, а банки «играли ведущую роль в создании «пузыря активов», особенно на нестабильном рынке недвижимости и в области строительства». Невозвратные кредиты становились серьезной проблемой, и в конце концов правительству пришлось потратить «почти столько же на погашение безнадежных долгов», сколько истратили США, спасая всю отрасль сберегательных коммерческих банков в 1987 году (общая сумма составила 123,8 млрд долл. на возврат вкладов и еще 29,1 млрд долл. на погашение долгов по страхованию депозитов финансовыми институтами)».

В 2003 году Китай объявил о переводе 45 млрд долл., составлявших валютный резерв, в два крупных государственных банка, и это было «третьей по величине операцией по спасению банковской системы за менее чем шесть последних лет»²³. Хотя портфель невозвратных кредитов составлял, вероятно, 35% всего ВВП Китая, это совершенно не идет в сравнение с величиной долгов федерального правительства США и потребительских кредитов, составляющих вместе свыше 300% ВВП страны²⁴.

Китай получил от Японии, как минимум, один важный урок. Модернизация образования и науки должна была происходить в соответствии со стратегией в области исследований и разработок как для военных, так и для гражданских нужд. Китай делал серьезные инвестиции в эти области. Сейчас Китай даже предлагает в аренду коммерческие спутники (к большому неудовольствию США). С конца 1990-х иностранные компании начали переводить все большую часть своих исследовательских работ в Китай. Microsoft, Oracle, Motorola, Siemens, IBM и Intel открыли исследовательские лаборатории в Китае благодаря «повышению роли этой страны и растущей зрелости технологического рынка», а также «огромным резервам опытных, но недорогих ученых и потребителей, пока относительно бедных, но быстро богатееющих и жаждущих новых технологий»²⁵. Более 200 ведущих иностранных компаний, включая таких гигантов, как BP и General Motors, перенесли значительную часть исследовательских операций в Китай. Эти корпорации часто жалуются на то, что они называют нелегальным пиратским копированием своих технологий и разработок китайскими компаниями. Но они мало что могут сделать, чтобы воспрепятствовать подобным явлениям, так как китайское правительство не стремится вмешиваться в подобные конфликты. Кроме того, Китай имеет возможность значительно усложнить работы международных компаний на других рынках, если те будут слишком активно требовать наказания виновных. Не только иностранные компании все активнее ведут себя на китайском рынке. И Япония, и Южная Корея инвестировали в крупные «исследовательские города» на территории Китая, чтобы обеспечить себе возможность использо-

вать опытную, но недорогую рабочую силу. В итоге Китай становится все более привлекательным местом для высокотехнологичных производств²⁶. Даже индийские технологические компании считают, что дешевле перевести некоторые операции в Китай. Местный сектор высоких технологий начал развиваться в некоторых районах. В Шенжене, например, «где появились десятки стильных зданий из стекла и бетона, которые вписались бы даже в пейзаж где-нибудь в Силиконовой долине, живут около 10 000 инженеров, которые работают над тем, чтобы сделать Huawei первым китайским игроком на международном рынке коммуникационного оборудования». Начиная с конца 1990-х «Huawei серьезно инвестировала в создание коммерческой сети в Азии, на Ближнем Востоке и в России. Сейчас компания продает свои товары в 40 странах мира и часто по цене, составляющей около одной трети от цены конкурентов»²⁷. В области производства персональных компьютеров китайские корпорации занимают сейчас заметное место.

ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ

В 1978 году торговые отношения с другими странами составляли только 7% от ВВП Китая, но к началу 1990-х эта цифра достигла уже 40% и до сих пор остается на этом уровне. Доля Китая в мировой торговле увеличилась в четыре раза за тот же период. К 2002 году свыше 40% ВВП Китая приходилось на иностранные прямые инвестиции (производство составляло 50%). К тому времени Китай стал крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций среди развивающихся стран, и международные корпорации использовали китайский рынок с выгодой. General Motors, которая понесла убытки от операций в Китае в начале 1990-х, вновь пришла на китайский рынок в конце десятилетия, и к 2003 году ее китайский филиал оказался гораздо более прибыльным, чем операции в США²⁸.

Казалось, что ориентированная на экспорт стратегия развития привела к великолепным результатам. Но в 1978 году никто не мог предвидеть такого результата. Дэн

Сяопин начал отходить от политики Мао, предполагавшей изоляцию страны от внешнего мира, но первые шаги по открытию китайской экономики были пробными и ограничивались лишь особыми экономическими зонами в Гуандонге. Только 1987 году партия, признав успех эксперимента в Гуандонге, согласилась с тем, что рост должен быть основан на экспорте. Только после поездки Дэн Сяопина по южным провинциям в 1992 году правительство страны полностью поддержало открытие рынков для иностранной торговли и иностранных прямых инвестиций²⁹. В 1994 году двойная система обменных курсов (рыночная и официальная) была отменена путем снижения официального курса на 50%. Девальвация юаня вызвала незначительный инфляционный взрыв на внутреннем рынке, но вместе с тем проложила путь стремительному росту торговли и притоку капитала, что сделало Китай одной из самых динамичных и успешных экономик мира. Пока остается неясным, как это может влиять на развитие неолиберализма, особенно если учесть, что последний имеет тенденцию развиваться на основе конкурентного и неравномерного географического развития.

Изначальный успех стратегии Дэн Сяопина зависел от связей с Гонконгом. Будучи одним из первых «азиатских тигров», Гонконг уже являлся центром капиталистического развития. В отличие от других государств этого региона (Сингапур, Тайвань, Южная Корея), в которых централизованное планирование играло значительную роль, Гонконг развивался в более хаотичном предпринимательском стиле без серьезного вмешательства со стороны государства. Крайне кстати пришлось и то, что Гонконг стал центром китайской бизнес-диаспоры, имеющей серьезные связи с остальными странами. В основном в Гонконге развивалось трудоемкое производство с низкой маржей (прежде всего, текстиль). К концу 1970-х годов страна столкнулась с серьезной международной конкуренцией и острым недостатком рабочей силы. Гуандонг, находящийся совсем недалеко, за китайской границей, располагал неограниченным резервом дешевой рабочей силы. Поэтому решение открыть границы Китая для иностранного капитала было как нельзя кстати. Капиталисты Гонконга вос-

пользовались этой возможностью, стали эксплуатировать имеющиеся тайные связи в Китае и выступили в качестве посредника в экспорте китайских товаров и маркетингового ресурса для связи Китая с мировым рынком.

К середине 1990-х годов около двух третьих прямых иностранных инвестиций направлялись в Китай из Гонконга. Некоторые из них были результатом посредничества гонконгских капиталистов между Китаем и западными рынками. Тем не менее близость Гонконга стала существенным фактором, повлиявшим на ход развития Китая. Зона экономического развития к Шенжене, например, не была особенно успешной в 1980-е годы. Но гонконгских предпринимателей привлекали развивающиеся ГСП в сельских районах. Гонконгский капитал предоставил оборудование, сырье и материалы, маркетинг, а ГСП служили производственной базой. После того как операционная схема была отработана, ее могли копировать и капиталисты из других стран (особенно из Тайваня и, прежде всего, в районе Шанхая после того, как он был открыт для иностранного капитала). Источники прямых иностранных инвестиций стали гораздо более разнообразными в 1990-х, когда японские, южнокорейские и американские корпорации начали использовать Китай в качестве производственной базы.

К середине 1990-х стало ясно, что огромный внутренний китайский рынок становится все более привлекательным для иностранного капитала. Хотя только 10% населения обладало покупательской способностью на уровне среднего класса, но даже 10% от миллиарда человек – это уже огромный рынок. Началась конкуренция между поставщиками автомобилей, мобильных телефонов, DVD, телевизоров и стиральных машин, а также строителями торговых центров, скоростных дорог и роскошных домов. Ежемесячный объем производства автомобилей вырос с примерно 20 000 в 1993 году до более 50 000 в 2001 году, а к середине 2004 года подскочил до 250 000 в месяц. Поток иностранных инвестиций, начиная от Wal-Mart и McDonald's до производителей дешевых компьютерных чипов, ринулся в Китай в ожидании быстрого роста внутреннего рынка, несмотря на институциональную неопре-

деленность, неясность государственной политики и очевидный риск перенасыщения³⁰.

Китай серьезно отличается от Японии или Южной Кореи именно в силу серьезной зависимости от прямых иностранных инвестиций. Китайская капиталистическая система в результате не стала полностью интегрированной. Межрегиональная торговля развита довольно слабо, хотя в новые средства коммуникаций были сделаны серьезные вложения. Провинции типа Гуандонг торгуют с внешним миром гораздо больше, чем с другими районами Китая. Капитал не перемещается беспрепятственно между районами страны, несмотря на недавний всплеск активности в области слияний бизнесов и государственные усилия по созданию региональных альянсов между провинциями³¹. Зависимость от прямых иностранных инвестиций уменьшается пропорционально улучшению механизмов распределения ресурсов и деловых связей внутри Китая³².

Внешнеторговые отношения Китая с течением времени изменялись, но особенно серьезно — в последние 4 года. Это в значительной степени связано с вхождением страны в ВТО. Но и сама по себе динамика развития китайской экономики и изменение структуры иностранной конкуренции неизбежно влияют на торговые отношения. В 1980-х позиция Китая на глобальном рынке была связана в основном с производством дешевых товаров, продажей недорогого текстиля, игрушек и пластика на международных рынках в большом объеме. Политика Мао сделала Китай самодостаточным в отношении энергии и многих видов сырья (Китай является одним из крупнейших производителей хлопка в мире). Китаю необходимо было импортировать лишь оборудование и технологии и получить доступ к новым рынкам — и тут очень кстати пришли контакты с Гонконгом, который мог использовать дешевую рабочую силу Китая. За 1 час работы китайский рабочий, занятый в текстильном производстве, получал в конце 1990-х около 30 центов, в Мексике или Южной Корее такому рабочему платили 2,75 долл., в Гонконге и Тайване — около 5 долл., а в США — более 10 долл.³³. Китайское производство работало на тайваньских и гонконгских закупщиков, которые обеспечивали выход на между-

народные рынки, получали львиную долю прибыли от продаж и постепенно выкупали доли или делали инвестиции в китайские ГП и ГСП. В дельте Чжуцзян расположено немало предприятий, на которых занято около 40 000 рабочих. Низкий уровень оплаты труда позволяет также экономить на капитальных затратах. На высокоэффективных американских предприятиях используются автоматизированные системы, но «китайские предприятия позволяют экономить за счет минимизации капиталовложений и более интенсивного использования дешевой рабочей силы». Как правило, размер необходимого инвестиционного капитала снижался на одну треть. «Сочетание низкого уровня оплаты труда и более низкого уровня инвестиций делает рентабельность производства на территории Китая даже выше, чем на американских предприятиях»³⁴.

Невероятные преимущества, связанные с низким уровнем оплаты труда, означают, что Китай может конкурировать с другими недорогими производителями — Мексикой, Индонезией, Вьетнамом, Таиландом, — в частности в производстве дешевых товаров (например, текстиля). Только за два года Мексика потеряла около 200 000 рабочих мест, так как Китай (несмотря на соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли) стал основным поставщиком потребительских товаров в США. В 1990-е годы Китай начал производить и более дорогие товары, конкурируя уже с Южной Кореей, Японией, Тайванем, Малайзией и Сингапуром в таких областях, как электроника и машиностроение. Это происходит отчасти потому, что корпорации в этих странах решили перенести производства и использовать более дешевую и качественную рабочую силу, которую поставляла китайская система образования. Этот процесс начался с Тайваня. Считается, что около 1 миллиона тайваньских предпринимателей и инженеров живет и работает в Китае, перенеся сюда производства. Значительным был приток трудящихся из Южной Кореи (рис. 4.4). Корейские производители электроники уже имеют серьезные операции в Китае. Например, уже инвестировав 2,5 млрд долл., «создав 10 торговых представительств и 26 производственных компаний, где занято 42 000 человек»³⁵, в сентябре 2003 года Samsung Electronics объявила о

переносе всего производства персональных компьютеров в Китай. Из-за того, что японцы начали переводить некоторые производства в Китай, число занятых в производстве в самой Японии, составлявшее в 1992 году 15,7 миллиона человек, сократилось к 2001-му до 13,1 миллиона. Японские компании начали выводить производства из Малайзии, Таиланда и других стран и переводить их в Китай. В настоящий момент инвестиции японских корпораций в Китай настолько значительны, что «более половины китайско-японской торговли происходит между японскими компаниями»⁸⁶. Как и в случае с США, корпорации могут процветать, в то время как экономика их стран находится в упадке. В Китае размещено еще больше производств из Японии, Южной Кореи, Мексики и других стран, чем из США. Невероятный рост как внутреннего рынка Китая, так и объемов его внешней торговли происходит одновременно с продолжительным спадом экономики Японии и замедлением роста, стагнирующим экспортом и периодическими кризисами в остальных странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Отрицательное влияние конкуренции на многие страны со временем только усилится⁸⁷.

Стремительное развитие Китая сделало его более зависимым от иностранных источников сырья и энергии. В 2003-м Китай использовал 30% мирового производства угля, 26% мирового производства стали и 55% мирового производства цемента⁸⁸. В 1990-м экономика Китая была относительно самодостаточной, но к 2003-му страна превратилась во второго по величине импортера нефти в мире (после США). Китайские энергетические компании пытались приобрести доли в нефтяных разработках Каспия и начали переговоры с Саудовской Аравией, чтобы обеспечить себе доступ к нефтяным резервам Ближнего Востока. Энергетические интересы Китая в Судане и Иране вызвали трения с США. Китай конкурирует с Японией за доступ к российской нефти. Импорт из Австралии вырос в 1990-х вчетверо в связи с ростом потребности в металле. Китай остро нуждается в стратегических металлах — меди, олове, железной руде, платине, алюминии, — потому стремится заключить соглашения с Чили, Бразилией, Индонезией, Малайзией и многими другими странами.

Китай стремится импортировать сельскохозяйственную продукцию и древесину (огромные закупки соевых бобов в Бразилии и Аргентине помогли вдохнуть жизнь в экономику этих стран), китайский спрос на металлолом стал настолько огромным, что привел к росту мировых цен. От роста китайского спроса на землеройное оборудование (Caterpillar) и турбины (GE) выиграли даже американские производители. Азиатский экспорт в Китай также растет с невероятной скоростью. Китай сейчас является основным экспортным партнером для Южной Кореи и соперником США в экспорте Японии. Скорость переориентации торговых отношений лучше всего иллюстрирует пример Тайваня. Китай обогнал США, став основным получателем тайваньского экспорта (в основном компоненты для машиностроения) в 2001 году, а к концу 2004-го Тайвань экспортировал в Китай уже вдвое больше, чем в США⁸⁹.

Китай стал доминировать во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Это напоминает восстановление имперских традиций в регионе и за его пределами. Когда Аргентина начала жаловаться на то, что дешевый китайский импорт разрушает ее текстильную и обувную промышленность, а также начавшее возрождаться производство кож, Китай ответил, что Аргентина должна просто дать этим отраслям отмереть, сконцентрировавшись на производстве сырья и сельскохозяйственной продукции для растущего китайского рынка. Нельзя не заметить, что именно так Британия подходила к взаимоотношениям с Индией в XIX веке. Тем не менее огромные вложения в инфраструктуру Китая неизбежно повлияли на мировую экономику. Одновременно снижение роста китайской экономики в 2004 году

«стало причиной колебаний на рынках сырья и финансовых рынках по всему миру. Цены на никель упали, резко спустившись с самых высоких за последние 15 лет отметок, цены на медь упали после 8-летнего максимума. Валюта стран, чья экономика зависит от сырьевого рынка — Австралия, Канада, Новая Зеландия, — тоже пострадала. Рынки азиатских стран, ориентированных на экспорт, испытывали серьезные колебания из-за опасения, что Китай может закупить меньше полу-

проводников в Тайване и меньше стали в Южной Корее, меньше тайской резины, вьетнамского риса и малайского олова»⁴⁰.

В процессе накопления капитала неизбежно наступает момент, когда требуется запустить механизм вывода внутренних резервов за пределы страны. Один из возможных выходов — финансировать американский долг и поддерживать рынок китайских товаров на плаву, сохраняя привязку юаня к доллару. Китайские торговые компании давно уже активно оперируют на мировом рынке, начав расширять сферу деятельности еще с середины 1990-х годов. Китайский бизнес делает инвестиции за рубежом, чтобы закрепить свои позиции на других рынках. Китайские телевизоры собирают теперь в Венгрии, чтобы их можно было продать в Европе, а также на заводах в Северной Каролине, чтобы обеспечить продажи в США. Китайские производители автомобилей планируют начать сборку, а потом и построить завод в Малайзии. Китайские компании даже инвестируют в туризм в тихоокеанском регионе, чтобы не отстать от растущего спроса⁴¹.

В одном аспекте Китай серьезно отклоняется от неолиберального шаблона. В Китае существует избыток рабочей силы, и, если страна стремится достичь социальной и политической стабильности, ей нужно либо использовать, либо резко сократить этот избыток. Первое возможно только при условии финансирования за счет займов масштабных проектов в области инфраструктуры и создания долгосрочных активов (в 2003 году инвестиции в долгосрочные активы выросли на 25%). Существует опасность серьезного кризиса перенасыщения в области долгосрочных активов. Появляются все новые признаки избыточных производственных мощностей (например, в автомобилестроении и электронике). Инвестиции в городскую инфраструктуру также пережили циклические взлеты и падения. Все это означает, что Китай должен отходить от неолиберальной теории и начать действовать как кейнсианское государство, контролируя движение капитала и курсы обмена валют. Но это не сочетается с правилами МВФ, ВТО и американского Министерства финансов. Для Китая сделаны исключения в части этих правил на период

вхождения в ВТО, но это не может продолжаться вечно. Контролировать перемещение капитала становится все сложнее по мере того, как юань проникает на мировой рынок через полупрозрачные границы с Гонконгом и Тайванем. Стоит вспомнить, что одним из условий, которое разрушило послевоенную кейнсианскую Бреттон-Вудскую систему, стало образование долларového рынка в Европе в результате невыполнения Соединенными Штатами правил, установленных их же органами кредитно-финансового регулирования⁴². Китайцы движутся к подобной ситуации, и их кейнсианство встречает соответствующее к себе отношение.

Китайская банковская система, являющаяся основой нынешнего дефицитного финансирования, не может сейчас вынести интеграции с мировой финансовой системой, так как ее большая часть попросту не функционирует. К счастью, китайцы поддерживают положительный баланс платежей, что способствует, как мы уже видели, улучшению банковских отчетов. Но именно в этот момент приходится делать выбор, так как единственный способ для Китая поддерживать такое состояние — накапливать положительный платежный баланс в расчетах с США. Создается особого вида симбиоз, в котором центральные банки Китая, Японии, Тайваня и других азиатских стран финансируют американский долг, чтобы США могли потреблять излишек производства этих стран. США становятся все более чувствительными к колебаниям азиатской финансовой системы. И наоборот, динамика китайской экономики становится заложницей американской фискальной и денежной политики. США теперь ведут себя в кейнсианской манере — все больше увеличивают дефицит федерального бюджета и потребительский долг, настаивая при этом на том, чтобы все остальные вели себя в соответствии с неолиберальными правилами. Такая позиция оказывается неустойчивой, и в США возникает все больше влиятельных голосов, утверждающих, что страна катится к масштабному финансовому кризису⁴³. Это потребует от Китая отказа от политики, при которой использовался весь резерв трудовых ресурсов, в пользу резкого подавления интересов труда. Окажется ли такая тактика успешной, как это было на площади Тянь-

аньмэнь в 1989 году, будет в первую очередь зависеть от баланса классовых сил и от того, как поведет себя в отношении этих сил Коммунистическая партия Китая⁴⁴.

ДВИЖЕНИЕ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ КЛАССОВОЙ ВЛАСТИ?

9 июня 2004 года некий господин Ванг из Пекина приобрел за 900 000 долларов роскошный седан Maybesh компании Daimler Chrysler. Рынок такого рода автомобилей класса люкс довольно оживленный. Из этого делается вывод, что «некоторые китайские семьи накопили невероятное богатство»⁴⁵. Дальнейший анализ рынка автомобилей показывает, что Китай сейчас является крупнейшим рынком в мире для Mercedes-Benz. Очевидно, кто-то где-то каким-то образом серьезно богатеет.

Хотя Китай может быть одной из наиболее быстро растущих экономик мира, он становится и одним из наиболее расслоенных обществ (рис. 5.2). Преимущества роста «сказались положительно в основном на городских жителях, правительственных и партийных чиновниках. За последние 5 лет разрыв в доходах городского и сельского населения увеличился настолько, что некоторые исследователи уже сравнивают Китай с беднейшими странами Африки»⁴⁶. Социальное неравенство не было искоренено в ходе революции. Различие между городом и деревней было даже закреплено законом. Но с ходом реформ, пишет Ванг, «это структурное неравенство привело к различию в размере доходов разных классов, социальных групп и регионов, что вызвало стремительную поляризацию общества»⁴⁷. Такие формальные показатели социального неравенства, как коэффициент Джини (*Gini coefficient*), подтверждают, что Китай за 20 лет прошел путь от одного из беднейших эгалитарных обществ к состоянию хронического неравенства (рис. 5.1). Разрыв между доходами городского и сельского населения (закрепленный разрешительной системой регистрации по месту жительства) быстро рос. В то время как благополучные горожане разъезжают на BMW, сельские жители едят мясо в лучшем случае раз в неделю. Еще более заметным стало растущее неравенство *внутри*

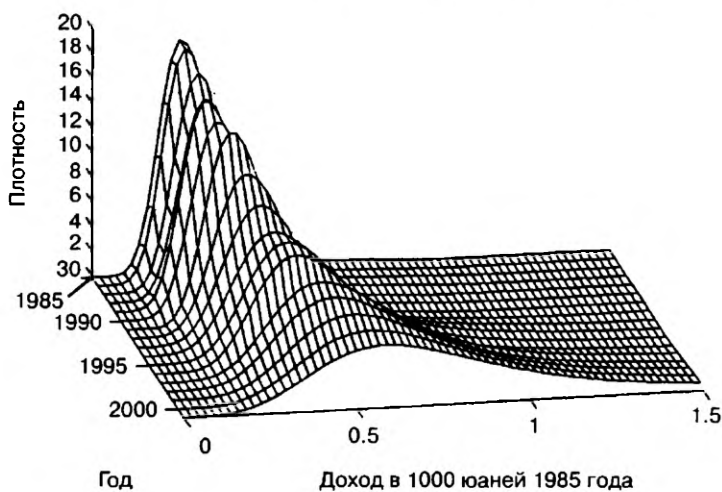
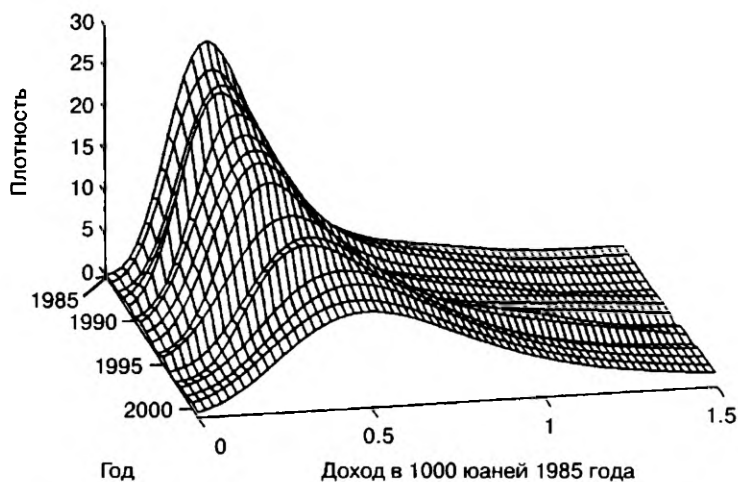

Рис. 5.2. Рост неравенства доходов в Китае: сельских (вверху) и городских жителей (внизу), 1985–2000 годы

Источник: Wu, Perloff. *China's Income Distribution Over Time*

городской и сельской групп населения. Усилилась и неравномерность развития регионов — некоторые южные прибрежные города вышли вперед, а города внутри материка и «индустриальный Север» либо вовсе не смогли найти пути развития, либо находятся в сложном положении⁴⁸.

Простой рост социального неравенства является неявным индикатором восстановления классовой власти. Пока эта тенденция подтверждается лишь разговорами и не является однозначно установленной. Мы можем, однако, порассуждать, основываясь на том, какая ситуация сложилась в самом низу социальной лестницы. «В 1978 году в Китае было 120 млн трудящихся. К 2000 их было уже 270 миллионов. Если прибавить еще 70 млн крестьян, которые переехали в города и нашли стабильную работу, то общее число трудящихся в Китае составит около 350 млн». Из них более 100 миллионов заняты в негосударственном секторе и официально числятся как наемные работники⁴⁹. Значительная доля работников немногочисленных выживших ГП и ГСП тоже имеют статус наемных. Таким образом, в Китае формировался пролетариат, что было связано с приватизацией и теми шагами, которые были предприняты для повышения уровня мобильности рынка труда (сюда относятся и снятие с части общественных предприятий обязательств по выплате пособий и пенсий). Правительство «выпотрошило» и сферу услуг. Согласно данным китайского агентства *Labor Watch*, «местные правительства в сельских районах практически не получают поддержки от богатых регионов. Они собирают налоги с местных фермеров и вводят все новые сборы, чтобы финансировать школы, больницы, строительство дорог и даже полицию». Бедность усугубляется в отсталых районах даже при общем темпе роста свыше 9%. В 1998–2002 годах 27 млн трудящихся были уволены из ГП, число которых сократилось с 262 000 до 159 000. Что еще удивительнее, чистая потеря рабочих мест в производстве за последние 10 лет составила около 15 млн⁵⁰. Так как неолиберализм предполагает наличие значительных трудовых резервов, готовых к работе и относительно бесправных, Китай по этому признаку определенно можно считать неолиберальной экономикой, хотя и «с китайскими чертами».

Накопление богатства на другом краю социального спектра — более сложная история. Вероятно, этот процесс стал отчасти результатом комбинации коррупции, скрытого мошенничества и открытого присвоения прав и активов, бывших когда-то общими. По мере того как местные правительства в процессе реструктуризации передавали доли предприятий менеджменту, многие менеджеры «вдруг становились владельцами акций, стоивших десятки миллионов юаней, благодаря стечению обстоятельств и формировали группу финансовых и промышленных магнатов». Когда ГП реструктуризировались в акционерные общества, «годовая зарплата менеджеров была в сто раз больше, чем у среднего рабочего»⁵¹. Руководители Tsingtao Brewery, ставшей акционерным обществом в 1993 году, не только оказались владельцами серьезной доли в этом крайне привлекательном бизнесе (компания наращивает долю и олигополистическую власть на внутреннем рынке путем поглощения более мелких пивоваренных предприятий), но и назначили себе огромные зарплаты. Особые отношения между членами партии, государственными чиновниками, частными предпринимателями и банками тоже сыграли свою роль. Менеджеры приватизированных бизнесов, получившие определенную долю в компании, могли брать кредиты в банках (или у друзей), чтобы выкупить оставшуюся долю у рабочих (иногда и угрожая последним увольнением). Так как по значительной части банковских кредитов не выплачивались проценты, новые владельцы компаний либо доводили предприятия до банкротства (предварительно выводя активы и извлекая из этого личную выгоду), либо находили пути нарушить условия кредитного договора без объявления банкротства (процедура банкротства вообще недостаточно развита в Китае). Когда государство использует 45 млн долл., заработанных трудящимися, для помощи банкам со слишком рискованным кредитным портфелем, то оно же может перераспределять богатство от бедных в пользу богатых и не списывать убыточные инвестиции. Беспринципные менеджеры приобретают контроль над повторно приватизированными компаниями и их активами и используют их для собственного обогащения.

Местный капитал играет все более важную роль в процессе накопления богатства. Перенимая новые технологии в последние 20 лет через механизмы совместных предприятий, имея доступ к огромным резервам дешевой и качественной рабочей силы, а главное, используя «животный дух» предпринимательских устремлений, многие китайские фирмы теперь начинают конкурировать с иностранными компаниями не только на внутреннем рынке, но и на международной арене. Это происходит не только в дешевом сегменте. Компания, ставшая восьмым по величине производителем компьютеров в мире, была создана в 1984 году группой китайских ученых на государственные средства. К концу 1990-х компания превратилась из дистрибутора в производителя и захватила большую часть китайского рынка. Компания Lenovo, так она называется сейчас, участвует в жестокой конкурентной схватке с ведущими мировыми игроками и даже приобрела линию сборки персональных компьютеров IBM, чтобы обеспечить себе лучший доступ к мировому рынку. Сделка (которая, по стечению обстоятельств, угрожает позиции Тайваня в компьютерном бизнесе) дает IBM возможность получить доступ к китайскому рынку программного обеспечения и в то же время выстроить более крепкие связи с китайским производителем компьютеров, имеющим выход на мировые рынки⁵². В то время как государство может владеть акциями компаний типа Lenovo, операционная независимость этих компаний гарантирует право владения и систему поощрений, которые способствуют повышению концентрации благосостояния топ-менеджеров в соответствии с мировыми тенденциями.

Развитие рынка недвижимости, особенно в крупных городах и вокруг них, а также в областях, где развиты экспортно ориентированные производства, становится еще одной областью, где серьезное богатство оказывается в руках нескольких людей. Так как крестьяне, работавшие на земле, не были ее собственниками, их было несложно выгнать, а землю отдать под гораздо более рентабельное использование. Крестьяне теряли возможность продолжать возделывать землю и были вынуждены перебираться в города. В качестве компенсации крестьянам предлагалась лишь небольшая доля от реальной стоимости земли;

земля же передавалась чиновниками частным девелоперам. Около 70 миллионов фермеров потеряли, таким образом, землю в течение последних десяти лет. Лидеры коммун, например, часто присваивали фактические права собственности на общественную землю и активы в процессе переговоров с иностранными инвесторами и девелоперами. Позже они как частные лица получали подтверждение этих прав. Так собственность, принадлежавшая группе людей, переходила в руки небольшой кучки. В неразберихе переходного периода, пишет Ванг, «серьезная часть национальной собственности легально и нелегально была передана в личное пользование небольшой группе людей»⁵³. Спекуляции с землей и на рынке недвижимости, особенно в городах, стали обычным делом даже в отсутствие четкой системы имущественного права. В итоге площадь сельскохозяйственных земель сократилась настолько, что в 1998 году был установлен временный мораторий на перевод земли из статуса сельскохозяйственной в какой-либо иной до тех пор, пока не будет принята более рациональная программа землепользования. Но принесенный ущерб оказался серьезным. Девелоперы, сконцентрировав в своих руках права на наиболее привлекательные участки (и используя особые отношения с банками), начали работу, что привело к росту концентрации богатства. Даже используя небольшие участки земли, можно было заработать гораздо больше, перепродавая их как объект недвижимости, чем занимаясь сельскохозяйственным производством⁵⁴. Это подтверждает и тот факт, что автомобиль за 900 000 долл. был приобретен кем-то, кто занимался недвижимостью.

Серьезную роль играли и спекуляции вокруг цены активов, нередко с использованием займов, предоставленных на особых условиях. Особенно часто по такой схеме велись операции на рынках городской недвижимости крупных городов и их ближайших пригородов – в Пекине, Шанхае, Шенжене, Донгуане. Прибыли, которые в течение непродолжительного бума на рынке были просто огромными, обычно доставались спекулянтам, а потери в период спада несли, как правило, банки. Во всех этих областях, включая и теневую зону коррупции, достигшую небывалых размеров, присвоение активов осуществлялось и

государственными чиновниками, и партийными лидерами. Эти люди из агентов государственной власти превращались в независимых и очень состоятельных бизнесменов, способных защитить собственное богатство, а при необходимости и вывести его из страны через Гонконг.

В городах быстро развивалась новая культура потребления. Отличительной чертой этого процесса стал рост неравенства доходов, что выражалось в появлении огороженных и охраняемых жилых комплексов (с названиями типа Beverly Hills) для богатых, роскошных ресторанов, ночных клубов, торговых центров и парков отдыха. Постмодернистская культура добралась и до Шанхая. Здесь уже можно найти все стандартные «приманки» западной культуры, включая и изменения в общественных отношениях — и молодых женщин, предлагающих себя на продажу на каждом углу, и культурные учреждения (от конкурсов красоты Miss World до популярнейших выставок) — все это появляется с большой скоростью и имеет вид гипертрофированной копии жизни Нью-Йорка, Лондона или Парижа. Все более актуальным становится принцип «миска риса для молодых», когда каждый стремится преуспеть в борьбе за лучшее место под солнцем в почти дарвиновском процессе естественного отбора. Особого внимания заслуживают гендерные последствия этого процесса для представителей разных полов. «В прибрежных городах женщины сталкиваются с крайностями: более выгодных возможностей заработать огромные деньги и построить карьеру — и относительно низким уровнем зарплат в производстве и других непрестижных областях, например в сфере услуг, в ресторанах, помощи по дому, проституции»⁵⁵.

Другой источник накопления богатства связан со сверхэксплуатацией рабочей силы, особенно молодых женщин, приезжающих из сельских районов. Уровень оплаты труда в Китае крайне низкий, а условия труда регулируются недостаточно, допуская угнетение и эксплуатацию, по сравнению с которой просто смешными кажутся описанные когда-то Марксом работа на конвейере и условия труда в Британии на заре индустриальной революции. Еще большее негодование вызывает практика невыплаты зарплат и пенсий. Ли по этому поводу пишет:

«В самом центре «индустриального пояса», в Шеньянге, между 1996 и 2001 годами примерно 23,1% трудящихся столкнулись с задержками выплат зарплаты, 26,4% пенсионеров не получили вовремя пенсии. Общее число рабочих в стране, не получивших зарплату вовремя, выросло с 2,6 млн в 1993 году до 14 млн — в 2000-м. Проблема не ограничивается старыми предприятиями и компаниями, находящимися на грани банкротства, где остается много пенсионеров или уволенных рабочих. Результаты официальных исследований подтверждают, что 72,5% общего числа трудящихся-мигрантов (а это почти 100 миллионов человек) недополучали зарплаты. Общий размер долга по выплате заработной платы оценивается примерно в 12 млрд долл. (около 100 млрд юаней), причем 70% этих трудящихся заняты в строительстве»⁵⁶.

Значительная часть капитала, накопленного частными и иностранными компаниями, появилась благодаря невыплате зарплат. В результате во многих районах начались протесты трудящихся. Китайские рабочие готовы вынести и длинную смену, и ужасные условия труда, и низкий уровень оплаты как неизбежное зло в процессе модернизации и экономического роста страны, но не готовы мириться с невыплатами зарплат и пенсий. В последние годы растет объем петиций и жалоб в адрес центрального правительства, связанных с этими вопросами. Неспособность правительства принять необходимые меры привела к серьезным последствиям⁵⁷. На северо-востоке в городе Ляоянг более 30 000 рабочих из двадцати фабрик провели многодневную акцию протеста в 2002 году, которая стала «крупнейшей демонстрацией со времени событий на Тяньаньмэнь». В Ямацу на севере Китая около 80% населения не имеют работы и вынуждены жить на 20 долл. в неделю после того, как текстильная фабрика уволила 14 000 рабочих и была неожиданно закрыта. После того как в течение месяца обращения трудящихся игнорировались, люди перешли к активным действиям. «Однажды пенсионеры заблокировали движение на главной улице города, сев на корточки прямо на проезжей части. Позже тысячи уволенных рабочих текстильной фабрики уселись на рельсы, остановив движение поездов. В конце декабря рабочие из

соседней бумажной фабрики улеглись на единственной взлетно-посадочной полосе Ямацу, так что деятельность аэропорта была остановлена»⁵⁸. По данным полиции, «около трех миллионов приняли участие в акциях протеста» в 2003 году. До недавнего времени конфликтами такого рода удавалось управлять, изолируя организаторов выступлений и разрушая их связи. Да и отчеты о выступлениях серьезно занижались. Последние данные свидетельствуют о том, что конфликты становятся все более массовыми. В провинции Ануи, например, «около 10 000 текстильных рабочих и пенсионеров выступили с протестом против понижения размера пенсий, низкого уровня медицинского обслуживания и недостаточных выплат в случае производственных травм». В Донггуане из компании Stella International Ltd, производящей обувь и принадлежащей тайваньским хозяевам, было уволено 42 000 человек, что привело «к забастовкам, которые грозили перерасти в криминальные беспорядки. В какой-то момент более 500 бастующих разгромили производственные помещения фабрики и серьезно ранили одного из менеджеров. Полиции пришлось вмешаться и изолировать лидеров»⁵⁹.

Протест в любых формах, «нередко крайне агрессивный, проявлялся в последние месяцы все чаще по всей стране». Выступления и протесты прокатились по Китаю также в связи с тем, что в сельскохозяйственных районах крестьян лишали земли. Пока сложно сказать, станет ли это началом массовых движений, но партия определенно опасается эскалации протестов. Партийные и полицейские ресурсы мобилизуются на предотвращение распространения общественных движений, если таковые станут серьезной угрозой. Интересный вывод делает Ли о природе политической необъективности. И государственные работники, и рабочие-мигранты, считает он, отвергают термин «рабочий класс» и считают понятие класс «недостаточно конкретным, чтобы описать рабочих как социальную группу». Они не согласны считать себя и «трудовыми ресурсами в тех категориях контракта и права, которые приняты в современных теориях капитализма», и предполагают сохранение индивидуальных юридических прав. Как правило, они предпочитают традиционную

маоистскую концепцию масс, состоящих из «рабочих, крестьян, интеллигенции и национальной буржуазии, чьи интересы гармонируют друг с другом и с государством». Так трудящиеся могут требовать «защиты у государства, подчеркивая тем самым его руководящую роль и ответственность перед теми, кем оно управляет»⁶⁰. Любое массовое общественное движение должно иметь целью обеспечение соответствия государственной власти той ответственности, которую граждане ему доверяют в отношении защиты против иностранного капитала, частных интересов и местных властей.

Может ли или желает ли китайское государство соответствовать таким запросам, чтобы сохранять легитимность, — пока не ясно. Защищая на суде рабочего, который стал зачинщиком агрессивных выступлений на фабрике, знаменитый адвокат заметил, что до революции «Коммунистическая партия поддерживала рабочих в борьбе против капиталистической эксплуатации, а сегодня она стоит плечо к плечу с хладнокровными капиталистами в борьбе против рабочих»⁶¹. Некоторые действия Коммунистической партии были призваны не допустить формирования капиталистического класса, но партия также способствовала пролетаризации китайских трудящихся, уничтожению принципа «железной миски риса», отказу от социальных гарантий, введению дополнительных сборов, обеспечению мобильности рынка труда и приватизации активов, бывших раньше общественной собственностью. Была создана общественная система, при которой могли создаваться и свободно функционировать капиталистические предприятия. Так был обеспечен быстрый рост, но многие совершенно обеднели, а значительные богатства сконцентрировались в руках немногочисленной группы, составляющей верхушку общества. Все больше членов партии становилось бизнесменами (13,1% в 1993 году и уже 19,8% — в 2000 году). Сложно, однако, сказать, отражает ли это рост капиталистического предпринимательства, или просто члены партии используют свои привилегии для обогащения сомнительными путями. В любом случае это свидетельствует о растущих взаимосвязях партии и бизнеса в тех формах, которые распространены и в США. Отношения между трудящимися

и партией стали натянутыми⁶². Нам еще предстоит увидеть, приведет ли этот процесс внутренней трансформации партийной структуры к консолидации роста технократической элиты, что вынудило мексиканскую PRI начать масштабную неолиберализацию. Но нельзя исключать вероятность такого развития событий, при котором «массы» будут стремиться к восстановлению собственной уникальной формы классового влияния. Партия сейчас действует против их интересов и готова использовать собственную монополию для подавления недовольства, изгнания крестьян с их земель, подавления растущих требований демократизации и хотя бы чуть большей справедливости при распределении доходов. Можно сделать вывод, что Китай определенно движется в сторону неолиберализации и восстановления классово-власти, хотя и «определенно с китайскими чертами». Авторитаризм, обращение к националистическим чувствам, возрождение определенных черт империализма свидетельствуют, однако, о том, что Китай может двигаться, хотя и своим путем, к неоконсерватизму, набирающему сейчас силу в США. И это не обещает радужного будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lardy N. *China's Unfinished Economic Revolution* (Washington, DC" Brookings Institution, 1998); Li S.-M. and W.-S. Tang, *China's Regions, Polity and Economy* (Hong Kong: Chinese University Press, 2000).
2. Я в большей степени склоняюсь ко второму объяснению, хотя и не так категорично, как Харт-Ландсберг М. и П. Баркетт, чьим работам я доверяю. См. Hart-Landsberg M. and P. Burkett, *China and Socialism: Market Reforms and Class Struggle* (New York, 2004; *Monthly Review*, 56/3).
3. Cao L., "Chinese Privatization: Between Plan and Market", *Law and Contemporary Problems*, 63/13 (2000), 13–62.
4. Это точку зрения отстаивает Y. Huang, "Is China Playing by the Rules?", *Congressional – Executive Commission on China*, <http://www.cecc.gov/pages/hearings/092403/huang.php>.
5. Wang, *China's New Order*, 66.
6. Hale D. and Hale L., "China Takes Off", *Foreign Affairs*, 82/6 (2003), 36–53.

7. Kahn J. and J. Yardley, "Amid China's Boom, No Helping Hand for Young Qingming", *New York Times*, 1 August 2004, A1 and A6.
8. Yardley J., "In a Tidal Wave, China's Masses Pour from Farm to City", *New York Times*, 12 September, 2004, Week in Review, 6.
9. Kahn J. and J. Yardley, "Amid China's Boom".
10. Stevenson C., *Reforming State-Owned Enterprises: Past Lessons for Current Problems* (Washington, DC: George Washington University), <http://www.gwu.edu/~yellowrey/stevensonc.html>.
11. Hart-Landsberg M. and P. Burkett, *China and Socialism*, 35. Li S. M. and W.S. Tang, *China's Regions*.
12. Hart-Landsberg M. and P. Burkett, *China and Socialism*, 38.
13. См. там же, а также в Global Policy Forum, *Newsletter* "China's Privatization", <http://www.globalpolicy.org/soecon/ffd/fdi/2003/1112chinaprivatization>.
14. Li S.-M. and W.-S. Tang, *China's Regions*, ch. 6.
15. *Ibid.*, 82.
16. China Labor Watch, "Mainland China Jobless Situation Grim, Minister Says", http://www.chinalaborwatch.org/en/web/article.php?article_id=50043, 18 November 2004.
17. Kahn J., "China Gambles on Big Projects for its Stability", *New York Times*, 13 January 2003, A1 and A8; K. Bradsher, "Chinese Builders Buy Abroad", *New York Times*, 2 Dec. 2003, W1 and W 7; Fishman T., 'The Chinese Century', *New York Times Magazine*, 4 July 2004, 24-51.
18. French H., "New Boomtowns Change Path of China's Growth", *New York Times*, 28 July 2004, A1 and A8.
19. Bradsher K., "Big China Trade Brings Port War", *International Herald Tribune*, 27 January 2003, 12.
20. Sharma S., "Stability Amidst Turmoil: China and the Asian Financial Crisis", *Asia Quarterly* (Winter 2000), www.fas.harvard.edu/~asiactr/haq/2000001/0001a006.htm.
21. Hale and Hale, "China Takes Off", 40.
22. Liu H., "China: Banking on Bank Reform", *Asia Times Online*, www.atimes.com, 1 June 2002.
23. Bradsher K., "A Heated Chinese Economy Piles up Debt", *New York Times*, 4 September 2003, A14 and C4; K. Bradsher, "China Announces New Bailout on Big Banks", *New York Times*, 7 January 2004, C1.
24. Liu H., "China: Banking on Bank Reform".
25. Burckley C., "Let a Thousand Ideas Flower: China Is a New Hotbed of Research", *New York Times*, 13 September 1004, C1 and C4.

26. Warner J., "Why the World's Economy is Stuck on a Fast Boat to China", *The Independent*, 24 January, 2004, 23.
27. Burckley C., "Rapid Growth of China's Huawei Has Its High-Tech Rivals on Guard", *New York Times*, 6 October 2003, C1 and C3.
28. Bradsher K., "GM To Speed Up Expansion in China: An Annual Goal of 1.3 Million Cars", *New York Times*, 8 June 2004, W1 and W7.
29. Zhang Z., *Whither China? Intellectual Politics in Contemporary China* (Durham, NC: Duke University Press, 2001).
30. Bradsher K., "China's Factories Aim to Fill Garages Around the World", *New York Times*, 2 November 2003, International Section, 8. Тот же автор, "GM To Speed Up Expansion in China". Тот же автор, "Is China The Next Bubble?", *New York Times*, 18 January 2004, Section 3, 1 and 4.
31. Bradsher K., "Chinese Provinces Form Regional Power Bloc", *New York Times*, 2 June 2004, W1 и W7.
32. Yasheng H. and T. Khanna, "Can India Overtake China?", *China Now Magazine*, 3 April 2004, www.chinanowmag.com/business/business.htm.
33. Dicken P., *Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century*, 4th ed (New York: Guilford Press, 2003), 332.
34. Hout T. and J. Lebreton, "The Real Contest Between America and China", *The Wall Street Journal on Line*, 16 September 2003. Интересно, что именно эту точку зрения отстаивает К. Маркс в отношении разницы в применении технологии в США и Великобритании в XIX веке. См. *Capital* (New York: International Publishers, 1967), i. 371-2.
35. См. Hart-Landsberg M. and P. Burkett, *China and Socialism*, 94-95; K. Brooke, "Korea Feeling Pressure as China Grows", *New York Times*, 8 January 2003, W1 and W7.
36. Belson J., "Japanese Capital and Jobs Flowing to China", *New York Times*, 17 February 2004, C1 and C4.
37. См. Forero, "As China Gallops".
38. Bradsher K., "China Reports Economic Growth of 9.1% in 2003", *New York Times*, 20 February 2004, W1 and W7.
39. Bradsher K., "Taiwan Watches Its Economy Slip to China", *New York Times*, 13 December 2004, C7.
40. Arnold W., "BHP Billiton Remains Upbeat Over Bet on China's Growth", *New York Times*, 8 June 2004, W1 and W7.
41. Landler M., "Hungary Eager and Uneasy Over New Status", *New York Times*, 5 March 2004, W1 and W7; K. Bradsher, "Chinese Automaker Plans Assembly Line in Malaysia", *New York Times*, 19 October 2004, W1 and W7.

42. Bradsher K., "China's Strange Hybrid Economy", *New York Times*, 21 December, 2003, C5.
43. Мнение Волкера приводится по работе P. Bond, "US and Global Economic Volatility: Theoretical, Empirical and Political Considerations", представленной на Empire Seminar, York University, в ноябре 2004.
44. Wang, *China's New Order*; T. Fishman, *China Inc.: How the Rise of the Nest Superpower Challenges America and the World* (New York: Scribner, 2005).
45. Bradsher K., "Now, a Great Leap Forward in Luxury", *New York Times*, 10 June 2004, C1 and C6.
46. Wu X. and J. Perloff, *China's Income Distribution Over Time: Reasons for Rising Inequality*, CUDARE Working Papers 977 (Berkeley: University of California at Berkeley, 2004).
47. Wang, *China's New Order*.
48. Wei L., *Regional Development in China* (New York: Routledge/Curzon, 2000).
49. Shi L., "Current Conditions of China's Working Class" *China Study Group*, 3 November 2003, <http://www.chinastudygroup.org/index.php?action=article&type>.
50. China Labor Watch, "Mainland China Jobless Situation Grim".
51. Shi L., "Current Conditions of China's Working Class".
52. Barboza D., "An Unknown Giant Flexes its Muscles", *New York Times*, 4 December 2004, A1 and C3; S. Lohr, "IBM's Sale of PC Unit Is a Bridge Between Companies and Cultures", *New York Times*, 8 December 2004, A1 and C4; S. Lohr, "IBM Sought China Partnership, Not Just a Sale", *New York Times*, 13 December 2004, C1 and C6.
53. Wang, *China's New Order*; J. Yardley, "Farmers Being Moved Aside by China's Real Estate Boom", *New York Times*, 8 December 2004, A1 and A16.
54. Cartier C., "Zone Feber. The Arable Land Debate and Real Estate Speculation: China's Evolving Land Use Regime and its Geographical Contradictions", *Journal of Contemporary China*, 10 (2001), 455-69; Z. Zhang, *Strangers in the City: Reconfigurations of Space, Power and Social Networks within China's Floating Population* (Stanford: Stanford University Press, 2001).
55. Cartier C., "Symbolic City /Regions and Gendered Identity Formation in South China", *Provincial China*, 8/1 (2003), 60-77; Z. Zhang, "Mediating Time: The 'Rice Bowl of Youth' in Fin-de-Siecle Urban China", *Public Culture*, 12/1 (2000), 93-113.
56. Lee S.K., "Made in China: Labor as a Political Force?", вступительная речь, 2004 Mansfield Conference, University of Montana, Missoula, 18-20 April 2004.

57. Ibid.; J. Yardley, "Chinese Appeal to Beijing to Resolve Local Complaints", *New York Times*, 10 March 2004, A3.
58. Rosenthal E., "Workers Plight Brings New Militancy in China", *New York Times*, 10 March 2003, A8.
59. Cody E., "Workers in China Shed Passivity: Spate of Walkouts Shakes Factories", *Washington Post*, 27 November 2004, A01; A. Cheng, "Labor Unrest is Growing in China", *International Herald Tribune Online*, October 27, 2004; J. Yardley, "Farmers Being Moved Aside".
60. Lee, "Made In China".
61. Цитируется в работе Cody, "Workers in China Shed Passivity", см. также выпуски *China Labor Bulletin*.
62. Cody E., "Workers in China Shed Passivity".

ГЛАВА 6

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК ДЛЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Основными силами, двигавшими мир вперед во время глобального экономического спада, наступившего после 2001 года, были США и Китай. По некоей иронии обе страны вели себя как кейнсианские государства в мире, где, казалось бы, господствуют неolibеральные правила. США поддерживали военные расходы и консюмеризм за счет растущего долга, а Китай финансировал громадные инвестиции в инфраструктуру и капитальные активы за счет невозвратных кредитов. Истинные неolibералы, несомненно, станут утверждать, что экономический спад есть признак неполноценного или неидеального неolibерализма. В качестве подкрепления своих идей они могли бы привести в пример действия МВФ и армии высокооплачиваемых лоббистов в Вашингтоне, которые регулярно «прогибают» американский бюджетный процесс, действуя в собственных интересах. Такие заявления невозможно проверить. Выдвигая подобные утверждения, неolibералы попросту повторяют то, что уже не раз сказано знаменитыми теоретиками экономики: все было бы прекрасно, если бы все вели себя так, как советуют умные книги¹.

Есть и более мрачные версии объяснения сложившегося парадокса. Если отвлечься — а я уверен, что мы должны сделать некоторые допущения, — от утверждения о том, что неolibерализм есть пример ошибочной теории, доведенной до абсурда (с позволения экономиста Стиглица), или воплощение бессмысленной погони за утопией (с позволения консервативного политика и философа Джона Грея²), тогда мы приходим к явному несоответствию между

поддержанием капитализма и восстановлением власти правящего класса. Мы наблюдаем прямое противоречие между этими двумя целями, и тогда не остается сомнений в том, к какому полюсу тяготеет администрация Буша, учитывая ее стремление сократить налоги для корпораций и наиболее состоятельных граждан. Более того, глобальный финансовый кризис, частично спровоцированный бездумной экономической политикой, позволит правительству США отделаться наконец от любых обязательств, связанных с социальным обеспечением граждан, кроме наращивания той военной и политической силы, которая может потребоваться для подавления социальных волнений и поддержания порядка в мире. Более благоразумные из ста-на капиталистов, выслушав внимательно предупреждения Уолкера и прочих о том, что в ближайшие пять лет существует вероятность серьезного экономического кризиса, могут одержать верх³. Но это означает, что придется отказаться от власти и некоторых привилегий, которые были накоплены верхушкой капиталистического класса в течение последних тридцати лет. Предыдущие этапы истории капитализма — например, с 1873 по 1920-е годы, — когда возникали схожие ситуации необходимости сделать выбор, не подходят для предсказаний и аналогий. Верхушка общества, настаивая на своих священных правах собственности, предпочитала пойти на разрушение системы, лишь бы не отказываться от привилегий и власти. Этим они не только предавали собственные интересы, ведь если бы им удалось верно поставить себя в обществе, они могли бы, как хорошие адвокаты, специализирующиеся на банкротствах, извлечь выгоду из кризиса, пока все мы идем ко дну. Да, некоторые излишне увлекаются и прыгают потом из окон Уолл-стрит, но это — исключения. Единственное, чего они боятся, — это политические движения, которые угрожают экспроприацией или революционным насилием. Они надеются, что изоциренный военный аппарат, находящийся в их распоряжении (благодаря военно-промышленному комплексу), встанет на защиту их благосостояния и власти. Однако неспособность этого аппарата навести порядок в Ираке должна бы их озадачить. Но правящие классы редко добровольно отказываются от власти,

и я не вижу причин верить, что это может произойти в наши дни. Парадоксально, но сильные и влиятельные социал-демократические и трудовые движения скорее способны возродить капитализм, чем сам класс капиталистов. Находящимся на крайнем левом фланге это может показаться контрреволюционным выводом, но все же тут нельзя исключать серьезного личного интереса, так как именно обычные люди, а не элита, страдают, голодают и даже умирают во время капиталистических кризисов (как в Индонезии или Аргентине). Если правящая элита выбирает подход «после нас хоть потоп», то этот потоп захлестывает прежде всего бесправных и ничего не подозревающих, в то время как элита имеет хорошо подготовленные плавсредства, в которых можно неплохо переждать бурю.

ДОСТИЖЕНИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Все написанное выше — просто обычные рассуждения. Но мы можем исследовать историко-географические свидетельства процесса неолиберализации, чтобы убедиться в том, может ли он стать универсальным средством от всех политических и экономических проблем, стоящих сегодня перед обществом. До какой степени неолиберализация преуспела в стимулировании накопления капитала? Факты оказываются весьма печальными. Совокупный мировой темп экономического роста в 1960-х составлял около 3,5%, а в сложные 1970-е снизился всего до 2,4%. Но показатели темпа роста в 1980-х (1,4%) и в 1990-х (1,1%) — а в 2000-х темп роста едва перевалил за 1% — демонстрируют, что неолиберализация так и не смогла стимулировать мировой рост экономики (рис. 6.1)⁴. В некоторых случаях, например в бывших республиках Советского Союза и государствах Восточной Европы, пошедших по пути неолиберальной «шоковой терапии», потери оказались колоссальными. В 1990-х доход на душу населения в России падал со скоростью 3,5% в год. Огромное число людей оказалось на грани нищеты, продолжительность жизни мужчин сократилась на пять лет. В Украине результат был похожим. Только Польша, которая не воспользовалась советами

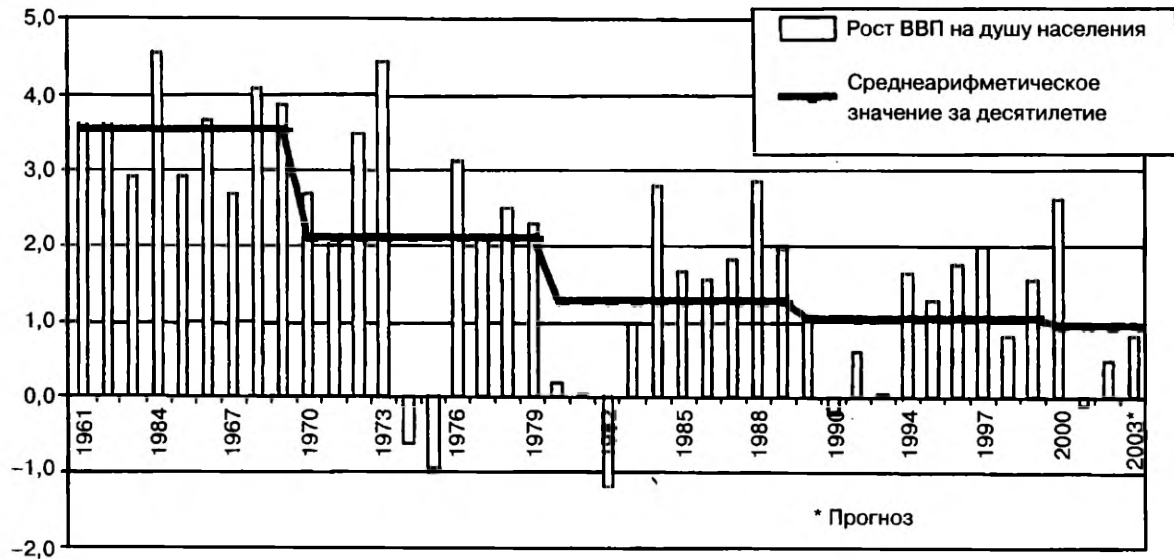

Рис. 6.1. Мировой темп экономического роста, в год и по десятилетиям, 1960–2003 годы

Источник: World Commission on the Social Dimension of Globalization, *A Fair Globalization*

МВФ, добилась серьезных улучшений. В большей части стран Латинской Америки неолиберализация привела либо к стагнации (и «потерянному десятилетию» 1980-х), либо к непродолжительному росту, сменившемуся экономическим кризисом (как в Аргентине). В Африке неолиберализм никак не стимулировал перемен к лучшему. Только в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, к которым в некоторой степени присоединилась и Индия, неолиберализация ассоциировалась с каким-то ростом, но там серьезное влияние имели не вполне неолиберально направленные развивающиеся государства. Контраст между ростом экономики Китая (около 10% в год) и спадом в России (-3,5% в год) поражает. Во всем мире растет уровень безработицы (по оценкам, в 1980-е годы в странах Латинской Америки безработными были 29% экономически активного населения, а в 1990-е — уже 44%). Глобальные показатели здоровья населения, продолжительности жизни, детской смертности демонстрируют снижение, а не повышение уровня жизни с 1960-х. Однако доля населения Земли, живущего за чертой бедности, сократилась благодаря улучшению ситуации в Индии и Китае⁵. Снижение и контроль над инфляцией — единственный системный успех, который можно связать с неолиберализмом.

Разумеется, сравнения не всегда показательны, особенно это верно в случае с неолиберализацией. Ограниченная неолиберализация в Швеции, к примеру, привела к гораздо лучшим результатам, чем полномасштабная неолиберализация в Великобритании. Доходы на душу населения в Швеции выше, инфляция ниже, внешнеторговый баланс — благополучнее, и все показатели конкурентной позиции страны по отношению к остальному миру и качества делового климата — также лучше. Показатели качества жизни выше. Швеция занимает третье место в мире по продолжительности жизни, а Великобритания — только двадцать девятое. В Швеции только 6,3% населения относятся к бедным, а в Великобритании их 15,7%. Доход 10% самых богатых шведов превышает доход 10% беднейших граждан этой страны в 6,2 раза; в Великобритании этот показатель составляет

13,6%. В Швеции ниже уровень неграмотности и выше социальная мобильность⁶.

Если бы эти факты были широко известны, восхваления неолиберализации и связанной с ней глобализации были бы гораздо более умеренными. Почему же тогда многие убеждены, что неолиберализация и глобализация есть «единственная альтернатива», которая «обречена» на успех? Существует две причины. Во-первых, усилилась нестабильность и неравномерность географического развития, что позволяет некоторым регионам добиваться стремительного роста (по крайней мере, на время) за счет других. Если в 1980-х, например, лидировала Япония, «азиатские тигры» и Германия, а в 1990-х господствовали США и Великобритания, то получается, что сам факт того, что какие-то страны должны были оказаться более «успешными», заслоняет собой другой факт — что неолиберализация не стимулировала роста и не повысила благосостояния. Во-вторых, неолиберализация как процесс, а не как теория, оказался крайне успешным с точки зрения правящей верхушки. Она либо привела к восстановлению классово-власти правящей элиты (как в США и до некоторой степени в Великобритании — рис. 1.3), либо создала условия для формирования класса капиталистов (как в Китае, Индии, России и других странах). Средства информации отражали интересы правящего класса, а потому оказалось возможным распространение мифа о том, что государства оказывались экономически несостоятельными, так как не были конкурентоспособными (что дополнительно стимулировало спрос на неолиберальные реформы). Рост социального неравенства в рамках отдельного региона объясняется как необходимость, обеспечивающая стимулы для предпринимательского риска и инноваций, которые, в свою очередь, обеспечивают конкурентный успех и рост. Если условия жизни низших слоев общества ухудшаются, это означает, что они сами виноваты в том, что не смогли, обычно по причинам личного или культурного характера, приумножить свой человеческий капитал (путем образования, принятия протестантской этики и отношения к труду, подчинения дисциплине, гибкости и тому подобное). Некоторые проблемы возникали, таким обра-

зом, из-за недостатка конкурентоспособности или из-за личных, культурных, политических недостатков. В дарвиновском неолиберальном мире могут и должны выжить только сильнейшие.

Разумеется, время от времени происходили изменения в том, что именно оказывалось в центре внимания в процессе неолиберализации, что придавало всему процессу видимость невероятной динамики. Подъем финансовой сферы и финансовых услуг происходил одновременно со значительным ростом прибылей финансовых корпораций (рис. 6.2). Крупные компании (такие, как General Motors) постепенно объединяли производственную и финансовую функции. Стремительно росла занятость в этих областях. Но стоит разобраться, что на самом деле происходило с производительностью. Большая часть финансового бизнеса оказывается сконцентрированной исключительно на финансовых операциях как таковых, постоянно находясь в поисках способов получить спекулятивные прибыли на основе всевозможных изменений в структуре власти. Так называемые мировые центры финансов и власти стали роскошными островами богатства и привилегий, с многоэтажными небоскребами и миллионами квадратных метров офисного пространства. Финансовые сделки нередко заключаются между торговыми площадками, находящимися на разных этажах одного и того же небоскреба — так возникают миллионы ни на чем не основанных прибылей. Спекулятивные рынки городской недвижимости стали одним из основных двигателей процесса накопления капитала. Не могут не поражать стремительно обновляющиеся образы Манхэттена, Токио, Лондона, Парижа, Франкфурта, Гонконга, а теперь и Шанхая.

Одновременно произошел взрыв в области информационных технологий. В 1970 году инвестиции в этой области составляли примерно те же 25%, что и инвестиции в производство и создание физической инфраструктуры. К 2000 году IT-сектор получал около 45% всех инвестиций, тогда как доля инвестиций в производство и инфраструктуру снизилась. В 1990-х казалось, что это есть признак появления новой информационной экономики⁷. К сожалению, это было свидетельством ошибочного изменения

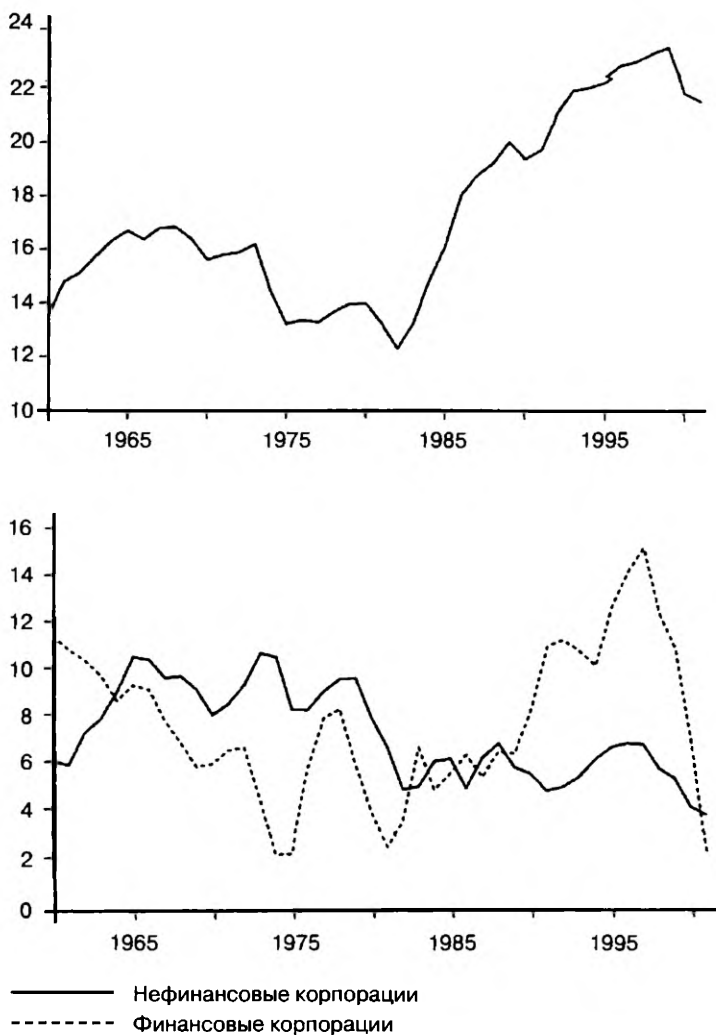

Рис. 6.2. Господство финансового капитала: чистая стоимость и показатели прибыльности финансовых и нефинансовых корпораций в США, 1961–2001 годы

Источник: Duménil, Lévy. *Capital Resurgent*, 111, 134. Воспроизводится с разрешения Harvard University Press

направления развития технологий — дальше от производства и инфраструктуры, в соответствии с возрастающей «финансовой ориентацией» экономических процессов, что и было основным признаком неолиберализации. Неолиберализм отводит информационным технологиям особое место, ведь с их помощью гораздо проще развивать спекулятивную активность и наращивать число краткосрочных контрактов на рынке, чем посредством собственно усовершенствования производства. Интересно, что заметного прогресса достигли те области производства, которые начали развиваться сравнительно недавно (кино, видео, видеоигры, музыка, реклама, арт-шоу) и в которых ИТ используется в качестве основы для инновации и продвижения продукции на рынок. Шумиха вокруг этих областей экономики отвлекла внимание от того факта, что базовые области физической и социальной инфраструктуры недополучали инвестиции. Одновременно начался чрезмерный рост интереса к «глобализации» и всему, что было с этим связано, в процессе создания совершенно новой и полностью интегрированной мировой экономики⁸.

Основным ощутимым достижением неолиберализма было перераспределение, а не создание нового богатства и доходов. Я уже писал об основном механизме, благодаря которому это стало возможным, который я назвал «накоплением путем лишения прав собственности»⁹. Под этим я подразумеваю продолжение и распространение тех приемов накопления богатства, о которых Маркс в эпоху подъема капитализма писал как о «примитивных» и «первобытных». Сюда относится превращение земли в предмет торговли и ее приватизация, насильственное изгнание крестьян с их земель (сравните с описанной выше подобной практикой в Мексике и Китае, где за последние годы, по оценкам, были переселены 70 млн крестьян); превращение разных форм собственности (общей, коллективной, государственной и т. д.) в исключительно частную (особенно часто это происходило в Китае); лишение обычных граждан их прав; превращение трудовых ресурсов в предмет торговли и подавление альтернативных (автохтонных) форм производства и потребления; колониальный, неоколониальный и имперский подход к при-

своению активов (включая природные ресурсы); монетизация процедур обмена и налогообложения, особенно в отношении земли; ростовщичество, национальный долг и, самое отрицательное, — использование кредитной системы как средства радикального накопления путем лишения прав собственности. Государство, обладающее монополией на применение силы и принимающее решение о том, что является законным, играет ключевую роль и в поддержании, и в стимулировании этих процессов. К этому списку можно отнести и массу других приемов, например извлечение прибыли из патентов и прав интеллектуальной собственности, сужение или уничтожение разнообразных форм общественной собственности (например, государственные пенсии, оплачиваемые отпуска, доступность образования и здравоохранения), которых граждане добились ценой многолетней классовой борьбы. Идея приватизировать всю государственную пенсионную систему (впервые это случилось в Китае во времена диктатуры) — одна из целей американских республиканцев.

Накопление путем лишения прав собственности имеет четыре основных составляющих.

1. *Приватизация и превращение всех ресурсов в предмет купли-продажи.* Акционирование, приватизация и превращение в предмет купли-продажи того, что до сих пор было общественной собственностью, стало отличительной чертой неолиберализма. Основной целью этого процесса стало создание новых способов накопления капитала в тех областях, которые до этого считались несовместимыми с расчетом и соображениями выгоды. Всевозможные общественные активы (водоснабжение, телекоммуникации, транспорт), социальные блага (общественное жилье, образование, здравоохранение, пенсии) и даже оборона и военные действия (в качестве примера приведем «армию» частных подрядчиков, работающих бок о бок с регулярной армией в Ираке) — все это было в той или иной мере приватизировано во всем капиталистическом мире и за его пределами (например, в Китае). Права интеллектуальной собст-

венности, установленные посредством так называемых Соглашений по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS) в рамках ВТО, определяют генетические материалы, зародышевую плазму и тому подобные продукты предметом частной собственности. Следовательно, можно получать ренту за право использования таких продуктов с тех стран, которые сыграли ключевую роль в разработке этих генетических материалов. Биологическое пиратство процветает, и растущий запас мировых генетических ресурсов оказывается в распоряжении немногочисленных крупных фармацевтических компаний. Растущая нехватка базовых природных элементов (воды, земли, воздуха) и распространяющаяся деградация окружающей среды, приводящая к необходимости использовать исключительно капиталоемкие сельскохозяйственные технологии, происходят из-за того, что объектом торговли становится сама природа во всех ее проявлениях. Купля-продажа (посредством развития туризма) явлений культуры, истории, продуктов интеллектуального творчества приводит к утере прав собственности (музыкальная индустрия особенно печально знаменита примерами утраты авторами прав собственности и эксплуатации оригинального творчества и культурных явлений). Как и в прошлом, власть государства нередко используется для поддержания этих процессов даже против воли большинства населения. Отказ от законодательных норм, призванных защитить трудящихся и окружающую среду от разрушения, приводит к потере прав. Передача объектов общественной собственности, которых трудящиеся добивались в течение многолетней упорной классовой борьбы (право на государственную пенсию, на пособие, национальную систему здравоохранения) в частные руки стала одним из вопиющих примеров лишения прав, часто совершаемых против воли населения. Все эти процессы приводят к передаче активов из общественной собственности и публичного пользования в частные руки и привилегированным классам¹⁰.

2. *Повышение значимости финансового сектора.* После 1980 года резко возросло значение финансового сектора. Этот процесс был спекулятивным и хищническим. Совокупный ежедневный объем финансовых операций на международных рынках, который составлял в 1983 году 2,3 млрд долл., вырос к 2001 году до 130 млрд долл. Сравните ежегодный оборот в 40 трлн долл. с теми 800 млрд долл., которые необходимы для поддержания международной торговли и инвестиций¹¹. Дерегулирование позволило финансовой системе стать одним из основных центров перераспределения богатства путем спекуляций, хищений, мошенничества и обмана. Торговля акциями, схемы «понци» (названная по имени Карла Понци, который еще в 1921 году изобрел мошенническую финансовую пирамиду.— *Примеч. пер.*), уничтожение структурных активов в результате инфляции, вывод активов в процессе слияний и поглощения, наращивание долга, приводящее к гибели населения, закабаление в счет отработки долга, корпоративное мошенничество, отчуждение активов (разграбление пенсионных фондов и их уничтожение из-за падения акций или банкротства компаний) путем манипуляций с кредитами и акциями — все это часто происходит в капиталистической финансовой системе. Существует бесчисленное число способов краж изнутри финансовой системы. Так как брокеры получают комиссию за каждую сделку, они могут максимизировать личные доходы, совершая сделки между счетами, которые находятся у них в управлении независимо от того, есть ли в этом смысл. Значительные обороты по сделкам на фондовых рынках могут просто означать, что совершается много бесполезных сделок, и это вовсе не является сигналом уверенности агентов в рынке. Рост значимости фондовых ценностей, который связан с тем, что интересы владельцев и управляющих капиталом объединены на основе того, что последние получают опционы в качестве компенсации за работу, привел, как мы знаем, к манипуляциям на рынке, из-за которых единицы

обогатились за счет разорения многих. Нашумевшее банкротство Enron стало символом общего процесса, в ходе которого многие лишились источника средств к существованию и пенсионных сбережений. Кроме того, нельзя не упомянуть обо всех случаях вывода средств через хеджевые фонды и другие финансовые компании, так как именно они и стали передовыми агентами накопления путем лишения прав собственности в мировом масштабе, даже если они, как принято считать, получают прибыли за счет «распределения рисков»¹².

3. *Управление и манипуляции кризисами.* За спекулятивными и часто мошенническими действиями, которые характеризуют большую часть неолиберальных финансовых манипуляций, скрываются более серьезные процессы, которые предполагают распространение «долговой ловушки» в качестве основного средства накопления путем лишения прав собственности¹³. Создание кризисов, управление ими на глобальном уровне превратилось в тонкое искусство осознанного перераспределения богатства от бедных к богатым странам. Выше я уже описал, как повлияло на экономику Мексики повышение Волкером процентных ставок в США. Заявляя о себе как о благородном «спасителе» и поддерживая процесс глобального накопления капитала, США проложили путь к разграблению мексиканской экономики. В этом деле альянс Министерства финансов США, Уолл-стрит и МВФ преуспел по всему миру. Гринспен из Федеральной резервной системы не однажды применял в течение 1990-х ту же волкеровскую тактику. Долговые кризисы в отдельных странах — не такая уж редкость в 1960-х — стали еще более частыми в 1980-х и 1990-х. Вряд ли осталась хотя бы одна развивающаяся страна, которой не коснулся бы кризис. В некоторых случаях, как в странах Латинской Америки, подобные кризисы превращались в настоящие эпидемии. Долговые кризисы разрабатывались, организовывались и контролировались для того, чтобы усовершенствовать систему и обеспе-

чить перераспределение активов. Было подсчитано, что с 1980 года страны с периферии отправили в развитые государства средства, по совокупности превышающие бюджет плана Маршалла в пятьдесят раз (свыше 4,6 трлн долл.). «Какой странный мир, — вздыхает Стиглиц, — в котором бедные, по сути, содержат богатых». То, что неолибералы называют «конфискационной дефляцией», представляет собой не что иное, как накопление путем лишения прав собственности. Вэйд и Венеросо точно ухватили суть этого процесса, когда писали об Азиатском кризисе 1997–1998 годов:

«Финансовые кризисы всегда приводят к переходу прав собственности и власти к тем, кто сохранил собственные активы неприкосновенными и кто имеет возможность предоставлять займы. И Азиатский кризис не стал исключением... нет сомнений в том, что западные и японские корпорации оказались в большом выигрыше... Комбинация масштабного обесценивания активов и финансовой либерализации, навязанные МВФ, может вызвать крупнейший за последние пятьдесят лет переход активов от местных к иностранным владельцам. На этом фоне произошел переход прав собственности от latinoамериканских к американским владельцам в 1980-х, а в Мексике — после 1994 года. Вспомним слова, приписываемые Эндрю Меллону: «Во время депрессии активы возвращаются к своим законным владельцам»¹⁴.

Аналогия с преднамеренным созданием безработицы, чтобы обеспечить избыток трудовых ресурсов, необходимый для продолжения процесса накопления, несомненно, точна. Ценные активы выходят из оборота и тут же теряют ценность. Они так и остаются бесполезными, пока капиталисты не вдохнут в них новую жизнь. Существует, однако, опасность, что кризисы могут выйти из-под контроля и стать общемировыми или что начнутся выступления протеста против породившей их системы. Одна из основных целей вмешательства государства и международных институтов в экономические процессы —

контролировать кризисы и процесс девальвации таким образом, чтобы сохранять возможность накопления путем лишения прав собственности и избежать всеобщего коллапса или роста выступлений протеста (как случилось в Индонезии и Аргентине). Программа структурных преобразований, проводимая Уолл-стрит, Министерством финансов и МВФ, помогает избежать первого, а государственный аппарат (при использовании военной поддержки ведущих государств) страны, в которой разворачивается кризис, должен сделать так, чтобы не произошло второго. Но признаки народного недовольства видны повсюду, и иллюстрацией этого могут служить выступления последователей Батисты в Мексике и выступления всевозможных «антиглобалистских» движений в Сиэтле, Женеве и других местах.

4. *Государственное перераспределение.* Пройдя процесс неолиберализации, государство становится основным агентом политики перераспределения, изменяя направление движения от верхушки общества к простым людям, как это происходило во времена «встроенного либерализма». Вначале государство делает это путем приватизационных схем и сокращений тех государственных расходов, которые связаны с социальными выплатами. Даже если создается ощущение, что приватизация идет на пользу обычным людям, долгосрочные последствия могут быть отрицательными. Например, в первом приближении программа Тэтчер по приватизации государственного жилья в Великобритании выглядела как подарок более бедным гражданам, которые не смогли бы за сравнительно небольшие деньги стать из арендаторов собственниками, получить контроль над ценными активами и приумножить собственное благосостояние. Но после перехода прав собственности на жилье начались спекуляции, особенно в наиболее привлекательных центральных районах, и в итоге небогатые граждане были попросту ограблены или вынуждены уехать на окраины Лондона и других крупных городов, а бывшие районы проживания ра-

бочего класса начали заселяться буржуазией. Расставшись с жильем в центральных районах, кто-то стал бездомным, а кому-то приходится теперь тратить гораздо больше времени, чтобы добраться до своих низкооплачиваемых работ. Приватизация *ejido* в Мексике в 1990-х привела к аналогичным последствиям для будущего мексиканских крестьян, вынудив многих сельских жителей бросить свою землю и переехать в города в поисках работы. Китайское правительство санкционировало переход активов в руки немногочисленной элиты, что отрицательно сказалось на положении большинства населения и вызвало жестоко подавленные протесты. Есть информация о том, что около 350 000 семей (миллион человек) вынуждены теперь переселяться, чтобы дать дорогу процессу перестройки большей части старого Пекина. Последствия оказываются теми же, которые уже видели в Мексике и Великобритании. Муниципалитеты в США, лишившиеся источника средств, сейчас нередко пытаются заработать репутацию дорогого района и выселяют жильцов со средним и невысоким уровнем, чьи дома на самом деле — в полном порядке, чтобы освободить место для дорогой, коммерческой застройки. К тому же таким образом они стремятся увеличить налоговую базу (в штате Нью-Йорк зарегистрировано более шестидесяти подобных случаев)¹⁵.

Неолиберальное государство также перераспределяет богатство и доходы посредством пересмотра налогового кодекса. Более выгодными становятся доходы от инвестиций, а не зарплаты и социальные выплаты, стимулируются регрессивные налоги (например, налог с продаж), вводится плата за пользование разнообразными благами (широко распространенная практика в Китае), корпорациям предоставляются разнообразные субсидии и налоговые льготы. Ставки налогов на корпорации в США постепенно снижаются. Перевыборы Буша были с восторгом восприняты корпоративными лидерами, ожидающими дальнейших сокращений налогового

бремени. Корпоративные программы социальной помощи, существующие сейчас в США на уровне федерации, штата или города, являются основой перераспределения огромных общественных средств в интересах корпораций (напрямую, как в случае с сельскохозяйственным бизнесом, или через посредников — для военно-промышленного комплекса). Это происходит примерно так же, как в ситуации со снижающимися выплатами по кредитам на покупку недвижимости, которые в США выполняют функцию субсидий для наиболее состоятельных владельцев недвижимости и строительной индустрии. Рост контроля и уровня регулирования, а в случае США еще и ограничения незаконопослушных элементов среди населения означают опасный поворот к жесткому общественному контролю. В США процветает тюремно-промышленный комплекс (как и услуги по обеспечению личной безопасности). В развивающихся странах, где противодействие накоплению путем лишения прав собственности может встречать более серьезное сопротивление, неолиберальное государство берет на себя задачу активного подавления оппозиционного движения (участников которого нередко называют «наркоторговцами» или «террористами», чтобы получить возможность воспользоваться военной помощью США, как это было в Колумбии). Другие движения, как Батисты в Мексике или движения потерявших землю крестьян в Бразилии, подавляются государством путем маргинализации и сотрудничества¹⁶.

ВСЕ СТАНОВИТСЯ ОБЪЕКТОМ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Предполагать, что рынки и сигналы с рынков могут стать основой для принятия решения по распределению активов,— это все равно что допустить, что в принципе все можно купить и продать. Превращение чего-то в объект купли-продажи предполагает наличие прав собственности в отношении процессов, объектов, социальных отно-

шений и означает, что для всего может быть установлена цена и что все может быть предметом контракта. Предполагается, что рынок работает как надежный проводник — или как этическая система — для всех действий. Разумеется, на практике каждое общество устанавливает определенные границы процессам купли-продажи. Местоположение этих границ есть предмет затяжных дискуссий. Некоторые наркотики признаны нелегальными. Купля-продажа сексуальных услуг считается незаконной в большинстве штатов США, хотя в других странах такие сделки могут быть вполне законными, не относиться к криминальной области и даже составлять отдельную и регулируемую государством отрасль. Порнография по большей части находится в США под защитой закона и приравнена к свободе слова, хотя и здесь некоторые ее формы (касающиеся в основном детей) признаются вне закона. В США честь и достоинство считаются не подлежащими купле-продаже, и тут существует интересное стремление преследовать «коррупцию», как будто ее так просто отличить от нормальной практики влияния и извлечения прибыли в условиях рынка. Превращение в объект купли-продажи человеческой сексуальности, истории, прошлого; природы как зрелища или средства отдыха; извлечение монопольной ренты из оригинального, истинного и уникального (это относится к предметам искусства, например) — все это означает присвоение цены тем вещам, которые не были изначально созданы для продажи¹⁷. Нередко возникают споры о том, допустимо ли совершать сделки в отношении тех или иных явлений (например, религиозные события или символы), или о том, кто должен обладать правами собственности и получать из этого выгоду (доступ к ацтекским руинам или продвижение на рынок искусства аборигенов).

Неолиберализация, несомненно, отодвинула границы допустимого в отношении превращения предметов и явлений в объект купли-продажи и расширила область, в которой возможно использование контрактов. Как правило, это ведет к кратковременности и недолговечности контрактов (как и учит вся постмодернистская философия) — брак, например, понимается как краткосрочный контракт, а не священная и неразрывная связь. Различие между нео-

либералами и неоконсерваторами частично отражает и различное отношение к тому, где проходит эта грань. Неоконсерваторы, как правило, обвиняют в том, что им кажется утратой морали в социуме, «либералов», «Голливуд» или даже «постмодернистов», а не корпоративных капиталистов (как Руперт Мердок), хотя именно последние на самом деле наносят основной ущерб, навязывая публике всевозможные сексуально ориентированные, если не откровенно скандальные материалы, и не скрывают предпочтений в отношении краткосрочных, а не долгосрочных соглашений в постоянной гонке за прибылью.

Существуют и гораздо более серьезные вопросы, чем просто попытки защитить некие бесценные объекты, определенные ритуалы или особенно близкий нам сегмент общественной жизни от денежного расчета и краткосрочных контрактов. Дело в том, что в основе либеральной и неолиберальной теории лежит необходимость создания рационального рынка земли, труда, денег, ведь они, как отмечал Карл Полањи, «очевидно не являются предметом купли-продажи... определение трудовых ресурсов, земли и денег с позиций торговли совершенно необоснованно». Капитализм не может функционировать без таких надуманных категорий, но неспособность системы осознать неоднозначную реальность приводит к непоправимым последствиям. Полањи в одной из самых знаменитых своих работ пишет так:

«Позволить рыночному механизму единолично определять судьбу человечества и его среды обитания, даже исходя из объема и характера покупательной способности, означало бы уничтожение общества. Признаваемые предметом торговли «трудовые ресурсы» нельзя просто не брать в расчет, использовать без ограничений или оставить без дела, не повливав на того человека, который является носителем этого особого ресурса. Используя способность человека трудиться, система должна принять в расчет физическую, психологическую и моральную составляющую того, что называется человеком. Лишенные защиты со стороны культурных учреждений, люди будут уничтожены под воздействием социума, они умрут от социального беспорядка — преступлений, голода, зависимости. Природа

будет сведена к ее отдельным элементам, отдельные области и районы будут уничтожены, реки загрязнены, возникнет угроза военной безопасности, человек лишится возможности производить пищу и сырье. Время от времени некоторые компании под влиянием рынка и торговых отношений будут исчезать, так как недостаток денег оборачивается не меньшей катастрофой, чем наводнения и засухи в примитивных обществах»¹⁸.

Ущерб, наносимый «потопами и засухами» в области фиктивных капиталов мировой кредитной системе, будь то в Индонезии, Аргентине, Мексике или даже в США, определенно подтверждает правильность последнего аргумента, который выдвинул Поланьи. Но его идеи о трудовых ресурсах и земле требуют разъяснений.

Частные лица выходят на рынок труда, имея определенный характер, связи с той или иной системой социальных отношений — как физические организмы, обладающие определенными характеристиками (фенотип, пол); как личности, накопившие разнообразные навыки (то, что иногда называют «человеческий капитал») и предпочтения (то, что иногда называют «культурный капитал»). Каждый человек связан с какими-то мечтами, желаниями, амбициями, надеждами, сомнениями и страхами. Однако для капиталистов люди — просто фактор производства, хотя и не однородный, так как работодателям нужен труд определенного качества (физическая сила, навыки, гибкость, обучаемость и т. п., в зависимости от задачи). Работники нанимаются на основе контракта, и в рамках неолиберализма предпочтение отдается краткосрочным контрактам, так как именно они обеспечивают максимальную гибкость. Традиционно наниматели использовали дифференциацию трудовых ресурсов, чтобы разделять и властвовать. Рынки труда становятся все более сегментированными, возникают различия по расовому, этническому, половому, религиозному принципу. Все это используется в ущерб наемным работникам. И наоборот — работники могут использовать социальные связи, чтобы получить привилегированный доступ к определенным позициям. Как правило, они стремятся монополизировать навыки и, путем коллективных действий и создания соответствующ-

щих институтов, стремятся регулировать рынок труда с целью защиты собственных интересов. Таким образом, они создают «защитный механизм на основе культурных институтов», о котором и говорит Поланьи.

Неолиберализация стремится уничтожить этот защитный механизм, существование которого допускается, а иногда даже поддерживается в рамках «встроенного либерализма». Атаки на трудовые ресурсы ведутся с двух сторон. Влияние профсоюзов и других трудовых организаций ограничено или нейтрализовано в рамках государства (если необходимо, то и с помощью насилия). Повышается мобильность рынка труда. Прекращение государственных социальных программ и обусловленные развитием технологий изменения в структуре занятости, оставляющие без работы значительные группы трудящихся, окончательно закрепляют доминирование капитала над трудовыми ресурсами. Расколотый и относительно бесправный рабочий класс оказывается на рынке труда, где предлагаются только краткосрочные контракты и всегда на специфических для конкретного случая условиях. Гарантии занятости отходят в прошлое (Тэтчер, например, прекратила практику пожизненного контракта для университетских профессоров). «Система личной ответственности» (как тут подошла терминология Дэн Сяопина!) приходит на смену социальной защите (пенсиям, здравоохранению, защите от травм на рабочем месте), которая раньше была обязательной функцией работодателя и государства. Частные лица обращаются к рынку в поисках социальной защиты. Индивидуальная безопасность становится вопросом личного выбора и оказывается связанной с доступностью финансовых продуктов в условиях рискованных финансовых рынков.

В то же время атака на трудовые ресурсы предполагает трансформацию самого рынка труда в пространственно-временных координатах. Можно много заработать, стремясь найти наиболее дешевую и покорную рабочую силу, но благодаря географической мобильности капитал может доминировать над гораздо менее мобильной рабочей силой. Ограничения в отношении иммиграции приводят к избытку рабочей силы. Этот барьер можно преодолеть только с помощью нелегальной иммиграции (что приво-

дит к появлению рабочих ресурсов, которые эксплуатируются оказывается еще проще) или путем краткосрочных контрактов, которые позволяют, например, мексиканским рабочим работать на сельскохозяйственных компаниях Калифорнии. Их, впрочем, хладнокровно отправляют обратно в Мексику в случае болезни или смерти от пестицидов, с которыми им приходится иметь дело.

В условиях неолиберализации возникло явление под названием «дешевый, или одноразовый, работник»¹⁹. Существует масса свидетельств нечеловеческих условий и потогонной системы, в которых трудятся рабочие по всему миру. В Китае молодые женщины, приезжающие из сельских районов в города, работают в ужасающих условиях: «невыносимо долгая рабочая смена, отвратительная еда, тесные общежития, менеджеры-садисты, которые избивают и унижают работниц; зарплата выплачивается с опозданием в несколько месяцев, а то и вовсе не выплачивается»²⁰. В Индонезии две молодых женщины так вспоминают о своей работе на предприятии сингапурского подрядчика компании Levi Strauss:

«Нас регулярно унижают, и это никого не удивляет. Когда босс сердится, он называет женщин собаками, свиньями, шлюхами — а мы должны все это терпеливо сносить. Официально мы работаем с семи утра до трех (при зарплате менее 2 долл. в день), но нас всегда заставляют работать дольше, иногда, особенно если есть срочный заказ, и до девяти. Какими бы уставшими мы ни были, нам нельзя уйти. Нам могут заплатить лишние 200 рупий (10 центов)... Мы ходим на фабрику пешком. Внутри очень жарко. На здании — железная крыша, а внутри здания места для рабочих мало. Очень тесно. Здесь работает больше 200 человек, в основном женщины, и на всю фабрику только один туалет... Когда мы приходим домой после работы, у нас нет сил ни на что, кроме как поесть и спать...»²¹

Похожие истории рассказывают и о мексиканских фабриках *taquila*, тайваньских и корейских заводах в Гондурасе, Южной Африке, Малайзии, Таиланде. Угроза здоровью, работа с открытыми токсичными веществами, смерть на производстве остаются никем не замеченными.

В Шанхае тайваньский бизнесмен, владеющий текстильным складом, «в котором 61 рабочий были заперты внутри, сгорели при пожаре», получил два года условного наказания благодаря тому, что «выразил раскаяние» и «сотрудничал с властями в процессе расследования происшествия»²².

В подобных ситуациях основными жертвами становятся женщины и дети²³. Социальные последствия неолиберализации доходят до крайности. Накопление путем лишения прав собственности лишает женщин тех прав, которыми они обладали в рамках домохозяйств и при традиционных социальных системах. Эти права перераспределяются в пользу рынков ресурсов и денег, находящихся под контролем мужчин. Процесс освобождения женщин от традиционного патриархата в развивающихся странах приводит к тому, что женщины вынуждены трудиться либо на примитивных работах на производстве, либо использовать свою сексуальность на таких работах, как метрдотель, официантка или проститутка (одна из наиболее выгодных отраслей, напрямую связанная с использованием рабских условий). Потеря социальной защиты в развитых капиталистических странах оказала особенно негативный эффект на женщин из более низких социальных слоев. Во многих из бывших республик советского блока потеря женщинами своих прав в процессе неолиберализации стала настоящей катастрофой.

Как же «одноразовые рабочие» — особенно женщины — выживают социально и эмоционально в условиях гибкого рынка труда и краткосрочных контрактов, отсутствия гарантий занятости, отсутствия социальной защиты, изнуряющего труда, среди развалин общественных институтов, которые раньше давали им хоть какую-то поддержку и помогали сохранить достоинство? Для некоторых рост мобильности рынка стал преимуществом, и даже когда это не дает материальных выгод, само по себе право сменить работу относительно просто и независимо от традиционных социальных ограничений патриархата и семьи есть огромное преимущество. Для тех, кто успешно ведет переговоры на рынке труда, мир капиталистической культуры потребления несет, кажется, бесконечное число преимуществ. К сожалению, эта культура, какой бы великолепной, гламурной, обольстительной она ни была, постоянно ведет игру с желаниями, ни-

когда их не удовлетворяя. Людей манят витрины торговых центров, мучают тревоги, связанные со статусом и необходимостью хорошо выглядеть (особенно — для женщин) или обладать некими материальными ценностями. «Я покупаю, следовательно, существую» — собственнический индивидуализм создает мир псевдудовольствий, которые на поверхности кажутся увлекательными, но, по сути, пусты.

Для тех, кто потерял работу или кто так и не смог выбраться из системы неформальной экономики, которая становится убежищем для большинства дешевых работников, все обстоит совсем иначе. Около 2 млрд человек обречены выживать менее чем на 2 долл. в день. Для них жесткий мир капиталистической культуры потребления, огромные доходы в финансовой области, самодовольные разговоры о том, как неолиберализация, приватизация и личная ответственность способствуют эмансипации, кажутся слишком жестокой шуткой. От обедневших сельских районов Китая до влиятельных Соединенных Штатов потеря системы здравоохранения и рост всевозможных налогов увеличивает финансовое бремя бедных²⁴.

Неолиберализация изменила положение трудящихся, женщин, коренного населения в социальной системе, сделав труд обычным предметом купли-продажи. Лишенные защиты демократических институтов, находящиеся под угрозой социальных перемен «дешевые» работники неизбежно прибегают к альтернативным институтам, с помощью которых можно воссоздать социальное единство и выразить коллективную волю. Появляются банды и криминальные картели, сети наркоторговли, мафиозные группы и труппные шайки, местные, стихийные и неправительственные организации, светские культы и религиозные секты. Все это — социальные образования, которые заполняют пустоту, появляющуюся тогда, когда государственная власть, политические партии и другие институты исчезают или теряют активность в качестве центров коллективных действий и социальных связей. Общество вновь обращается к религии. Подтверждением этих тенденций становится неожиданное появление и расцвет религиозных сект в заброшенных сельских районах Китая или появление Fulan Gong (псевдорелигиозное движение,

якобы предлагающее новый вид медитаций. Запрещено в Китае с 1999 года «как угроза социальной и политической стабильности». — *Примеч. пер.*)²⁵. Рост популярности протестантских проповедников, происходящий в ходе неолиберализации в странах Латинской Америки в условиях хаотичной неформальной экономики, и возрождение новых религиозных общин и фундаментализма, которые становятся частью политического мира в Африке и на Ближнем Востоке, подтверждают потребность в создании значимых механизмов социального единства. Распространение протестантского фундаментализма в США в некоторой степени связано с ростом нестабильности в сфере занятости, утратой других форм социальной общности, пустотой капиталистической потребительской культуры. По мнению Томаса Франка, религиозное движение активизировалось в Канзасе только в конце 1980-х, после более чем десятилетия неолиберальных реструктуризации и деиндустриализации²⁶. Связь между этими событиями может показаться несколько натянутой. Но если прав Поланьи, и отношение к труду как к стандартному ресурсу приводит к социальным смещениям, то попытки перестроить общественные связи, чтобы защититься от угрозы, становятся все более вероятными.

Ухудшение состояния окружающей среды

Применение краткосрочной контрактной логики к проблемам окружающей среды имеет катастрофические последствия. К счастью, среди неолибералов нет однозначной точки зрения на вопросы экологии. Рейгана все эти вопросы вообще не заботили; в какой-то момент он даже предлагал считать деревья основным источником загрязнения воздуха. Тэтчер же относилась к вопросам окружающей среды серьезно. Она активно участвовала в обсуждении монреальского протокола об ограничении использования хлорфторуглерода, вызывающего рост озоновой дыры над Антарктикой. Она ответственно отнеслась к угрозе глобального потепления из-за повышения уровня углекислоты. Ее забота об окружающей среде не была, разумеется, совсем уж бескорыстной и стала

частичным оправданием закрытия угольных шахт и уничтожения профсоюза горняков.

Разные неолиберальные государства проводят неодинаковую политику в отношении окружающей среды, она зависит от географического расположения государства и переменчива (в зависимости от того, кто держит в руках государственную власть; администрации Рейгана и Джорджа Буша оказались совершенными ретроgrадами). С 1970-х движение в защиту окружающей среды приобретало растущее значение и нередко выступало в качестве сдерживающего фактора. А в некоторых случаях и сами предприятия обнаруживали, что рост эффективности и уменьшение отрицательного влияния на окружающую среду могут происходить одновременно. Тем не менее совокупные последствия неолиберализации для окружающей среды были скорее отрицательными. Серьезные, хотя и не всегда успешные усилия были приложены к тому, чтобы выработать показатели благополучия жителей отдельных стран, в которые включалась бы и охрана среды при ее трансформации. Начиная с 1970-х годов динамика этих показателей имеет негативный тренд. Существует немало примеров конкретных экологических проблем, возникших из-за неограниченного применения неолиберальных принципов. Продолжающееся с 1970-х уничтожение тропических лесов — хорошо известный пример того, какие последствия может иметь изменение климата и утрата биологического многообразия. Эра неолиберализации стала также эрой самого быстрого и массового исчезновения видов флоры и фауны за всю историю Земли²⁷. Мы входим в опасную фазу трансформации глобальной среды, особенно климата, превращая Землю в негодное для человеческого обитания место, и дальнейшее применение неолиберальной этики и практики неолиберализации наверняка будет иметь необратимые последствия. Подход администрации Буша к проблемам окружающей среды заключается, как правило, в том, что ставится под сомнение обоснованность опасений ученых и не меняется ровным счетом ничего (кроме сокращения расходов на научные исследования). Собственная исследовательская команда Буша сообщает о резком росте влияния деятельности челове-

ства на процессы потепления после 1970-х. Пентагон утверждает, что в долгосрочной перспективе глобальное потепление может оказаться более серьезной угрозой безопасности США, чем терроризм²⁸. Интересно, что основными виновниками роста выбросов углекислого газа в последние годы стали два локомотива мировой экономики — США и Китай (который за последнее десятилетие увеличил выбросы на 45%). В США серьезный прогресс был достигнут в деле повышения энергосбережения в промышленности и жилищном строительстве. Расточительство в этих областях в значительной степени связано с неумеренным консюмеризмом, по-прежнему стимулирующим рост потребления энергии в растущих пригородах и мегаполисах, и культурой, в которой предпочтение отдается неэкономичным в отношении топлива внедорожникам, а не более эффективным автомобилям. Рост зависимости США от импорта нефти имеет очевидные геополитические последствия. В случае с Китаем скорость индустриализации и рост числа автомобилей увеличивает потребление энергии вдвое. Китай превратился из самодостаточного производителя нефти, каким он был в 1980-е годы, во второго по величине импортера после США. Геополитических последствий и здесь немало, так как Китай стремится приобрести влияние в Судане, Центральной Азии, на Ближнем Востоке, чтобы обеспечить себе поставки нефти. Китай также использует уголь довольно низкого качества, с высоким содержанием серы, что тоже приводит к серьезным экологическим проблемам, которые тоже способствуют глобальному потеплению. Более того, зная об остром дефиците энергии в китайской экономике, где нередко принудительные ограничения нагрузки в электрических сетях и даже отключения электричества, руководители на местах вовсе не заинтересованы в том, чтобы следовать приказам правительства и закрывать неэффективные и «грязные» электростанции. Невероятный рост числа автомобилей, замещающих велосипеды в Пекине и других крупных городах в последние 10 лет, привел к тому, что сейчас шестнадцать из двадцати городов мира с наихудшим состоянием воздуха находятся в Китае²⁹. Влияние на глобальное потепление здесь очевидно. Как и случается

обычно на этапах глобальной индустриализации, неспособность принимать в расчет экологические последствия приводит к разрушительным результатам. Реки загрязнены, в питьевой воде полно вредных примесей, вызывающих рак, общественная система здравоохранения слаба (как стало очевидно после эпидемии атипичной пневмонии и птичьего гриппа). Быстрая передача сельскохозяйственных земель городам, использование этих земель под масштабные энергетические проекты (как в долине Янцзы) приводят к возникновению комплекса экологических проблем, на который центральное правительство только сейчас начинает обращать внимание. Китай — не единственная страна, где имеются подобные проблемы. Быстрый рост экономики Индии также сопровождается негативными изменениями среды, связанными с ростом потребления и интенсификацией добычи ресурсов.

Неолиберализация имеет довольно печальную репутацию во всем, что касается использования природных ресурсов. Причины не так сложно разглядеть. Предпочтения отдаются краткосрочным контрактным отношениям, что стимулирует максимально интенсивную добычу, пока не закончился контракт. Контракты могут возобновляться, но всегда существует неопределенность, связанная с обнаружением новых источников. Максимально возможный срок разработки месторождения напрямую связан со ставкой дисконтирования (и составляет около 25 лет), но большая часть контрактов заключается на гораздо меньший срок. Долгое время считалось, что процесс истощения запасов линейный, но становится все более очевидным, что экологические системы после определенного момента разрушаются быстрее, чем на предыдущих этапах, и их естественное воспроизводство становится невозможным. Рыбные ресурсы — сардины у берегов Калифорнии, треска в районе Ньюфаундленда, чилийский морской волк — классические примеры неожиданного исчезновения природных запасов после эксплуатации в «оптимальном режиме»³⁰. Неожиданными, хотя и менее драматичными, оказываются проблемы с лесными ресурсами. Неолибералы настаивают на их приватизации, что делает сложным установление любых глобальных соглашений о принципах

управления лесными ресурсами с целью защиты мест обитания флоры и фауны и биологического разнообразия, особенно в тропических лесах. Более бедные страны, располагающие серьезными лесными ресурсами, вынуждены увеличивать экспорт и разрешать иностранцам владеть правами собственности или концессиями, а это означает полный отказ от системы защиты лесов. Излишняя эксплуатация лесных ресурсов после приватизации в Чили — наглядный пример. Программы структурных преобразований, проводимые МВФ, оказывают еще более негативное воздействие. Навязанная бюджетная экономия означает, что более бедные страны имеют меньше средств для усовершенствования системы управления лесами. Их вынуждают приватизировать леса и позволять их вырубку иностранным компаниям на основе краткосрочных контрактов. Стремясь заработать больше валюты, чтобы расплатиться с внешним долгом, эти страны допускают излишнюю вырубку. Более того, в условиях предлагаемой МВФ бюджетной экономии и роста безработицы население в поисках средств к существованию тоже начинает участвовать в неограниченном уничтожении леса. Излюбленным методом освобождения земли от лесов является тривиальное сжигание. Оставшиеся без земли крестьяне вместе с лесозаготовительными компаниями могут в короткий срок уничтожить огромные лесные массивы, как это случилось в Бразилии, Индонезии и некоторых странах Африки³¹. Непроста (и не без участия одной лесозаготовительной компании, принадлежащей богатым китайским бизнесменам из окружения Сухарто) в разгар налогового кризиса 1997—1998 годов, когда миллионы потеряли работу, на Суматре начались неуправляемые лесные пожары. Вызванная ими дымовая завеса накрыла всю Юго-Восточную Азию на несколько месяцев. Только когда государства и прочие заинтересованные стороны готовы противостоять неолиберальным правилам и связанным с ними классовым интересам — и это случалось не один раз, — становятся возможны хотя бы небольшие подвижки в направлении сбалансированного использования природных ресурсов.

О ПРАВАХ

Неолиберализация породила внутри себя значительную оппозиционную культуру. Оппозиция, однако, нередко принимает многие из основополагающих постулатов неолиберализма, фокусируясь на внутренних противоречиях и сопоставляя, например, вопросы индивидуальных прав и свобод с авторитаризмом и нередкой непоследовательностью политической, экономической и классовой власти. Ссылаясь на рассуждения неолибералов об улучшении благосостояния всех, оппозиционеры обвиняют их в несоответствии своим же заявлениям. Рассмотрим, например, первый существенный абзац такого основополагающего неолиберального документа, как соглашение ВТО. Его цель такова:

«Повышение уровня жизни, обеспечение полной занятости, серьезного и стабильного роста реальных доходов и эффективного спроса, расширение производства и торговли товарами и услугами одновременно с обеспечением оптимизации использования мировых ресурсов в соответствии с целями устойчивого развития, стремление защитить и сохранить окружающую среду и усовершенствовать соответствующие механизмы так, чтобы соответствовать потребностям и нуждам на разных уровнях экономического развития»³².

Похожие ханжеские заявления содержатся и в заявлениях Всемирного банка («снижение бедности — наша основная задача»). Они никак не сочетаются с реальными действиями, которые только способствуют восстановлению или созданию классовой власти и приводят к обеднению населения и ухудшению состояния окружающей среды.

Растущая оппозиция нарушению прав стала особенно заметна начиная с 1980 года. До того, как пишет Чандлер, такие уважаемые журналы, как *Foreign Affairs*, не опубликовали ни одной статьи о правах человека³³. Подобным вопросам стали уделять внимание после 1980-го, особенно после событий на площади Тяньаньмэнь и с конца «холодной войны» в 1989 году. Это полностью соответствует распространению неолиберализма, и оба движения тесно свя-

заны друг с другом. Несомненно, влияние неолиберализма как основы политической и экономической жизни на индивида создает условия для возникновения движений за частные права. Концентрируя внимание именно на этих правах, а не на процессе создания или восстановления серьезных и открытых структур демократического управления, оппозиция культивирует методы, которые не могут выйти за неолиберальные рамки. Неолиберальная забота об индивиде перекрывает любое социал-демократическое беспокойство о равенстве, демократии, социальном единстве. Постоянные призывы оппозиции к судебным разбирательствам соответствуют взглядам неолибералов, которые отдают предпочтение юридическим и исполнительным приемам, а не парламентской власти. Легальный путь слишком дорог и требует серьезного времени. Суды, как правило, встают на сторону интересов правящего класса, подтверждая свою обычную классовую лояльность. Судебные решения выносятся в соответствии с интересами частной собственности и нормами прибыли, а не равенства и социальной справедливости. Чандлер делает вывод, что «разочарование либеральной элиты в обычных людях и политических процессах приводит к тому, что она все больше сосредотачивается на индивидах, облеченных властью, и обращении с проблемами к судье, который должен принять решение»³⁴.

Так как у большинства людей нет финансовых ресурсов, достаточных для того, чтобы отстаивать собственные права, единственный способ реализации такого подхода — формирование правозащитных групп. Развитие правозащитного движения и неправительственных организаций, как и рассуждения о праве вообще, сопровождало неолиберальный поворот и заметно активизировалось в 1980-х. Неправительственные общественные организации нередко заполняют вакуум в социальном устройстве, возникший после того, как государство перестало исполнять свои функции. В некоторых случаях это способствовало дальнейшему сокращению вмешательства государства. Таким образом, общественные организации действуют как «троянский конь в стане мирового неолиберализма»³⁵. Кроме того, они вовсе не обязательно являются демократически-

ми, так как нередко действуют в интересах элиты, на них никто не может серьезно рассчитывать (за исключением их спонсоров). Они по определению стоят довольно далеко от тех, кто ищет их защиты или помощи, — независимо от того, насколько эти организации стремятся быть прогрессивными. Общественные организации часто скрывают свои истинные цели, предпочитая прямые переговоры или воздействие на государство и влиятельные классы. Они часто контролируют своих клиентов, а не представляют их интересы. Они стремятся и берут на себя смелость выступать от имени тех, кто якобы не может говорить за себя, и даже определять интересы представляемых ими лиц (как будто люди не могут это сделать сами). Но легитимность их статуса часто вызывает большие сомнения. Когда организации поднимают шум с целью запретить использование детского труда на производстве в масштабах всего человечества, они могут отрицательно влиять на экономику тех стран, где от такого труда зависит выживание семьи. Не имея возможности найти для детей работу, семьи бывают вынуждены допускать занятие своих детей проституцией (здесь уже может выступить другая правозащитная группа). Единообразие в методах ведения переговоров о правах и стремление неправительственных организаций и правозащитных групп повсеместно утвердить единые принципы не соответствуют местным особенностям и реальным практикам политической и экономической жизни в условиях неолиберализации и превращения ценностей общества в объект купли-продажи³⁶.

Есть и другая причина, по которой эта оппозиционная культура приобрела такое влияние в последние годы. Накопление путем лишения прав собственности предполагает совершенно новые приемы накопления и расширение практики применения наемного труда в промышленности и сельском хозяйстве. В этой области происходили основные процессы накопления капитала в 1950-е и 1960-е годы, и именно здесь зародилась оппозиционная культура (схожая с той, что является основой профсоюзов и политических партий рабочего класса), которая привела к появлению «встроенного либерализма». Лишение прав собственности одновременно фрагментированно и неод-

народно — тут приватизация, там — ухудшение состояния окружающей среды, еще где-то — финансовый кризис или рост внешнего долга. Сложно противостоять таким разнообразным процессам, особенно если не иметь опоры на универсальные принципы. Лишение прав собственности означает потерю прав. Отсюда обращение к универсальным категориям — правам человека, достоинству, устойчивым экологическим принципам, защите окружающей среды и тому подобному — как к основе для единой оппозиционной политической платформы.

Обращение к универсальным правам — обоюдоострый меч. Его можно использовать в прогрессивных целях. Традицию, наиболее успешно представленную Amnesty International, Médecins sans Frontières и другими организациями, нельзя считать простым придатком неолиберального мышления. История гуманизма (и западного, классического либерального, и его разнообразных незападных версий) слишком сложна для такого упрощения. Но во многих случаях при ограниченных целях правозащитников (к примеру, Amnesty до недавнего времени фокусировалась исключительно на гражданских и политических, а не на экономических правах) их несложно включить в неолиберальную модель. Универсализм особенно хорошо сочетается с глобальными вопросами — изменения климата, озоновая дыра, утрата биологического разнообразия из-за разрушения естественной среды обитания. Добиться же результатов в области гражданских прав не так просто, особенно если учесть разнообразие политических и экономических обстоятельств и культурных особенностей. Более того, вопросы гражданских прав нередко используются в интересах «имперских мечей» (если использовать язвительную характеристику Бартоломью и Брейкспира)³⁷. Так называемые «либеральные ястребы» в США, например, прикрывались борьбой за гражданские права, чтобы оправдать империалистическую интервенцию в Косове, Восточном Тиморе, Гаити, Афганистане и Ираке. Они оправдывают «военный гуманизм во имя защиты свободы, прав человека и демократии, даже когда империалистическая держава ведет одностороннюю борьбу», как в случае США³⁸. Сложно не согласиться с Чандлером в том,

что «корни сегодняшнего гуманитаризма, основанного на правах человека, лежат в одобрении вмешательства Запада во внутренние дела развивающегося мира еще с 1970-х годов». Основной аргумент здесь связан с тем, что «международные институты, международные и внутренние суды, неправительственные организации и комитеты по этике могут лучше представлять интересы людей, чем законно избранное правительство. Правительства и выборных представителей воспринимают с подозрением и не потому, что они несут ответственность за избирателей, а потому что якобы имеют «особый» интерес и не могут действовать исключительно на основе этических принципов»³⁹. Внутри отдельных стран происходят такие же скрытые процессы. В результате угасают «общественные политические споры, так как легитимной признается роль юридических и невыборных сил и комитетов по этике в процессе принятия решений». Влияние на политику может быть негативным. «Не решая проблемы индивидуальной изоляции и пассивности в рамках наших раздробленных обществ, правозащитные движения только закрепляют это разделение». Более того, «из-за деятельности правозащитников общество перестает воспринимать реальность, а это, как и любая элитарная теория, поддерживает самоуверенность правящего класса»⁴⁰.

Подобная критика может приводить к отказу от любых обобщений как неизбежно ошибочных и прекращению любых разговоров о правах как несостоятельных и навязывающих абстрактную, рыночную этику в качестве прикрытия процесса восстановления классовой власти. Оба подхода нуждаются в серьезном анализе, но я думаю, что не стоит оставлять правозащитную деятельность на откуп неолиберализму. Тут еще предстоит борьба, и не только в отношении того, какие обобщения или права должны возникать в той или иной ситуации, но и о том, как должны быть организованы универсальные принципы и система прав. Нас должно насторожить искажение связи между неолиберализмом как особым набором политических и экономических инструментов и ростом популярности универсальных прав как этической основы моральной и политической легитимности. Декреты Бремера навязыва-

ют определенный комплекс прав в отношении Ирака. В то же время они нарушают права граждан Ирака на самоопределение. «Из двух прав,— как заметил Маркс,— побеждает сила»⁴¹. Если восстановление классовости предполагает навязывание определенного набора правил, то сопротивление такому навязыванию равноценно борьбе за совершенно другие права.

Положительный аспект правосудия как права заключается в стимулировании политических движений: борьба против бесправия часто объединялась с выступлениями в поддержку социальных преобразований. Вдохновляющая история движения за социальные права в США есть тому наглядное подтверждение. Проблема, разумеется, состоит в том, что в мире существует бесчисленное количество концепций правосудия. Анализ показывает, что основные социальные процессы возникают и основываются на вполне определенных концепциях прав и справедливости. Подвергнуть сомнению эти права означает подвергнуть сомнению поддерживающие их социальные процессы. И наоборот, невозможно лишить общество некоторых ключевых социальных процессов (накопление капитала на основе рыночного обмена) и взамен ввести другие (политическая демократия и коллективные действия) без одновременного сдвига в предпочтениях от одной концепции справедливости и права к другой. Недостаток любого идеалистического определения справедливости и права состоит как раз в том, что оно скрывает эту взаимосвязь. Только при выявлении реальных социальных процессов перемены могут приобретать общественное значение⁴².

Рассмотрим пример неолиберализма. Два основных объекта власти становятся основой для формирования системы права — территориальное государство и капитал⁵⁰. Сколько бы мы ни стремились к тому, чтобы права стали универсальными, их существование обеспечивает государство. Без политической власти права ничего не значат. Получается, что права есть производная от гражданства и зависят от него. Тогда возникает вопрос о территориальной юрисдикции. Появляются сложные вопросы, связанные с людьми без гражданства и нелегальными иммигрантами. Становится важным, кто является или не является

гражданином, от этого зависит включение или невключение людей в систему в рамках территориального определения государства. Как государство реализует суверенитет в отношении прав — это особый вопрос, но и на суверенитет (как становится ясным в Китае) глобальные правила налагают определенные ограничения, которые являются неотъемлемой частью неолиберального процесса накопления капитала. Национальное государство с его монополией на легитимные формы насилия может, в соответствии с теорией Гоббса, определять собственную систему прав и лишь до некоторой степени подчиняться международным соглашениям. США настаивают на своем праве не отвечать за преступления против человечества на мировой арене и в то же время утверждают, что военные преступники из других стран должны отвечать перед законом и тем самым судом, чью власть они не признают в отношении собственных граждан.

Жить в рамках неолиберализма означает принимать или подчиняться тому своду законов, которые необходимы для накопления капитала. Мы живем в обществе, где неотъемлемые права граждан (корпорации перед лицом закона приравниваются к индивидам) на частную собственность и норму прибыли превалируют над любой другой системой неотъемлемых прав. Защитники такого подхода утверждают, что он стимулирует «буржуазные ценности», без которых всем в мире пришлось бы гораздо хуже. Сюда относятся личная ответственность; независимость от государственного вмешательства (что нередко ставит такой комплекс прав в прямую оппозицию государственным законам); равенство всех перед законом и рыночными возможностями; поощрение инициативы и предпринимательства; забота о себе и собственном благе; открытый рынок, обеспечивающий широкие свободы выбора в отношении договора и обмена. Такая система прав кажется еще более убедительной, когда переносится на права частной собственности (что является основой права личности на свободное вступление в соглашение о продаже своих трудовых качеств, права требовать достойного отношения к себе и свободы от физического принуждения или рабства), а также права на свободу мысли и самовыражения. Эти

производные права крайне привлекательны. Многие во всю пользуются ими. Но все же необходимо помнить, что мы, как попрошайки, живем за счет объедков с богатого стола.

Я не могу никого убедить силой философской полемики в том, что неолиберальная система права несправедлива. Претензии к этой системе права просты: ее принятие означает согласие с тем, что у нас нет другого выбора, кроме постоянного накопления капитала и постоянного экономического роста, какими бы ни были социальные, экологические или политические последствия. Бесконечное накопление капитала предполагает, что неолиберальный режим права должен географически распространиться по всему миру с помощью насилия (как в Чили и Ираке), на основе империалистических методов (как те, что применяются ВТО, МВФ, Всемирным банком) или путем примитивного накопления (как в Китае и России), если нужно. Всеми правдами и неправдами по всему миру установятся неотъемлемые права на частную собственность и норму прибыли. Именно это и имел в виду Буш, говоря о том, что США борются за установление свободы во всем мире.

Но этим не исчерпываются доступные нам права. Даже в рамках либеральной концепции, изложенной в Хартии ООН, существуют производные права – свобода слова и самовыражения, образования и экономической безопасности, права на образование союзов и т. п. Усиление этих прав стало бы серьезным вызовом неолиберализму. Если сделать эти производные права основными, а права в отношении частной собственности и нормы прибыли – производными, это приведет к радикальному изменению политико-экономических инструментов. Существуют и совершенно иные концепции прав – например, касающиеся доступа к мировым ресурсам или гарантий реализации базовых потребностей в продовольствии. «Из двух прав побеждает сила». Политическая борьба за надлежащее формирование прав и даже за свободу как таковую изменится в поисках альтернатив.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Marx K., *Theories of Surplus Value*, pt. 2 (London: Lawrence & Wishart, 1969), 200.
2. Gray J., *False Dawn: The Illusions of Global Capitalism* (London: Granta Press, 1998).
3. Bond, "US and Global Economic Volatility".
4. Наиболее исчерпывающие официальные заявления можно найти в документах Всемирной Комиссии по социальным последствиям глобализации (World Commission on the Social Dimension of Globalization) *A Fair Globalization: Creating Opportunities for All* (Geneva, International Labour Office, 2004); Программа развития ООН, *Human Development Report*, 199; *Human Development Report*, 2003.
5. Weisbrot M., D. Baker, E. Kraev, J. Chen, "The Scorecard on Globalization 1980–2000: Its Consequences for Economic and Social Well-Being" в работе Navarro V. and C. Muntaner, *Political and Economic Determinants of Population Health and Well-Being* (Amityville, NY: Baywood, 2007), 91–114.
6. Monbiot G., "Punitive – and It Works", *Guardian*, 11 January 2005, публикация online.
7. Henwood, *After the New Economy*. G. Duménil, D. Lévy, *Capital Resurgent*, fig. 17.1.
8. Существует масса публикаций на тему глобализации. Свою точку зрения я высказал в работе Harvey, *Spaces of Hope*.
9. Ibid., ch. 4.
10. Derthick M. and P. Quirk, *The Politics of Deregulation* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 1985); Megginson W., J. Netter, "From State to Market: A Survey of Empirical Studies of Privatization", *Journal of Economic Literature* (2001), online.
11. Dicken, *Global Shift*, ch. 13.
12. Панич и Гиндин подчеркивают роль производных финансовых инструментов в процессе распределения рисков и выполнения лидерских функций "Finance and American Empire"; S. Soederberg, "The New International Financial Architecture: Imposed Leadership and 'Emerging Markets'", *Socialist Register* (2002), 175–92.
13. Corbridge, *Debt and Development*; S. George, *A Fate Worse Than Debt* (New York: Grove Press, 1988).
14. Toussaint E., *Your Money or Your Life: The Tyranny of Global Finance* (London: Pluto Press, 2003); J. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*, 225; Wade R. and F. Veneroso, "The Asian Crisis", 21.

15. Farah J., "Brute Tyranny in China", WorldNetDaily.com, опубликовано 15 марта 2004; I. Peterson, "As Land Goes To Revitalization, There Go the Old Neighbors", *New York Times*, 30 January 2005, 29 and 32.
16. Holloway J. and E. Pelaez, *Zapatista: Reinventing Revolution* (London: Pluto, 1998); J. Stedile, "Brazil's Landless Battalions" в книге T. Mertes (ed.) *A Movement of Movements* (London: Verso, 2004).
17. Harvey D., "The Art of Rent: Globalization, Monopoly and the Commodification of Culture", *Socialist Register* (2002), 93–110.
18. Polanyi K., *The Great Transformation*, 73.
19. Bales K., *Disposable People: New Slavery in the Global Economy* (Berkeley: University of California Press, 2000); M. Wright, "The Dialectics of Still Life: Murder, Women and the Maquiladoras", *Public Culture*, 11 (1999), 453–74.
20. Ross A., *Low Pay High Profile: The Global Push for Fair Labor* (New York: The New Press, 2004), 124.
21. Seabrook J., *In the Cities of the South: Scenes from a Developing World* (London: Verso, 1996), 103.
22. Sommer J., "A Dragon Let Loose on the Land: And Shanghai is at the Epicenter of China's Economic Boom", *Japan Times*, 26 October 1994, 3.
23. Lee C.K., *Gender and the South China Miracle* (Berkeley: University of California Press, 1998); C. Cartier, *Globalizing South China* (Oxford: Basil Blackwell, 2001), особенно глава 6.
24. Глобальное влияние обсуждается в деталях в работе Navarro *The Political Economy of Social Inequalities*; Navarro V. and C. Muntaner, *Political and Economic Determinants*.
25. J. Kahn, "Violence Taints Religion's Solace for China's Poor", *New York Times*, 25 November 2004, A1 and A24.
26. Frank, *What's the Matter with Kansas*.
27. Myers N., *Ultimate Security: The Environmental Basis of Political Stability* (New York: Norton, 1993). Тот же автор, *The Primary Resource: Tropical Forests and Our Future/Updated for the 1990s* (New York: Norton, 1993); Novacek M. (ed.), *The Biodiversity Crisis: Losing What Counts* (New York: American Museum of Natural History, 2001).
28. Научная программа изменения климата "Our Changing Planet: The US Climate Change Science Program for Fiscal Years 2004 and 2005", <http://www.usgcrp.gov/usgcrp/Library/ocp2004-5>; M. Townsend and P. Harris, "Now the Pentagon Tells Bush: Climate Change Will Destroy Us", *Observer*, 22 February 2004, online.

29. Bradsher K., "China's Boom Adds to Global Warming", *New York Times*, 22 October 2003, A1 and A8; J. Yardley, "Rivers Run Black, and Chinese Die of Cancer", *New York Times*, 12 September 2004, A1 and A17; D. Murphy, "Chinese Province: Stinking, Filthy, Rich", *Wall Street Journal*, 27 October 2004, B2H.
30. Petras J. and H. Veltmeyer, *System in Crisis*, ch. 6.
31. American Lands Alliance, "IMF Policies Lead to Global Deforestation", <http://americanlands.org/imfreport.htm>.
32. Rodrik D., *The Global Governance of Trade: As If Development Really Mattered* (New York: United Nations Development Program, 2001), 9.
33. Chandler D., *From Kosovo to Kabul: Human Rights and International Intervention* (London: Pluto Press, 2002), 89.
34. *Ibid.*, 230.
35. Wallace T., "NGO Dilemmas: Trojan Horses for Global Neoliberalism?", *Socialist Register* (2003), 202–19. Более общее исследование роли неправительственных организаций приведено в работе Edwards, M., Hulme, D., (eds.), *Non-Governmental Organizations: Performance and Accountability* (London: Earthscan, 1995).
36. Gill L., *Teetering on the Rim* (New York: Columbia University Press, 2000); Cowan J., M.-B. Dembour, R. Wilson (eds.), *Culture and Rights: Anthropological Perspectives* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001).
37. Bartholomew A., J. Breakspear, "Human Rights as Swords of Empire", *Socialist Register* (London: Merlin Press, 2003), 124–45.
38. *Ibid.*, 126.
39. Chandler, *From Kosovo to Kabul*, 27, 218.
40. *Ibid.*, 235.
41. Marx K., *Capital*, i 225.
42. Harvey D., "The Right to the City", в работе R. Scholar (ed.), *Divided Cities: Oxford Amnesty Lectures 2003* (Oxford: Oxford University Press, готовится к изданию).
43. Harvey D., *The New Imperialism*, ch. 2.

ГЛАВА 7

БУДУЩЕЕ СВОБОДЫ

В своем ежегодном обращении к Конгрессу в 1935 году президент Рузвельт ясно выразил свое мнение о том, что основной причиной экономических и социальных проблем, Великой депрессии 1930-х годов являются избыточные рыночные свободы. Американцы, по его мнению, «должны отказаться от идеи накопления богатства, которое в силу чрезмерных прибылей приводит к несправедливому распределению власти». Нуждающиеся люди не могут быть свободными. Повсюду, по его мнению, социальная справедливость стала реальной целью, а не призрачным идеалом. Основная обязанность государства и гражданского общества — использовать власть и распределять ресурсы так, чтобы уничтожить бедность и голод и обеспечить стабильный источник средств к существованию, защиту против превратностей жизни, гарантии адекватных условий жизни¹. Свобода от желаний была одной из четырех фундаментальных свобод, которые он позже назвал основой политического видения будущего. Такие широкие взгляды резко контрастируют с гораздо более узкими неолиберальными свободами, которые президент Буш ставит в центр своей политической программы. По мнению Буша, единственным способом решения проблем является отказ от государственного регулирования частной предпринимательской деятельности, отказ от системы социального обеспечения, стимулирование государством процесса универсализации рыночных свобод и рыночной этики. Подобный неолиберальный подход к ограничению концепции свободы «соображениями простой защиты свободы предпринимательства» может означать лишь, как считает Карл Полањи, «полноту свободы для

тех, чей доход, свободное время и безопасность не нуждаются в поддержке, и лишь жалкое подобие свободы для людей, которые тщетно пытаются использовать демократические права, чтобы найти убежище от власти собственников»².

Особенно удивляет в условиях обеднения современной общественной мысли в США и других странах отсутствие сколько-нибудь серьезной полемики о том, какая из имеющихся концепций свободы может наилучшим образом соответствовать современным условиям. Если американская общественность действительно готова во имя свободы поддержать все, что угодно, тогда определенно нужно как следует исследовать значение этого слова. К сожалению, современные трактовки предполагают либо чисто неолиберальный подход (как политический комментатор Фарид Закариа, который стремится доказать, что избыток демократии есть основная угроза личной свободе), либо слишком схожи с доминирующей теорией, чтобы быть серьезной альтернативой неолиберальной логике. Это, к сожалению, относится к Амартии Сен (которая, в конце концов, вполне заслуженно получила Нобелевскую премию по экономике, но только после того, как неолиберальный банкир, долгое время возглавлявший Нобелевский комитет, был выведен из его состава). Работа А. Сен (A. Sen) *Development as Freedom*, ставшая наиболее серьезным вкладом в дискуссию за последние годы, к сожалению, связывает важные социальные и политические права с операциями на открытом рынке³. А. Сен утверждает, что без либерального рынка ни одна из свобод «не работает». Серьезная часть американского общества готова согласиться с тем, что неолиберальные свободы, которые продвигают Буш и его коллеги-республиканцы, определенно есть единственная альтернатива. Нам говорят, что эти свободы стоят того, чтобы умирать за них в Ираке, и что США, «будучи величайшей силой в мире», имеет «обязательство» способствовать повсеместному распространению этих свобод. Присуждение престижной президентской медали Свободы Полу Бремеру, архитектору неолиберального восстановления иракского государства, многое говорит о том, какое значение придают этой деятельности в США.

Совершенно разумная концепция Рузвельта звучит по современным меркам прямо-таки радикально, что, вероятно, объясняет, почему современные демократы не используют ее в качестве контраргумента узкому пониманию предпринимательства, которое отстаивает Буш. Видение Рузвельта связано с развитием гуманистической мысли. Например, Карл Маркс также придерживался довольно радикальных взглядов о том, что пустой желудок не приведет к свободе. «Свобода начинается там,— писал он,— где кончается труд, основанный на необходимости и примитивных побуждениях». Другими словами, свобода, по его мнению, «лежит за пределами сферы материального производства». Он хорошо понимал, что мы никогда не сможем освободиться от процесса обмена с природой или социальных отношений друг с другом, но можем, по крайней мере, стремиться к созданию социального порядка, при котором возможно свободное познание индивидуального и коллективного потенциала⁴. В соответствии с Марксовыми представлениями о свободе, а также со взглядами Адама Смита, выраженными в его *Theory on Moral Sentiments*, неолиберализация наверняка оценивалась бы как сокрушительный провал. Для тех, кто оказался за пределами рыночной системы — огромная группа людей без социальной защиты и поддержки общественных структур,— неолиберализация вряд ли принесет что-либо, кроме бедности, голода, болезней и отчаяния. Их единственная надежда — любой ценой вернуться в систему рынка, либо в качестве мелких производителей каких-либо товаров, торговцев (предметами или трудом), мелких хищников, готовых попрошайничать, красть или насильственным путем получать объедки с богатого стола, либо как участники в нелегальной торговле наркотиками, оружием, женщинами или в любых других нелегальных операциях, на которые есть спрос. Так работает мальтузианская система мира, где жертвы признаются виновными в собственной трагедии. Аналогичный подход проповедуется Робертом Капланом в эссе о «грядущей анархии»⁵. Каплану не приходит в голову, что неолиберализация и обогащение за счет лишения прав собственности связаны с теми условиями жизни, о которых он пишет. Невероятное число выступле-

ний против МВФ, не говоря уже о криминальной волне, прокатившейся по Нью-Йорку, Мехико, Йоханнесбургу, Буэнос-Айресу и многим другим крупным городам в процессе структурных преобразований и неолиберальных реформ, должно было его насторожить⁶. На другой стороне шкалы благосостояния — те, кто надежно утвердился в системе рыночной логики, не видит возможностей для развития кроме как в области, которую принято называть «творческим» свободным временем, путешествиями и зрелищами. Граждане вынуждены существовать в качестве неотъемлемой части рынка и процесса накопления, а не как свободные существа. И область распространения свобод сужается перед лицом ужасной логики и непродуктивной гонки рыночных процессов.

Именно в этом контексте мы можем лучше всего понять возникновение разнообразных оппозиционных культур, которые действуют изнутри рыночной системы и вне ее. Они явно или неявно отрицают рыночную этику и инструменты, которые навязывает неолиберализм. В США, например, набирает силу движение в защиту окружающей среды, выступающее за поиск альтернативных способов объединения политических и экологических проектов. Заметным становится анархистское движение молодежи, одно крыло которого — «примитивисты» — верит, что единственной надеждой для человечества является возврат к той стадии собирательства и охоты, которая предшествовала современной цивилизации и, по сути, — начало всей человеческой истории заново. Другие, под влиянием движений типа Crime Think и работ таких авторов, как Деррик Йенсен (Derrick Jensen), стремятся освободиться от любых следов участия в капиталистической рыночной системе⁷. Некоторые ищут способы установления взаимной поддержки путем, например, образования местных экономических торговых систем (LETS), с собственными «местными деньгами» даже в самом центре неолиберального капитализма. Процветают и религиозные разновидности подобных сообществ — от США до Бразилии и сельских районов Китая религиозные секты формируются с невероятной скоростью⁸. Многие существующие религии, христианские протестанты, мусульмане-ваххабиты, неко-

торые буддисты и конфуцианцы все активнее поддерживают антирыночную и особенно антинеолиберальную позицию. Существуют еще общественные движения, которые борются против отдельных аспектов неолиберализма, особенно против накопления путем лишения права собственности, противостоят хищническому неолиберализму (революционное движение Батисты в Мексике) или ищут доступа к ресурсам, которых лишились (выступления лишившихся земли крестьян в Бразилии или рабочих, захватывающих фабрики в Аргентине). Коалиции левых и центристов, открыто критикующие неолиберализм, берут политическую власть в свои руки и готовы расширить свое влияние в Латинской Америке. Неожиданный успех Партии Конгресса, вернувшейся к власти в Индии в качестве представителя левых взглядов, является еще одним тому примером. Очевидно активное стремление найти альтернативу неолиберализации⁹.

Признаки неудовлетворенности существуют и внутри правящих политических кругов, они связаны с сомнениями в разумности неолиберальных предложений и инструментов. Некоторые из тех, кто раньше был энтузиастом неолиберализма (экономисты Джеффри Сакс, Джозеф Стиглиц, Пол Кругман) и активными участниками рынка (Джордж Сорос), встали на позиции его критики. Они даже предлагают своего рода возврат к кейнсианству как к более «институциональному» подходу к решению глобальных проблем — начиная с усовершенствования структур мирового управления и заканчивая более пристальным контролем над финансовыми спекуляциями¹⁰. В последние годы стали появляться не просто общие призывы, но и конкретные предложения в области реформ глобального управления¹¹. Возрождается академический и институциональный интерес к этике космополитизма («ущерб одному — это ущерб всем») как основе глобального управления. Следует признать, что при всей неоднозначности упрощенного универсализма в этом есть определенный смысл¹². Именно этими соображениями руководствуются главы государств в ходе многосторонних встреч, например саммита Тысячелетия в 2000 году, когда представители 189 государств подписали ханжеские декларации о совме-

стной готовности в ближайшее время уничтожить бедность, неграмотность и болезни. Но намерение бороться с неграмотностью ничего не стоит в условиях серьезного и продолжительного сокращения почти во всех неолиберальных странах доли национального продукта, направляемой в сферу общественного образования.

Подобные цели нельзя реализовать без фундаментального изменения соотношения сил, лежащего в основе неолиберализма и ставшего возможным во многом благодаря неолиберализму. Это предполагает не только возобновление государственных расходов на социальные программы, но и ограничение власти финансового капитала. Кейнс с презрением относился к «держателям купонов», которые ведут паразитический образ жизни за счет дивидендов и процентов, и призывал к так называемой «эвтаназии рантье» как к необходимому условию не только для достижения хотя бы минимальной экономической справедливости, но и предотвращения систематических кризисов, свойственных капитализму. Преимущества кейнсианского компромисса и «встроенного либерализма», возникшего после 1945 года, заключались в том, что такая система позволила сделать некоторые шаги к реализации поставленных целей. Наступление неолиберализма, напротив, сделало рантье центральной фигурой, сократило налоги для богатейших граждан, сделало дивиденды и спекулятивные прибыли более выгодными, чем заработная плата. Оно способствовало появлению многочисленных финансовых кризисов, которые хотя и были ограничены географически, но наносили разрушительный удар по уровню занятости и уровню жизни во многих странах. Единственный способ реализовать благочестивые цели — выступить против власти финансовых институтов и отменить сложившиеся классовые привилегии. Пока не видно никаких признаков того, что обладающие властью готовы двигаться в этом направлении.

Что касается возврата к кейнсианству, то администрация Буша, как я указывал ранее, побила все рекорды: она готова санкционировать неограниченный рост дефицита федерального бюджета. В противоположность традиционным кейнсианским рецептам, перераспределение в этом

случае происходит в пользу крупных корпораций, их состоятельных руководителей и финансовых /юридических советников за счет более бедных граждан, среднего класса и даже рядовых акционеров (включая и пенсионные фонды), не говоря уже о будущих поколениях. Нет ничего удивительного в том, что кейнсианство оказывается выхолощенным и перевернутым с ног на голову. Как я уже объяснял, существует масса свидетельств тому, что неолиберальная теория и риторика (особенно политическая риторика, касающаяся свобод и независимости) играли роль прикрытия для действий, касающихся исключительно поддержания, реконструкции, восстановления власти элиты. Для того чтобы исследовать альтернативы, нужно выйти за пределы системы мироустройства, сформированной этой классовой властью и рыночной этикой, сохраняя при этом связь с существующей реальностью. А реальность указывает на возможность глобального кризиса внутри самого неолиберализма.

КОНЕЦ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА?

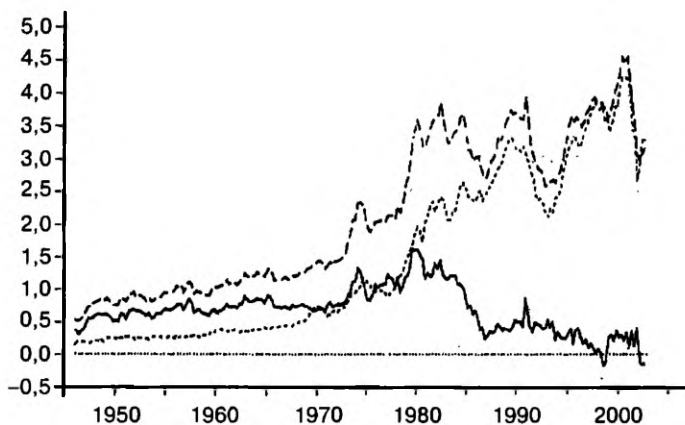
Внутренние политические и экономические противоречия неолиберализации можно оценить только в условиях финансового кризиса. До сих пор эти кризисы наносили локальный ущерб, но в целом оставались управляемыми. Управляемость зависит, разумеется, от степени отклонения от неолиберальной теории. Сам факт того, что два основных локомотива глобальной экономики — США и Китай — финансируются исключительно за счет дефицита, есть недвусмысленный признак того, что с неолиберализмом не все в порядке. А может быть, это вообще свидетельствует о том, что неолиберализм исчерпал себя как жизнеспособная теория, позволяющая обеспечить будущее накопление капитала. Это не мешает продолжать использовать неолиберализм для восстановления власти элиты. Но когда неравенство доходов и благосостояния достигает определенного рубежа — как в настоящее время, — близкого к тому, что происходило накануне краха 1929 года, то экономический дисбаланс становится хрони-

ческим и может приводить к структурным кризисам. К сожалению, подобные режимы накопления редко исчезают мирно. «Встроенный либерализм» возник на пепелище Второй мировой войны и Великой депрессии. Неолиберализация зародилась в середине кризиса накопления 1970-х годов, возникнув из исчерпавшего себя «встроенного либерализма», и, развиваясь достаточно агрессивно, подтвердила наблюдение Карла Маркса о том, что насилие есть неизменная повивальная бабка истории. В США набирает силу авторитаризм неоконсерваторов. Насильственное вторжение в Ирак и сокращение свобод внутри страны сигнализирует о том, что часть американской элиты вновь стремится изменить мировой и внутренний порядок в собственных целях. Нам же следует очень внимательно обдумать, как может развиваться кризис неолиберального режима и насколько он вероятен.

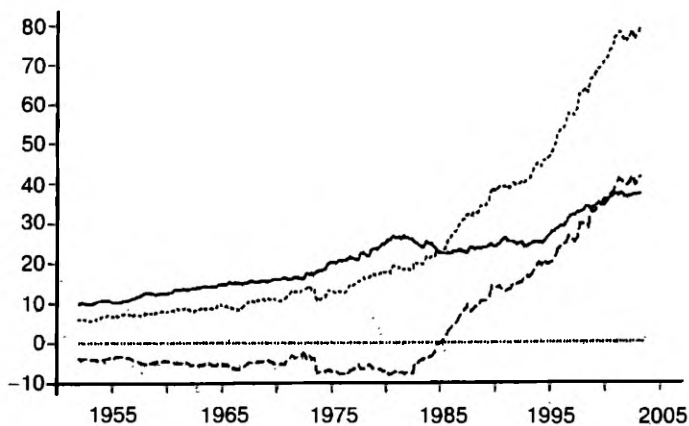
Финансовые кризисы, которые так часто предшествовали хищническому разграблению экономики отдельных государств агрессивными финансовыми силами, как правило, характеризуются хроническим экономическим дисбалансом. Типичные признаки — растущий и неконтролируемый дефицит внутреннего бюджета, платежный кризис, стремительное обесценение валюты, колебания оценки внутренних активов (например, на рынках недвижимости и финансов), рост инфляции и безработицы при падении зарплат, вывод капитала. Из этих семи основных индикаторов в США сейчас достаточно серьезно заметны первые три, и в отношении четвертого уже существуют серьезные беспокойства. Происходящее восстановление экономики без создания новых рабочих мест и роста зарплат свидетельствует о наличии проблем с шестым индикатором кризиса. Такая комбинация индикаторов в любой другой стране, скорее всего, привела бы к вмешательству МВФ (и экономисты МВФ, как и бывший и нынешний глава Федерального резерва Волкер и Гринспен, открыто жалуются на то, что экономический дисбаланс в США угрожает мировой стабильности)¹³. Но так как США имеют большинство мест в МВФ, то для страны это не может иметь никаких последствий, кроме того, что США должны бы навести у себя порядок, что маловероятно. Основные

вопросы таковы: станут ли глобальные рынки дисциплинирующим фактором (как это должно происходить в соответствии с неолиберальной теорией), и если да, то каким образом и к чему это приведет?

Невозможно представить, что США могут оказаться в положении Аргентины в 2001 году — но это все же не так уж невероятно. Последствия, однако, были бы катастрофическими не только для самой страны, но и для всего мирового капитализма. Так как почти все, кто относится к капиталистическому классу и его управляющим, прекрасно знают об этом, то все остальные сейчас готовы (хотя иногда и неохотно) поддерживать экономику США, предоставляя займы и поддерживая ее расточительство. Однако приток частного капитала в США значительно уменьшился (за исключением случаев, когда активы приобретаются по сравнительно невысоким ценам в силу падения курса доллара), и именно центральные банки некоторых стран — особенно Японии и Китая — владеют сейчас большей частью того, что называют America Inc. Для них прекратить поддерживать США означало бы разрушить собственную экономику, так как США остаются для этих стран основным экспортным рынком. Но развитие системы все же имеет пределы. Уже около одной третьей фондовых активов Уолл-стрит и около половины государственных казначейские облигаций США находятся в руках иностранцев, и размер дивидендов и процентов, попадающих к иностранным владельцам, примерно равен сумме, которую американские корпорации и финансовые компании получают от операций за рубежом (рис. 7.1). Это соотношение будет ухудшаться для США при сохранении практики внешних заимствований. Сейчас США заимствуют на внешнем рынке около 2 млрд долл. в день. Более того, если процентные ставки в США вырастут (а это должно в какой-то момент случиться), то становится вероятным сценарий, разыгранный в Мексике после повышения процентных ставок по инициативе Волкера в 1979 году. США скоро будут платить по внешним займам больше, чем получают от зарубежных операций¹⁴. Такой вывод средств из экономики вряд ли получит одобрение внутри страны. Может прекратиться рост потребления, финансируемого за

- — Средства, полученные из других стран
- · · Средства, уплаченные в пользу других стран
- Чистый доход, полученный из других стран

- Доля США в иностранных предприятиях
- · · Доля иностранных инвесторов в предприятиях США
- — Чистая доля в иностранных предприятиях

Рис. 7.1. Ухудшение позиции США в мировом финансовом потоке, 1960–2002 годы: приток и отток американских инвестиций (вверху) и изменения размера доли в иностранных предприятиях (внизу)

Источник: Duménil, Lévy. «The Economics of US Imperialism»

счет займов и ставшего основой социального спокойствия в стране после 1945 года.

Кажется, что этот дисбаланс вовсе не беспокоит администрацию Буша. Такое впечатление создается из-за заявлений о том, что существующий дефицит, если он станет проблемой, можно легко погасить, стимулируя спрос на товары, произведенные в США (как будто бы они существуют, и достаточно дешевые, и как будто товары, номинально происходящие из США, не содержат серьезной доли импортных компонентов). Если бы это произошло, Wal-Mart оказался бы не у дел. Буш говорит, что с бюджетным дефицитом можно легко справиться и без повышения налогов, а путем урезания бюджетных программ (как будто еще остались бюджетные расходы, которые можно серьезно сократить). Замечание вице-президента Д. Чейни о том, что «Рейган учил нас, что бюджетный дефицит не имеет большого значения», вызывает опасения, так как Рейган также говорил, что повышение дефицита есть способ сокращения общественных расходов и что в разгар финансового кризиса может происходить снижение уровня жизни массы населения при одновременном обеспечении роста благосостояния богатейших граждан. Можно задать общий вопрос: «Кто извлекает выгоду из многочисленных финансовых кризисов, прокатившихся по многим странам волной девальваций, инфляций, оттока капитала и структурных преобразований с конца 1970-х?» Получает объяснение низкая активность администрации США в плане предотвращения финансового кризиса, несмотря на все тревожные сигналы. В разгар финансового кризиса правящая элита может надеяться получить еще больше власти.

Вероятно, экономика США может справиться с текущим дисбалансом (как это произошло после 1945 года) и перерасти собственные проблемы. Есть некоторые слабые признаки того, что страна движется в этом направлении. Однако текущая политика основывается преимущественно на принципе Микаубера: обязательно должно случиться что-то хорошее. Лидерам многих американских корпораций удавалось жить в иллюзорном мире до тех пор, пока не начали рушиться, казалось бы, непоколебимые компании типа Enron. Такое будущее может ожидать и

America Inc., и не имеющие ничего общего с реальностью заявления нынешнего руководства должны беспокоить всех, кому небезразличны интересы страны. Возможно также, что американская правящая элита считает, что сможет выжить в глобальном финансовом кризисе и даже использовать его с целью увеличения влияния внутри страны. Такой расчет может оказаться фатальной ошибкой. В результате ускорится переход господства к какой-то региональной экономике (вероятнее всего, азиатской), в то время как способность нынешней правящей элиты доминировать внутри страны и на мировом уровне сократится.

Наиболее актуален вопрос в отношении того, какого рода кризисы могут наилучшим образом соответствовать интересам США в решении внутренних проблем, ведь в этом смысле политические методы действительно могут обеспечить возможность выбора. Оценивая варианты, важно вспомнить, что США не имели иммунитета от финансовых сложностей в течение последних двадцати лет. Падение фондового рынка в 1987 году понизило стоимость активов почти на треть. В разгар кризиса, последовавшего за взрывом пузыря «новой экономики» в конце 1990-х, было потеряно более 8 млрд долл. в бумажных активах, прежде чем началось восстановление. Коллапс банковской системы и кризис системы сбережений и займов в 1987-м потребовал около 200 млрд долл. для восстановления, и в тот год дела пошли так плохо, что Уильям Айзек, председатель Федеральной корпорации страхования депозитов, предупредил, что «США близки к национализации банковской системы». Громкие банкротства Long Term Capital Management, Orange County и других компаний, прогоревших на спекулятивных операциях, и последовавшее за этим крушение нескольких крупных компаний в 2001–2002 годах в результате невероятных злоупотреблений в области бухгалтерской отчетности не просто дорого обошлись обществу, но показали, насколько уязвимой и неустойчивой оказалась неолиберальная финансовая система. Ее уязвимость, разумеется, не ограничивается только США. Большая часть стран, включая и Китай, сталкиваются с нестабильностью и неопределенностью в финансовой сфере. Долги развивающихся стран выросли «с 580 млрд долл.

в 1980 году до 2,4 трлн долл. в 2002-м, и большая их часть никогда не будет выплачена. В 2002 году чистые расходы по обслуживанию этого долга составили 340 млрд долл., при том, что на помощь развивающимся странам было истрачено только 37 млрд долл.»¹⁵. В некоторых случаях расходы по обслуживанию долга превышают выручки от зарубежных операций. Становится понятно, почему некоторые страны, например Аргентина, имеют серьезные претензии к своим кредиторам.

Рассмотрим два пессимистических сценария развития ситуации в США. Непродолжительная гиперинфляция может стать одним из способов уничтожения имеющегося внешнего и потребительского долга. По сути, США погасят свои долги Японии, Китаю и другим странам в сильно обесцененных долларах. Такая инфляционная конфискация вряд ли будет позитивно воспринята другими странами (хотя в этой ситуации мало что можно сделать — не отправлять же боевой флот на Потомак). Гиперинфляция обесценит сбережения, пенсии и другие накопления. За этим последует пересмотр монетаристского курса, которого в общем придерживались Уолкер и Гринспен. При малейшем намеке на отказ от монетаризма (что было бы равносильно подтверждению смерти неолиберализма) центральные банки других стран наверняка начнут продавать доллары, что приведет к кризису вывода капитала, с которым финансовые институты США не смогут справиться в одиночку. Американский доллар потеряет доверие в качестве резервной валюты, и страна лишится преимуществ (например, доходов от выпуска денег) в качестве доминирующей финансовой силы. Финансовое первенство перейдет к странам Европы или Восточной Азии (центральные банки многих государств уже сейчас все чаще формируют значительную часть своих активов в евро). Возможно и более умеренное развитие инфляции, так как существует вероятность, что инфляция есть внутреннее зло, как ее описывают монетаристы. Тогда становится возможным некоторое понижение финансовых целей (подобное тому, которое провела Тэтчер в самой прагматической фазе пути к неолиберализму).

Альтернативный сценарий для США предполагает долгий период дефляции, наподобие того, который пере-

живала Япония в 1989 году. Это может вызвать серьезные проблемы глобального характера, если другие экономики — во главе с китайской, а может быть, и индийской — не смогут поддерживать динамику глобального развития. Но, как мы видели ранее, китайский вариант — крайне проблематичен по политическим и экономическим причинам. В Китае наблюдается значительная внутренняя нестабильность, в стране имеется избыток производственных мощностей во всех отраслях — от аэропортов до автомобильных заводов. Избыток мощностей станет еще более явственным в случае продолжительной стагнации на американском рынке потребительских товаров. Однако долги внутри китайской финансовой системы (в форме неблагополучных банковских кредитов), конечно, не так велики, как в США. Для Китая политические опасности могут оказаться не менее серьезными, чем экономические. Но невероятная скорость развития экономики азиатских стран может оказаться достаточной для стимулирования накопления капитала и в будущем, хотя пагубное влияние на состояние окружающей среды при этом будет неизбежным, а США лишатся позиции лидера в мировом устройстве. Остается неясным, готовы ли США уступить свои позиции «без боя». Почти наверняка по мере ослабления своих позиций практически во всех серьезных областях политики и экономики Соединенные Штаты будут стремиться сохранить военное доминирование. Будут ли США использовать военное превосходство, как это произошло в Ираке, с политическими и экономическими целями, — будет зависеть от расклада сил внутри страны.

В настоящее время США крайне сложно удержать долгосрочную дефляцию внутри страны. Если нужно решать долговые проблемы федерального правительства или финансовых институтов так, чтобы не пострадало благосостояние правящей элиты, то единственным выходом оказывается «конфискационная дефляция» (не соответствующая принципам неолиберализма), подобная той, что пережила Аргентина (и с которой был связан кризис сбережений и кредитов в США в конце 1980-х годов, когда многие вкладчики лишились доступа к своим деньгам). Действующие программы социального страхования

(Social Security и Medicare), пенсионная система, стоимость активов (особенно недвижимости и сбережений), скорее всего, пострадают в первую очередь; это неизбежно приведет к нарушению общественного согласия. Возникает вопрос, насколько серьезным может оказаться недоверие и что с ним можно будет сделать.

Консолидация неоконсервативного авторитаризма оказывается здесь одним из возможных решений. Как я писал в главе 3, неоконсерватизм поддерживает неолиберальное движение в сторону асимметрии рыночных свобод, но усугубляет антидемократические тенденции неолиберализма, прибегая к авторитарным, иерархическим и даже военным методам поддержания правопорядка. В книге *The New Imperialism* я исследовал тезис Ханны Арендт о том, что милитаризация обязательно происходит одновременно и за рубежом, и внутри страны, и пришел к выводу, что международные действия неоконсерваторов, давно уже планируемые и ставшие легитимными после атак 11 сентября 2001 года, в равной степени связаны и с задачей установления контроля внутри страны над группировками, участвующими в политическом процессе в США, и с геополитической стратегией поддержания господства посредством контроля над нефтяными ресурсами. С помощью страха и неуверенности несложно манипулировать людьми, преследуя политические цели, и внутри страны, и за ее пределами — и это прекрасно удалось, в частности, во время перевыборов¹⁶.

Неоконсерваторы настаивают на высоких моральных целях, в основе которых лежит национализм, не чуждый, как мы видели в главе 3, и неолиберализму. Американский национализм имеет двойственный характер. С одной стороны, он предполагает, что позиция США как величайшей силы в мире (а то и просто державы номер один во всем, — от бейсбола до Олимпийских игр) предопределена Богом (и религиозная параллель выбрана не случайно), что страна всегда вызывала восхищение во всем мире как образец независимости, свободы и прогресса, и она есть пример для подражания. Каждый хочет либо жить в США, либо подражать США. Поэтому Америка от души и щедро раздает собственные ресурсы, распространяет ценности и куль-

туру по всему миру во имя американизации и повсеместного распространения американских ценностей. Но американский национализм имеет и темную сторону, связанную с боязнью врагов и злых сил, страхом перед иностранцами и иммигрантами, внешними подстрекателями, а в настоящее время, разумеется, и «террористами». Это приводит к ущемлению гражданских прав и свобод — гонениям на анархистов в 1920-х, маккартизму в 1950-х, направленному против коммунистов и сочувствующих, параноидальному отношению Ричарда Никсона к противникам вьетнамской войны. После 9/11 появилась тенденция обвинять всех, кто критикует политику администрации, в пособничестве врагам. Национализм такого рода легко приводит к расизму (особенно явно это проявляется сейчас в отношении арабов), ограничению гражданских свобод (Patriot Act), ограничению свободы прессы (принуждение журналистов раскрывать источники информации), применению тюремного заключения и смертной казни в отношении должностных преступлений. Во внешней политике такой национализм ведет к секретным операциям и упредительной войне с целью уничтожить все, что может стать хоть какой-то угрозой господству американских ценностей и доминированию американских интересов. Исторически эти два вида национализма существовали параллельно¹⁷. Иногда они находились в конфликте друг с другом (например, в отношении того, как поступать с революционным движением в Центральной Америке в 1980-е годы).

После 1945 года США эксплуатировали первую разновидность национализма, действуя в собственных интересах, но иногда с пользой для других (как при реализации плана Маршалла, который помог восстановить экономику послевоенной Европы после 1945-го), и одновременно проводили политику маккартизма внутри страны. Все изменилось с окончанием «холодной войны». Мир больше не нуждается в военной защите со стороны США и не готов мириться с доминирующей позицией Америки. Никогда США не были так изолированы от остального мира политически, культурно и даже с военной точки зрения. Эта изоляция уже не является, как это было в прошлом, результатом отказа США от вмешательства в мировые про-

цессы, а вытекает из политики чрезмерного и одностороннего вмешательства в чужие интересы. Это происходит именно в тот момент, когда экономика США максимально связана с мировой производственной и финансовой системой. В результате возникает слияние двух форм национализма. Благодаря доктрине «упреждающего удара» против других наций в разгар якобы угрожающей всем глобальной войны с терроризмом американской общественности может казаться, что она бескорыстно сражается за то, чтобы дать свободу и демократию всему миру (в частности, Ираку), одновременно уничтожая скрытых врагов, угрожающих существованию страны. Логика администрации Буша и неоконсерваторов эксплуатирует обе темы. Это оказывается только на руку Бушу в ходе перевыборной кампании.

В работе *The New Imperialism* я утверждаю, что существует много признаков падения гегемонии США. В 1970-х страна утратила первенство в мировом производстве, с 1990-х начало уменьшаться ее влияние на мировую финансовую систему. Технологическое преимущество тоже покачнулось, страна стремительно теряет ведущую роль в области культуры и моральных ценностей. Военная сила остается единственным фактором мирового доминирования, но и она ограничена возможностями высокотехнологичной разрушительной силы, действующей с высоты 30 тыс. футов. Ирак показал несостоятельность этой силы. Переход к некоей новой структуре гегемонии в рамках мирового капитализма оставляет США два варианта развития: пережить переходный период мирно или через катастрофу¹⁸. Настоящая позиция правящей элиты Америки указывает, что второй исход более вероятен. Национализм в Америке сочетается с идеей о том, что экономические сложности, связанные с гиперинфляцией или затяжной дефляцией, вызваны действиями других стран — Китая или стран Восточной Азии, стран ОПЕК и арабских государств, которые не удовлетворяют расточительных потребностей энергии в США. Идея упреждающего удара уже обсуждается, и разрушительные мощности уже созданы. Некоторые считают, что осажденное и находящееся под угрозой американское государство обязано защищать себя, свои ценности, свой образ жизни, в том числе и воен-

ными средствами, если потребуется. Существует вероятность, что американское руководство станет рассуждать именно в таких ужасных категориях, ведущих, по моему мнению, к саморазрушению. Государственные лидеры уже продемонстрировали склонность к подавлению альтернативных мнений внутри страны и завоевали таким образом поддержку части граждан. В конце концов, серьезная часть американского населения считает, что американский Билль о правах (конституционные нормы, гарантирующие права граждан и ограничивающие действия органов государственной власти.— *Примеч. пер.*) был навязан коммунистами, а другие, хотя и составляющие меньшинство, рады поддержать все, что похоже на Армагеддон. Законы против террористической деятельности, нарушение Женевских соглашений в заливе Гуантанамо, готовность обвинить любое оппозиционное движение в терроризме — все это признаки страшных процессов.

К счастью, в США существует оппозиция, которая может быть мобилизована и уже выступает против таких катастрофических и самоубийственных тенденций в политике. К сожалению, в настоящее время оппозиция раздроблена, лишена руководящей силы и организации. До некоторой степени это есть следствие причиненных самим себе ран в рамках движения профсоюзов, в рамках движений, которые касаются вопросов идентичности и всех постмодернистских интеллектуальных течений, которые, сами того не подозревая, соответствуют позиции Белого дома в отношении того, что истина создается в обществе и рождается в споре. Терри Иглтон критикует *Postmodern Condition* Лиотарда (Lyotard), говоря, что «может не быть разницы между истиной, авторитетом и риторикой; власть получает тот, у кого более гладкая речь и наиболее расистская теория». И это мнение снова актуально. Я бы сказал, что такая точка зрения еще более актуальна в наше время, чем в 1989 году, когда я впервые ее процитировал¹⁹. Необходимо прекратить разглагольствования, несущиеся из Белого дома и с Даунинг-стрит, если мы хотим найти какой-то разумный выход из нынешнего тупика. Реальность существует, и от нее никуда не деться. Но куда же мы должны двигаться? Если бы нам удалось

оседлать волшебного скакуна свободы, куда бы мы отправились?

АЛЬТЕРНАТИВЫ

Существует тенденция говорить об альтернативах так, как будто они есть некая схема будущего общества и одновременно план движения к этому будущему. Из таких упражнений можно многое почерпнуть. Но прежде всего мы должны начать политический процесс, чтобы в принципе определить реальные альтернативы и возможности. Существует два возможных пути. Можно, опираясь на бесконечное количество реально существующих оппозиционных движений, стараться сформулировать всеобъемлющую оппозиционную программу. Или мы можем уйти в теоретические и практические изыскания в отношении существующей ситуации (вроде того, что я предпринял в этой книге) и постараться выявить альтернативы путем критического анализа. Последний путь вовсе не предполагает, что существующие оппозиционные движения неправы или основываются на неверном понимании реальности, а наличие оппозиционных движений не означает, что аналитические рассуждения не важны. Задача — инициировать диалог между сторонниками каждого из двух путей и обеспечить более глубокое общее понимание происходящего и определить адекватный план действий.

Волна оппозиционных движений возникла как внутри неолиберализма, так и за его пределами. Многие движения радикально отличаются от тех рабочих выступлений, которые имели место до 1980 года²⁰. Я говорю «многие», но не «все». Традиционные движения рабочих вовсе не исчезли даже в условиях современных капиталистических обществ, где их серьезно ослабляют неолиберальные ограничения. В Южной Корее и Южной Африке активные рабочие движения возникли в 1980-е годы, в Латинской Америке большим влиянием пользуются партии рабочего класса. Нарождающееся рабочее движение Индонезии, уже имеющее серьезный потенциал, борется за возможность быть услышанным. Велика, хотя и непредсказуема вероятность рабо-

чих выступлений в Китае. Американские рабочие в последние десятилетия добровольно голосовали против собственных материальных интересов в силу причин, связанных с культурным национализмом, религией, моральными ценностями. Неясно, останутся ли они по-прежнему в рамках существующей системы, созданной манипуляциями республиканцев и демократов. При существующей нестабильности нет причин исключать возможность возрождения в будущем народных социал-демократических или даже анти-неолиберальных движений в США.

Борьба против накопления путем лишения прав собственности приводит к образованию совсем иных направлений социальной и политической борьбы²¹. Частично из-за условий, в которых возникают подобные движения, их политическая ориентация и организационные принципы серьезно отличаются от типичных для социал-демократических движений. Бунт Батисты в Чиапасе (Мексика) не имел целью захват государственной власти или политическую революцию — их цели вообще не выходили за пределы существующей системы. Идея заключается в том, чтобы в рамках существующего гражданского общества вести открытый и постоянный поиск альтернатив, которые соответствовали бы специфическим потребностям разных социальных групп, существовавших в стране, и позволяли бы им улучшить свое положение. Организационно это движение стремилось избежать радикализма и отказывалось принять форму политической партии, предпочитая вместо этого оставаться социальным движением в рамках государства, пытаясь сформировать политический блок, где центром были бы местные культуры. Многие движения в защиту окружающей среды, например за экологическое правосудие, развиваются именно в таком ключе.

В результате политические организации отходят от традиционных форм политической партии и профессиональной организации; их поле действия сдвигается к менее четко определенным политическим и социальным вопросам, актуальным для всех составляющих гражданского общества. То, что такие движения теряют в отношении ориентации на цель, они выигрывают благодаря прямому ответу на возникающие проблемы и интересы отдельных

групп избирателей. Политические движения нового формата сильны благодаря тому, что непосредственно участвуют в повседневной жизни, но именно поэтому им иногда бывает сложно отвлечься от деталей и осознать политику на макроуровне и суть неолиберального процесса накопления путем лишения прав собственности и восстановления классовой власти.

Разнообразие видов такой борьбы так велико, что иногда даже сложно проследить связь между ее отдельными участниками. Все они — часть постоянно меняющегося комплекса движений протеста, которые прокатились по миру и становились все более заметными с 1980-х. Эти движения и восстания иногда жестоко подавляло государство, действующее во имя «порядка и стабильности». Иногда они приводили к межэтническим столкновениям и гражданской войне по мере разрастания социальных и политических конфликтов, возникающих в результате процесса накопления путем лишения прав собственности. Тактика «разделять и властвовать», используемая правящей элитой, или конкуренция между враждующими группировками (например, французские и американские интересы в некоторых странах Африки) нередко становились центром этой борьбы. Во многих частях света государства при военной поддержке, а иногда и с использованием особых сил, обученных ведущими мировыми державами (лидером тут стали США, а Великобритания и Франция играли второстепенную роль), начинали применять систему подавления и уничтожения в отношении народных выступлений против накопления путем лишения прав собственности.

Сами новые движения породили массу альтернативных идей. Некоторые стремятся полностью или частично оторваться от влияния процессов неолиберальной глобализации. Другие (например, движение *Fifty Years Is Enough*) стремятся к мировой социальной и экологической справедливости путем реформирования или роспуска влиятельных институтов — МВФ, ВТО, Всемирного банка (странно, что Министерство финансов США редко упоминается в этом же списке). Третьи (особенно экологические движения типа *Greenpeace*) подчеркивают тему «возврата основополагающих прав», указывая на преимущество

традиций многовековой борьбы, а также горькой борьбы в ходе истории колониализма и империализма. Одни (Хардт и Негри) видят необходимость в комплексном развитии, то есть движении в рамках глобального правового общества, которое могло бы противостоять рассеянному и децентрализованному влиянию неолиберального порядка (имеющего имперский характер). Другие стоят на более умеренных позициях и исследуют локальные эксперименты с новыми системами производства и потребления (LETS), вызванными совершенно новыми социальными отношениями и экологическими принципами. Существуют и те, кто верит в более традиционные политические структуры (например, Партия рабочих в Бразилии или Партия Конгресса в Индии в альянсе с коммунистами), имеющие целью получение государственной власти как первого шага на пути глобального реформирования экономического порядка. Многие из этих разнообразных течений сейчас объединяются в рамках Мирового социального форума в попытке определить общие черты и выстроить организационную силу, способную противостоять неолиберализму и неоконсерватизму. Возникают многочисленные публикации о том, что «возможен другой мир». Все это объединяет разнообразные позиции и иногда является попыткой синтезировать идеи, принадлежащие разным социальным движениям в разных частях света. Тут есть чем восхищаться и к чему стремиться.

Какие же выводы можно сделать из приведенного здесь анализа? Прежде всего, вся история «встроенного либерализма» и последующего поворота к неолиберализации указывает на то, какую важную роль играла классовая борьба в процессе усиления или восстановления классового влияния. Даже тщательная маскировка не скрыла продуманной политики, реализуемой правящей элитой с целью восстановления, усиления или, как в Китае или России, создания невероятной классовой власти. Дальнейший поворот к неоконсерватизму подтверждает, как далеко готова пойти экономическая элита и какие авторитарные стратегии она готова применить ради сохранения своей власти. Все это происходило в период (десятилетия), когда организации рабочего класса находились в упадке и ког-

да многих передовых людей все больше убеждали, что понятие «класс» уже ничего не означает и давно превратилось в лишенную смысла категорию. Передовые граждане, казалось бы, приняли неолиберальное мышление, так как одним из основных постулатов неолиберализма является идея о том, что класс есть фиктивная категория, существующая только в воображении социалистов и коммунистических заговорщиков. В США фраза «классовая война» сейчас используется только в прессе правого толка (например, *The Wall Street Journal*), чтобы очернить любую критику, направленную на подрыв якобы единой и последовательной национальной идеи (то есть восстановления власти правящей верхушки!). Первый урок — понять, что явление, которое выглядит и развивается как классовая борьба, должно быть названо своим именем. Народные массы должны либо подчиниться тем историческим и географическим ограничениям, которые определены растущей властью верхушки общества, либо ответить на навязываемые ограничения как единый класс.

Все это не означает, что нужно вернуться к ностальгическим для кого-то временам, когда была популярна такая категория, как «пролетариат». Это также не означает, что существует некая «основная концепция» класса, которую можно использовать как одну из основ (а то и единственный фундамент) процесса исторической трансформации. Мы не можем сегодня использовать понятие «пролетариат», которое фигурировало в утопии Маркса. Говорить о необходимости и неизбежности классовой борьбы не значит сказать, что формирование класса заранее predetermined. Движения народа и элиты формируются в процессе развития, хотя и не по выбору этих классов. Условия формирования этих движений сложны, что связано с расовыми, половыми, этническими особенностями, тесно переплетенными с классовой идентичностью. Низшие классы имеют ярко выраженные расовые особенности. Отличительной чертой неолиберализма стал рост феминизации беднейших слоев населения Земли. Неоконсервативные нападки на права женщин и право на воспроизводство были, как ни странно, популярны в конце 1970-х, когда неолиберализм стал впервые заметен, и явля-

ются ключевым элементом обеспечения справедливого, по понятиям неоконсерваторов, морального порядка, основанного на специфическом понимании семьи.

Анализ показывает, как и почему народные движения сейчас раздроблены. С одной стороны, существуют движения, которые я называю «расширенным воспроизводством», в которых эксплуатация наемного труда и условия, определяющие стоимость труда, становятся центральными вопросами. С другой стороны, есть движения против накопления путем лишения прав собственности. Сюда относятся сопротивление классическим формам примитивного накопления (когда, например, крестьян изгоняют со своих земель); несогласие с отказом государства от любой социальной ответственности (кроме надзора и подавления); неприятие разрушения культуры, истории и окружающей среды; отрицательное отношение к «конфискационной» дефляции и инфляции, порожденной современными формами финансового капитала в альянсе с государством. Определение естественной связи между этими разными движениями — срочная теоретическая и практическая задача. Наш анализ показал также, что это возможно только на основе наблюдения за динамикой процесса накопления капитала, которому присуща нестабильность и все более неравномерное географическое развитие. Эта неравномерность, как мы видели в главе 4, активно способствует распространению неолиберализации на основе межгосударственной конкуренции. Одна из задач новой классовой политики — использовать неравенство географического развития в качестве актива. Политике правящей элиты «разделяй и властвуй» должны быть противопоставлены совместные действия левого крыла, готового поддержать процесс самоопределения и восстановления власти на местах.

Анализ указывает на противоречия в планах неолибералов и неоконсерваторов. Растущий разрыв между рассуждениями (для блага всех) и действиями (ради преимуществ узкой группы правящего класса) стал слишком заметен. Идея о том, что рынок — это конкуренция и честная игра, все больше отвергается фактом невероятной монополизации, централизации, интернационализации кор-

поративной и финансовой власти. Невероятный рост классового и регионального неравенства как внутри отдельных государств (в Китае, России, Индии, Южной Африке), так и на мировой арене между государствами создает серьезные политические проблемы, которые больше нельзя скрывать как что-то «переходное» на пути к идеальному неолиберальному миру. Чем больше неолиберализм признается несостоятельной утопической теорией, маскирующей успешный проект по восстановлению власти правящего класса, тем более прочная основа формируется для роста массовых выступлений, требующих равноправия и экономической справедливости, честной торговли, большей экономической безопасности.

Рост дискуссий о правах, о которых говорилось в предыдущей главе, представляет и возможности, и проблемы. Даже обращение к обычным либеральным определениям права может стать инструментом критики со стороны неоконсервативного авторитаризма, особенно если учесть, что повсеместная «война с терроризмом» (от США до Китая и Чечни) ведется как повод для ограничения политических и гражданских свобод. Растущие призывы признать право иракцев на самоопределение и суверенитет представляют серьезный вызов американским имперским намерениям. Но можно определить и альтернативные права. Критика бесконечного накопления капитала как основного процесса, определяющего ход жизни, включает критику тех особых прав — право на норму прибыли и частную собственность, — которые составляют основу неолиберализма. Я не раз выступал за совершенно иной комплекс прав, включающий право на шанс в жизни, политические объединения и «хорошее» управление, на контроль над производством, на безусловность и целостность человеческого тела, на критику без страха мести, на адекватную и здоровую среду обитания, на коллективный контроль над общественной собственностью, на сохранение жизненного пространства, на разнообразие среды, а также права, присущие нам как биологическому виду²². Предлагая набор прав, альтернативный тем, которые являются священными для неолиберализма, необходимо определить социаль-

ные процессы, в рамках которых становится возможной реализация таких альтернатив.

Похожим образом можно спорить и против предположения о высокой моральности авторитета и легитимности неоконсерватизма. Идеалы морального общества и нравственной экономики исторически не чужды прогрессивным движениям. Многие из них, как движение Батисты, борются против накопления путем лишения прав собственности и активно выражают стремление к альтернативным формам социальных отношений в условиях моральной экономики. Нравственность не есть поле, которое определяют исключительно религиозные правые реакционеры, объединенные под предводительством средств информации, и формируют в ходе политического процесса, где доминирует власть корпоративных денег. В неразберихе моральных споров необходимо противостояние восстановлению власти правящего класса. Так называемые «культурные войны» — как бы ошибочно ни велись некоторые из них — нельзя списать со счетов как нежелательное (как иногда утверждают левые традиционалисты) отклонение от курса классовой борьбы. На самом деле рост моральных споров среди неоконсерваторов свидетельствует не только о боязни социального разложения в условиях индивидуалистичного неолиберализма, но и о широкой волне морального отвращения к падению нравов, отчуждению, расколу, маргинализации, ухудшению окружающей среды, вызванных практикой неолиберализации. Трансформация этого морального отвращения к исключительно рыночной этике в культурное и политическое сопротивление есть один из признаков нашего времени, который нужно правильно понимать, а не игнорировать. Органическая связь между культурной борьбой и стремлением ограничить всеподавляющую консолидацию власти правящего класса нуждается в теоретическом и практическом исследовании.

Глубоко недемократическая сущность неолиберализма, поддержанного авторитаризмом неоконсерваторов, должна стать центром политической борьбы. В странах, считающихся демократическими, например США, существует огромный дефицит демократии²³. Политическое

представительство искажено и коррумпировано властью денег, не говоря уже о выборной системе, которой несложно манипулировать. Ключевые институты занимают предвзятую позицию. Сенаторы из 26 штатов, в которых проживает менее чем 20% населения страны, имеют большинство голосов для определения законодательной программы Конгресса. Скандальные махинации в процессе выборов к выгоде тех, кто обладает властью, признаются конституционными в рамках юридической системы, в которой все больше преобладают политические назначенцы неоконсервативного толка. Институты, обладающие невероятной властью, например Федеральная резервная система, вообще не подлежат никакому демократическому контролю. Ситуация на международной арене еще хуже, так как тут вообще нет никакой ответственности, не говоря уже о демократическом влиянии на МВФ, ВТО или Всемирный банк. Неправительственные организации, даже с самыми благими намерениями, также могут действовать вне демократической системы и без надзора. Это не означает, что сами демократические институты не имеют проблем. Теоретические нелиберальные опасения в отношении излишнего влияния отдельных группировок на законодательный процесс прекрасно подтверждаются практикой корпоративного лоббирования и принципом «вращающейся двери» между государством и корпорациями, благодаря чему Конгресс США (как и законодатели) действует исключительно в интересах сторон, располагающих деньгами.

Рост внимания к требованиям демократического управления, а также экономического, политического и культурного равенства и справедливости не означает возврата к какому-то «золотому веку». Предстоит еще заново обрести смысл каждого требования, чтобы оно соответствовало современным условиям и возможностям. Демократия древних Афин имеет мало общего со смыслом, который вкладывается в это понятие в настоящее время и который соответствует разнообразным обстоятельствам, сложившимся в Сан-Паулу, Йоханнесбурге, Шанхае, Маниле, Сан-Франциско, Лидсе, Стокгольме и Лагосе. Удивительно, что по всему миру, от Китая, Бразилии, Аргентины, Тайваня и Кореи до Южной Африки, Ирана, Индии и Египта, в борю-

щихся нациях Восточной Европы и в центральных странах развитого капитализма, существуют группы и социальные движения, которые требуют реформ, основанных на какой-либо версии демократических ценностей.

Американские лидеры, пользуясь серьезной поддержкой внутри страны, навязали миру идею о том, что американские неолиберальные ценности и понимание свободы универсальны и первостепенны и за эти ценности стоит сражаться и умирать. Мир может отвергнуть этот имперский жест и утвердить в качестве основы неолиберализма и неоконсервативного капитализма совершенно другие ценности, связанные с открытой демократией и обеспечивающие достижение социального равенства, экономического, политического и культурного равноправия. Позиция Рузвельта может стать основой этого процесса. Необходим альянс внутри США, чтобы обеспечить поистине народный контроль над государственным аппаратом и развить, а не сократить демократические инструменты и ценности в условиях рыночного влияния.

У свободы есть гораздо более радужные перспективы, чем те, которые предлагает неолиберализм. В мире возможна гораздо более разумная система управления, чем та, что складывается в условиях неолиберализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цитируется по работе Винсенто Наварро, содержащей глубокую критику Сен: "Development as Quality of Life: A Critique of Amartya Sen's Development as Freedom", в работе Navarro V. (ed.), *The Political Economy of Social Inequalities*, 13–26.
2. Polanyi K., *The Great Transformation*, 257.
3. Zakaria, *The Future of Freedom*; A. Sen, *Development as Freedom* (New York: Knopf, 1999).
4. Marx K., *Capital*, iii. 820.
5. Kaplan R., *The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War* (New York: Vintage, 2001).
6. Walton J., "Urban Protest and the Global Political Economy: The IMF Riots" в работе Smith M. and J. Feagin (eds.), *The Capitalist City* (Oxford: Blackwell, 1987), 354–86.

7. Jensen D., *The Culture of Make Believe* (New York: Context Books, 2002). Zergan J., *Future Primitive and Other Essays* (Brooklyn, NY: Autonomedia, 1994).
8. Kahn, "Violence Taints Religion's Solace for China's Poor".
9. Gills B. (ed.), *Globalization and the Politics of Resistance* (New York: Palgrave, 2001); Mertes T. (ed.), *A Movement of Movements* (London: Verso, 2004); Wignaraja P. (ed.), *New Social Movements in the South: Empowering the People* (London: Zed Books, 1993); Brecher J., T. Costello, B. Smith, *Globalization from Below: The Power of Solidarity* (Cambridge, Mass.: South End Press, 2000).
10. Stiglitz J., *Globalization and its Discontents* и *The Roaring Nineties*; P. Krugman, *The Great Unraveling: Losing Our Way in the Twentieth Century* (New York: Norton, 2003); G. Soros, *George Soros on Globalization* (New York: Public Affairs, 2002); Ibid., *The Bubble of American Supremacy: Correcting the Misuse of American Power* (New York: Public Affairs, 2003); Sachs J., "New Global Consensus on Helping the Poorest of the Poor", *Global Policy Forum Newsletter*, 18 April 2000. Сакс, например, говорит: «Я не верю в способность богатейших стран управлять миром, или в возможность принятия решений путем голосования на международном уровне, когда вес отдельного голоса определяется деньгами, как это происходит сейчас в МВФ или Всемирном банке. Я не верю и в правительство, сформированное сильнейшими бюрократиями, свободными от обязательств, например МВФ, или в реальность управления на условиях, определенных богатейшими странами и навязанных безнадежно бедным».
11. Я цитирую только два: Программа развития ООН, *Human Development Report 1999*. Всемирная Комиссия по социальным последствиям глобализации (World Commission on the Social Dimension of Globalization), *A Fair Globalization*.
12. Held D., *Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus* (Cambridge: Polity, 2004). Я исследую некоторые аспекты применения этики космополитизма в D. Harvey, "Cosmopolitanism and the Banality of Geographical Evils", также см. Comaroff J. and J. Comaroff, *Millennial Capitalism and the Culture of Neoliberalism* (Durham, NC: Duke University Press, 2000), 271–310.
13. В отношении Волкера см. Bond, "US and Global Economic Volatility", Muhleisen M. and C. Towe (eds.), *US Fiscal Policies and Priorities for Long-Run Sustainability*, Occasional Paper 227 (Washington, DC: International Monetary Fund, 2004).
14. Duménil G., D. Lévy, "Neoliberal Dynamics".
15. Harvey D., *Condition of Postmodernity*, 169.

16. Arendt H., *Imperialism* (New York: Harcourt Brace Janovich, (редакция 1968 года)); D. Harvey, *The New Imperialism*, 12–17.
17. King D., *The Liberty of Strangers: Making the American Nation* (New York: Oxford University Press, 2004).
18. Arrighi G. and B. Silver, *Chaos and Governance in the Modern World System* (Minneapolis: Minnesota University Press, 1999). См. также послесловие к изданию в мягкой обложке D. Harvey, *The New Imperialism* (Oxford: Oxford University Press, 2005).
19. Цитируется по D. Harvey, *Condition of Postmodernity*, 168–70.
20. Amin S., “Social Movements at the Periphery” цитируется по Wignaraja P. (ed.), *New Social Movements in the South*, 76–100.
21. Bello W., *Deglobalization: Ideas for a New World Economy* (London: Zed Books, 2002); Bello W., N. Bullard, K. Malhotra (eds.), *Global Finance*; S. George. ‘Another World is Possible IF..’ (London: Verso, 2003); Fisher, W., Ponniah, T. (eds.), *Another World is Possible: Popular Alternatives to Globalization at the Worlds Social Forum* ((London: Zed Books, 2003); P. Bond, *Talk Left Walk Right: South Africa’s Frustrated Global Reforms* (Scottsville, South Africa: University of Kwa-Zulu – Natal Press, 2004); Mertes, *A Movement of Movements*; Gill, *Teetering on the Rim*; Brecher J., T. Costello, B. Smith, *Globalization from Below*.
22. Harvey D., *Spaces of Hope*, 248–52.
23. Рабочая группа Американской ассоциации политологов по вопросам неравенства и американской демократии (Task Force on Inequality and American Democracy), в работе *American Democracy in an Age of Rising Inequality*, рисует довольно мрачную картину.
24. К этому вопросу Wang в работе *China’s New Order* нередко возвращается, говоря о Китае.

БИБЛИОГРАФИЯ

Комментарии в прессе и Интернет-источники

Alvarez L., "Britain Says U.S. Planned to Seize Oil in '73 Crisis", *New York Times*, 4 jan. 2004, A6.

American Lands Alliance, "IMF Policies Lead to Global Deforestation", <http://americanlands.org/imfreport.htm>.

Arnold W., "BHP Billiton Remains Upbeat Over Bet on China's Growth", *New York Times*, 8 june 2004, W1 and W7.

Barboza D., "An Unknown Giant Flexes its Muscles", *New York Times*, 4 dec. 2004, C1 and C3.

Belson J., "Japanese Capital and Jobs Flowing to China", *New York Times*, 17 feb. 2004, C1 and C4.

Bradsher K., "Big China Trade Brings Port War", *International Herald Tribune*, 27 jan. 2003, 12.

Bradsher K., "China Announces New Bailout on Big Banks", *New York Times*, 7 jan. 2004, C1.

Bradsher K., "China Reports Economic Growth of 9.1% in 2003", *New York Times*, 20 feb. 2003, W1 and W7.

Bradsher K., "China's Boom Adds to Global Warming", *New York Times*, 22 oct. 2003, A1 and A8.

Bradsher K., "China's Factories Aim to Fill Garages Around the World", *New York Times*, 2 nov. 2003, International Section, 8.

Bradsher K., "China's Strange Hybrid Economy", *New York Times*, 21 dec., 2003, C5.

Bradsher K., "Chinese Automaker Plans Assembly Line in Malaysia", *New York Times*, 19 oct. 2004, W1 and W7.

Bradsher K., "Chinese Builders Buy Abroad", *New York Times*, 2 dec. 2003, W1 and W7.

Bradsher K., "Chinese Provinces Form Regional Power Bloc", *New York Times*, 2 june 2004, W1 and W7.

Bradsher K., "GM To Speed Up Expansion in China: An Annual Goal of 1.3 Million Cars", *New York Times*, 8 june 2004, W1 and W7.

Bradsher K., "A Heated Chinese Economy Piles up Debt", *New York Times*, 4 sept. 2003, A14 and C4.

- Bradsher K., "Is China The Next Bubble?", *New York Times*, 18 jan. 2004, sect 3, 1 and 4.
- Bradsher K., "Now, a Great Leap Forward in Luxury", *New York Times*, 10 june 2004, C1 and C6.
- Bradsher K., "Taiwan Watches Its Economy Slip to China", *New York Times*, 13 dec 2004, C7.
- Brooke K., "Korea Feeling Pressure as China Grows", *New York Times*, 8 jan. 2003, W1 and W7.
- Brooks R., "Maggie's Man: We Were Wrong", *Observer*, 21 june 1992, 15.
- Buckley C., "Let a Thousand Ideas Flower: China Is a New Hotbed of Research", *New York Times*, 13 sept. 2004, C1 and C4.
- Buckley C., "Rapid Growth of China's Huawei Has Its High-Tech Rivals on Guard", *New York Times*, 6 oct. 2003, C1A and C3.
- Bush G.W., "President Addresses the Nation in Prime Time Press Conference", 13 April 2004; <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2004/0420040413-20.html>.
- Bush G.W., "Securing Freedom's Triumph", *New York Times*, 11 sept. 2002, A33.
- Cheng A., "Labor Unrest is Growing in China", *International Herald Tribune Online*, oct. 27, 2004.
- China Labor Watch, "Mainland China Jobless Situation Grim, Minister Says:", http://www.chinalaborwatch.org/en/web/article.php?article_id=50043, 18 nov. 2004.
- Climate Change Science Program, "Our Changing Planet: The US Climate Change Science Program for Fiscal Years 2004 and 2005", <http://www.usgcrp.gov/usgcrp/Library/ocp2004-5>.
- Cody E., "Workers in China Shed Passivity: Spate of Walkouts Shakes Factories", *Washington Post*, 27 nov. 2004, A01.
- Crampton T. "Iraqi Official Urges Caution on imposing Free Market", *New York Times*, 14 oct. 2003, C5.
- Farah J., "Brute Tyranny in China", *WorldNetDaily.com*, posted 15 mar 2004.
- Fishman T., "The Chinese Century", *New York Times Magazine*, 4 July 2004, 24–51.
- Forero J., "As China Gallops, Mexico Sees Factory Jobs Slip Away", *New York Times*, 3 sept. 2003, A3.
- French H., "New Boomtowns Change Path of China's Growth", *New York Times*, 28 July 2004, A1 and A8.
- Global Policy Forum, Newsletter "China's Privatization", <http://www.globalpolicy.org/soecon/ffd/fdi/2003/1112chinaprivatization>.

Hout T and J. Lebreton, "The Real Contest Between America and China", *The Wall Street Journal on Line*, 16 sept. 2003.

Huang Y., "Is China Playing by the Rules?", Congressional -Executive Commission on China, <http://www.cecc.gov/pages/hearings/092403/huang.php>.

Kahl J. and J. Yardley, "Amid China's Boom, No Helping Hand for Young Qingming", *New York Times*, 1 aug. 2004, A1 and A6.

Kahl J. and J. Yardley, "China Gambles on Big Projects for its Stability", *New York Times*, 13 jan. 2003, A1 and A8.

Kahl J. and J. Yardley, "Violence Taints Religion's Solace for China's Poor", *New York Times*, 25 nov. 2004, A1 and A24.

Kirkpatrick D., "Club of the Most Powerful Gathers in Strictest Privacy", *New York Times*, 28 aug. 2004, A10.

Klein N., "Of Course the White House Fears Free Elections in Iraq", *Guardian*, 24 jan. 2004, 18.

Landler M., "Hungary Eager and Uneasy Over New Status", *New York Times*, 5 mar. 2004, W1 and W7.

Liu H., "China: Banking on Bank Reform", *Asia Times Online*, www.atimes.com, 1 june 2002.

Liu Shi., "Current Conditions of China's Working Class" China Study Group, 3 nov. 2003, <http://www.chinastudygroup.org/index.php?action=article&type>.

Lohr S., "IBM Sought China Partnership, Not Just a Sale", *New York Times*, 13 dec. 2004, C1 and C6.

Lohr S., "IBM's Sale of PC Unit Is a Bridge Between Companies and Cultures", *New York Times*, 8 dec. 2004, A1 and C4.

Malkin E., "A Boom Along the Border", *New York Times*, 26 aug. 2004, W1 and W7.

Monbiot G., "Punitive - and It Works", *Guardian*, 11 jan. 2005, online edition.

Montpelerin website: <http://www.montpelerin.org/aboutmps.html>.

Murphy, D., "Chinese Province: Stinking, Filthy, Rich", *Wall Street Journal*, 27 oct 2004, B2C.

National Security Strategy of the United States of America website: www.whitehouse.gov/nsc/nss.

Peterson I., "As Land Goes To Revitalization, There Go the Old Neighbors", *New York Times*, 30 jan. 2005, 29 and 32.

Rosenthal E., "Workers Plight Brings New Militancy in China", *New York Times*, 10 mar 2003, A8.

Salerno J., "Confiscatory Deflation: The Case of Argentina", Ludwig von Mises Institute, <http://www.mises.org/fullstory.aspx?control/890>.

Sharapura S., "What Happened in Argentina?", *Chicago Business Online*, 28 may 2002, <http://www.chibus.com/news/2002/05/28/Worldview>.

Sharma S., "Stability Amidst Turmoil: China and the Asian Financial Crisis", *Asia Quarterly* (Winter 2000), www.fas.harvard.edu/~asiactr/haq/2000001/0001a006.htm.

Shi, Liu, "Current Conditions of China's Working Class", China Study Group, 3 nov. 2003, <http://www.chinastudygroup.org/index.php?action=article&type>.

Sommer J., "A Dragon Let Loose on the Land: And Shanghai is at the Epicenter of China's Economic Boom", *Japan Times*, 26 oct. 1994, 3.

Stevenson C., *Reforming State-Owned Enterprises: Past Lessons for Current Problems* (Washington, DC: George Washington University), <http://www.gwu.edu/~yellowrey/stevensonc.html>.

Townsend M. and P. Harris, "Now the Pentagon Tells Bush: Climate Change Will Destroy Us", *Observer*, 22 feb. 2004, online.

Treanor, P., "Neoliberalism: Origins, Theory, Definitions", <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neoliberalism.html>.

Warner J., "Why the World's Economy is Stuck on a Fast Boat to China", *The Independent*, jan. 24, 2004, 23.

Yardley J., "Chinese Appeal to Beijing to Resolve Local Complaints", *New York Times*, 10 mar. 2003, A3.

Yardley J., "Farmers Being Moved Aside by China's Real Estate Boom", *New York Times*, 8 dec. 2004, A1 and A16.

Yardley J., "In a Tidal Wave, China's Masses Pour from Farm to City", *New York Times*, sept. 12, 2004, Week in Review, 6.

Yardley J., "Rivers Run Black, and Chinese Die of Cancer", *New York Times*, 12 sept. 2004, A1 and A17.

Yasheng H. and T. Khanna, "Can India Overtake China?", *China Now Magazine*, 3 apr. 2004, www.chinanowmag.com/business/business.htm.

Книги и журнальные статьи

Amin S., "Social Movements at the Periphery" in P. Wignaraja (ed.), *New Social Movements in the South: Empowering the People* (London: Zed Books, 1993), 76–100.

Angell M., *The Truth About the Drug Companies: How They Deceive Us and What To Do About It* (New York: Random House, 2004).

Arendt H., *Imperialism* (New York: Harcourt Brace Janovich, 1968).

Armstrong P., A. Glynn, J. Harrison, *Capitalism Since World War II: The Marketing and Breaking of the Long Boom* (Oxford: Basil Blackwell, 1991).

Arrighi G. and B. Silver, *Chaos and Governance in the Modern World System* (Minneapolis: Minnesota University Press, 1999).

- Bales K., *Disposable People: New Slavery in the Global Economy* (Berkeley: University of California Press, 2000).
- Bartholomew A., J. Breakspear, "Human Rights as Swords of Empire", *Socialist Register* (London: Merlin Press, 2003), 124–45.
- Bello W., *Deglobalization: Ideas for a New World Economy* (London: Zed Books, 2002).
- Bello W., N. Bullard, K. Malhotra (editors), *Global Finance: New Thinking on Regulating Capital Markets* (London: Zed Books, 2000), 27–35.
- Benn T., *The Benn Diaries, 1940–1990*, ed. R. Winstone (London: Arrow, 1996).
- Blyth M., *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
- Boddy M., C. Fudge (eds.) *Local Socialism? Labour Council and New Left Alternatives* (London: Macmillan, 1984).
- Bond P., *Against Global Apartheid: South Africa Meets the World Bank, the IMF and International Finance* (London: Zed Books, 2003).
- Bond P., *Elite Transition: From Apartheid to Neoliberalism in South Africa* (London: Pluto Press, 2000). Id.
- Bond P., *Talk Left Walk Right: South Africa's Frustrated Global Reforms* (Scottsville, South Africa: University of Kwa-Zulu – Natal Press, 2004).
- Bond P., "US and Global Economic Volatility: Theoretical, Empirical and Political Considerations", paper presented to the Empire Seminar, York University, nov. 2004.
- Brecher J., T. Costello, B. Smith, *Globalization from Below: The Power of Solidarity* (Cambridge, Mass: South End Press, 2000).
- Brenner R., *The Boom and the Bubble: The US in the World Economy* (London: Verso, 2002).
- Cao L., "Chinese Privatization: Between Plan and Market", *Law and Contemporary Problems*, 63/13 (2000), 13–62.
- Cartier, C., *Globalizing South China* (Oxford: Basil Blackwell, 2001), particularly ch. 6.
- Cartier C., "Symbolic City /Regions and Gendered Identity Formation in South China", *Provincial China*, 8/1 (2003), 60–77.
- Cartier C., "Zone Fever. The Arable Land Debate and Real Estate Speculation: China's Evolving Land Use Regime and its Geographical Contradictions", *Journal of Contemporary China*, 10 (2001), 455–69.
- Chambers S. and W. Kymlicka (eds.), *Alternative Conceptions of Civil Society* (Princeton: Princeton University Press, 2001).
- Chandler D., *From Kosovo to Kabul: Human Rights and International Intervention* (London: Pluto Press, 2002).
- Chang H.-J., *Globalisation, Economic Development and the Role of the State* (London: Zed Books, 2003).

- Chibber V., *Locked in Place: State-Building and Late Industrialization in India* (Princeton: Princeton University Press, 2003).
- Chua A., *World on Fire: How Exposing Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability* (New York: Doubleday, 2003).
- Clarke S. (ed.) *The State Debate* (London: Macmillan, 1991).
- Corbridge S., *Debt and Development* (Oxford: Blackwell, 1993).
- Court J., *Corporateering: How Corporate Power Steals your Personal Freedom* (New York J. P. Tarcher /Putnam, 2003), 33–38.
- Cowan J., M.-B. Dembour, R. Wilson (eds.), *Culture and Rights: Anthropological Perspectives* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001).
- Dahl R. and C. Lindblom, *Politics, Economy and Welfare: Planning and Politic-Economic System Resolved into Basic Social Processes* (New York: Harper, 1953).
- Davis D., *Urban Leviathan: Mexico City in the Twentieth Century* (Philadelphia: Temple University Press, 1994).
- Derthick M. and P. Quirk, *The Politics of Deregulation* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 1985).
- Dicken P., *Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century*, 4th edition (New York: Guilford Press, 2003).
- Dixit A., *Lawlessness and Economics: Alternative Modes of Governance* (Princeton: Princeton University Press, 2004).
- Drury S., *Leo Strauss and the American Right* (New York: Palgrave Macmillan, 1999).
- Duménil G., D. Lévy, *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*, translated D. Jeffers (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004).
- Duménil G., D. Lévy, “The Economics of U.S. Imperialism at the Turn of the 21st Century”, *Review of International Political Economy*, 11/4 (2004), 657–76.
- Duménil G., D. Lévy, “Neoliberal Dynamics: Towards A New Phase?” in K. van der Pijl, L. Assassi D. Wigan (eds.), *Global Regulation: Managing Crises after the Imperial Turn* (New York: Palgrave Macmillan, 2004), 41–63.
- Duménil G., D. Lévy, “Neoliberal Income Trends: Wealth, Class and Ownership in the USA”, *New Left Review*, 30 (2004), 105–33.
- Edsall T., *The New Politics of Inequality* (New York: Norton, 1985).
- Edwards M., Hulme D., (eds.), *Non-Governmental Organizations: Performance and Accountability* (London: Earthscan, 1995).
- Eley G., *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000* (Oxford: Oxford University Press, 2000).
- Evans P., *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation* (Princeton: Princeton University Press, 1995).
- Fisher W., Ponniah T. (eds.), *Another Worlds is Possible: Popular Alternatives to Globalization at the World Social Forum* (London: Zed Books, 2003).

Fishman, T., *China Inc.: How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the Worlds* (New York: Scribner, 2005).

Fourcade-Gourinchas M. and S. Babb, "The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries", *American Journal of Sociology*, 108 (2002), 533–79.

Frank T., *One Market Under God: Extreme Capitalism, Market Populism and the End of Economic Democracy* (New York: Doubleday, 2000).

Frank T., *What's the Matter with Kansas: How Conservatives Won the Hearts of America* (New York: Metropolitan Books, 2004).

Freeman J., *Working Class New York: Life and Labor Since World War II* (New York: New Press, 2001).

George, S., *Another World is Possible IF ...* (London: Verso, 2003).

George, S., *A Fate Worse Than Debt* (New York: Grove Press, 1988).

George S., "A Short History of Neoliberalism: Twenty Years of Elite Economics and Emerging Opportunities for Structural Change" in Bello W., N. Bullard, K. Malhotra (eds.), *Global Finance: New Thinking on Regulating Capital Markets* (London: Zed Books, 2000), 27–35.

Gill L., *Teetering on the Rim* (New York: Columbia University Press, 2000).

Gills B. (ed.), *Globalization and the Politics of Resistance* (New York: Palgrave, 2001).

Gowan P., *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance* (London: Verso, 1999).

Gramsci A., *Selections from the Prison Notebooks*, trans. Q. Hoare and G. Nowell Smith (London: Lawrence & Wishart, 1971).

Gray J., *False Dawn: The Illusions of Global Capitalism* (London: Granta Press, 1998).

Greenberg M., "The Limits of Branding: The World Trade Center, Fiscal Crisis and the Marketing of Recovery", *International Journal of Urban and Regional Research*, 27 (2003), 386–416.

Haggard S. and R. Kaufman (eds.), *The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts and the State* (Princeton: Princeton University Press, 1992).

Hale D. and Hale L., "China Takes Off", *Foreign Affairs*, 82/6 (2003), 36–53.

Hall P., *Governing the Economy: The Politics of State Intervention in Britain and France* (Oxford: Oxford University Press, 1986).

Hall S., *Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left* (New York: Norton, 1988).

Harloe M., C. Pickvance, J. Urry (eds.), *Place, Policy and Politics: Do Localities Matter?* (London: Unwin Hyman, 1990).

Hart-Landsberg M. and P. Burkett, *China and Socialism: Market Reforms and Class Struggle* (New York, 2004; *Monthly Review*, 56/3).

Harvey D., "The Art of Rent: Globalization, Monopoly and the Commodification of Culture", *Socialist Register* (2002), 93–110.

Harvey D., *The Condition of Postmodernity* (Oxford: Basil Blackwell, 1989).

Harvey D., "Cosmopolitanism and the Banality of Geographical Evils", in Comaroff J. and J. Comaroff, *Millennial Capitalism and the Culture of Neoliberalism* (Durham, NC: Duke University Press, 2000), 271–310.

Harvey D., "From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation of Urban Governance in Late Capitalism", in id., *Spaces of Capital* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001), ch. 16.

Harvey, *The Limits to Capital* (Oxford: Basil Blackwell, 1982).

Harvey D., *The New Imperialism* (Oxford: Oxford University Press, 2003).

Harvey D., "The Right to the City", in R. Scholar (ed.), *Divided Cities: Oxford Amnesty Lectures 2003* (Oxford: Oxford University Press, forthcoming).

Harvey D., *Spaces of Hope* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001).

Hayter T. and D. Harvey (eds.), *The Factory in the City* (Brighton: Mansell, 1995).

Healy D., *Let Them Eat Prozac: The Unhealthy Relationship Between the Pharmaceutical Industry and Depression* (New York: New York University Press, 2004).

Held D., *Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus* (Cambridge: Polity, 2004).

Henderson J., "Uneven Crises: Institutional Foundation of East Asian Turmoil", *Economy and Society*, 28/3 (1999), 327–68.

Henderson, "Uneven Crises"; Stiglitz, *Globalization and its Discontent*, 99.

Henwood D., *After the New Economy* (New York: New Press, 2003), 208.

Hofstadter R., *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1996).

Holloway J. and E. Pelaez, *Zapatista: Reinventing Revolution* (London: Pluto, 1998).

Jensen D., *The Culture of Make Believe* (New York: Context Books, 2002).

Jessop B., "Liberalism, Neoliberalism, and Urban Governance: A State-Theoretical Perspective", *Antipode*, 34/2 (2002), 452–72.

Juhasz A., "Ambitions of Empire: The Bush Administration Economic Plan for Iraq (and Beyond)", *Left Turn Magazine*, 12 (feb./mar. 2004), 27–32.

Kaldor M., *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era* (Cambridge: Polity, 1999).

- Kaplan R., *The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War* (New York: Vintage, 2001).
- King D., *The Liberty of Strangers: Making the American Nation* (New York: Oxford University Press, 2004).
- Koolhaas R., *Delirious New York* (New York: Monacelli Press, 1994).
- Krasner S. (ed.), *International Regimes* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983).
- Krugman P., *The Great Unravelling: Losing Our Way in the Twentieth Century* (New York: Norton, 2003).
- Lardy N., *China's Unfinished Economic Revolution* (Washington, DC" Brookings Institution, 1998).
- Lee C.K., *Gender and the South China Miracle* (Berkeley: University of California Press, 1998).
- Lee, S.K. "Made in China: Labor as a Political Force?", panel statement, 2004 Mansfield Conference, University of Montana, Missoula, 18–20 apr. 2004.
- Li S.-M. and W.-S. Tang, *China's Regions, Polity and Economy* (Hong Kong: Chinese University Press, 2000).
- Lomnitz-Adler C., "The Depreciation of Life During Mexico City's Transition into "The Crisis"", in Schneider J. and I. Susser (eds.), *Wounded Cities* (New York: Berg, 2004), 47–70.
- Lu M., Fan J., Liu S., Yan Y. "Employment Restructuring During China's Economic Transition", *Monthly Labor Review*, 128/8 (2002), 25–31.
- Luders R., "The Success and Failure of the State-Owned Enterprise Divestitures in a Developing Country: The Case of Chile", *Journal of World Business* (1993), 98–121.
- Lyotard J.-F., *The Postmodern Condition* (Manchester: Manchester University Press, 1984).
- McCarney, P., and R. Stren, *Governance on the Ground: Innovations and Discontinuities in the Cities of the Developing World* (Princeton: Woodrow Wilson Center Press, 2003).
- MacLeod D., *Downsizing the State: Privatization and the Limits of Neoliberal Reform in Mexico* (University Park: Pennsylvania University Press, 2004).
- Mann J., *The Rise of the Vulcans: The History of Bush's War Cabinet* (New York: Viking Books, 2004).
- Martin R., *The Financialization of Daily Life* (Philadelphia: Temple University Press, 2002).
- Marx K., *Capital*, volumes i and iii, (New York: International Publishers, 1967).
- Marx K., *Theories of Surplus Value*, pt. 2 (London: Lawrence & Wishart, 1969).

Megginson W., J. Netter, "From State to Market: A Survey of Empirical Studies of Privatization", *Journal of Economic Literature* (2001), online.

Mertes T. (ed.) *A Movement of Movements* (London: Verso, 2004).

Miliband R., *The State in Capitalist Society* (New York: Basic Books, 1969).

Mittelman J., *The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance* (Princeton: Princeton University Press, 2000).

Muhleisen M. and C. Towe (eds.), *US Fiscal Policies and Priorities for Long-Run Sustainability*, Occasional Paper 227 (Washington, DC: International Monetary Fund, 2004).

Myers N., *Ultimate Security: The Environmental Basis of Political Stability* (New York: Norton, 1993).

Myers N., *The Primary Resource: Tropical Forests and Our Future /Updated for the 1990s* (New York: Norton, 1993).

Nash J., *Mayan Visions: The Quest for Autonomy in an Age of Globalization* (New York: Routledge, 2001).

Navarro V., "Development as Quality of Life: A Critique of Amartya Sen's Development as Freedom", in id (ed.), *The Political Economy of Social Inequalities*, 13–26.

Navarro V. (ed.) *The Political Economy of Social Inequalities: Consequences for Health and the Quality of Life* (Amityville, NY: Baywood, 2002).

Navarro V. and C. Muntaner, *Political and Economic Determinants of Population Health and Well-Being* (Amityville, NY: Baywood, 2007).

Novacek M. (ed), *The Biodiversity Crisis: Losing What Counts* (New York: American Museum of Natural History, 2001).

Nozick M., *Anarchy, State and Utopia* (New York: Basic Books, 1977).

Ohmae K., *The End of the Nation State: The Rise of the Regional Economies* (New York: Touchstone Press, 1996).

Panitch L. and S. Gindin, "Finance and American Empire", in *The Empire Reloaded: Socialist Register 2005* (London: Merlin Press, 2005) 46–81.

Peck J., "Geography and Public Policy: Constructions of Neoliberalism", *Progress in Human Geography*, 28/3 (2004), 392–405.

Peck J., Tickell A., "Neoliberalizing Space", *Antipode*, 34/2 (2002), 380–404.

Petras J. and H. Veltmeyer, *System in Crisis: The Dynamics of Free Market Capitalism* (London: Zed Books, 2003).

Piketty T., E. Saez, "Income Inequality in the United States, 1913–1998", *Quarterly Journal of Economics*, 118 (2003), 1–39.

Piore M., and C. Sable, *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity* (New York: Basic Books, 1986).

Polanyi K., *The Great Transformation* (Boston: Beacon Press, 1954).

Pollin R., *Contours of Descent* (London: Verso, 2003).

Poulantzas N., *State Power Socialism*, trans. P. Camiller (London: Verso, 1978).

Prasad, E., (ed.), *China's Growth and Integration into the World's Economy: Prospects and Challenges*, Occasional Paper 232 (Washington, DC: International Monetary Fund, 2004).

Rapley J., *Globalization and Inequality: Neoliberalism's Downward Spiral* (Boulder, Col.: Lynne Reiner, 2004).

Rees G. and J. Lambert, *Cities in Crisis: The Political Economy of Urban Development in Post-War Britain* (London: Edward Arnold, 1985).

Robinson W., *A Theory of Global Capitalism: Production, Class, and State in a Transnational World* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004).

Rodrik D., *The Global Governance of Trade: As If Development Really Mattered* (New York, United Nations Development Program, 2001).

Rosenblum N. and R. Post (eds.), *Civil Society and Government* (Princeton: Princeton University Press, 2001).

Ross A., *Low Pay High Profile: The Global Push for Fair Labor* (New York: The New Press, 2004).

Roy, A., *Power Politics* (Cambridge, Mass.: South End Press, 2001).

Sachs J., "New Global Consensus on Helping the Poorest of the Poor", *Global Policy Forum Newsletter*, 18 apr. 2000.

Seabrook J., *In the Cities of the South: Scenes from a Developing World* (London: Verso, 1996).

Sen A., *Development as Freedom* (New York: Knopf, 1999).

Smith N., *American Empire, Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization* (Berkeley: University of California Press, 2003).

Smith N., *The Endgame of Globalisation* (New York: Routledge, 2005).

Soederberg S., *Contesting Global Governance in the South: Debt, Class, and the New Common Sense in Managing Globalisation* (London: Pluto Press, 2005).

Soederberg S., "The New International Financial Architecture: Imposed Leadership and 'Emerging Markets'", *Socialist Register* (2002), 175—92.

Soros G., *George Soros on Globalization* (New York: Public Affairs, 2002).

Soros G., *The Bubble of American Supremacy: Correcting the Misuse of American Power* (New York: Public Affairs, 2003).

Stedile J., "Brazil's Landless Battalions" in T. Mertes (ed.), *A Movement of Movements* (London: Verso, 2004).

Stiglitz J., *Globalization and its Discontents* (New York: Norton, 2002).

Stiglitz J., *The Roaring Nineties* (New York: Norton, 2003).

- Tabb W., *The Long Default: New York City and the Urban Fiscal Crisis* (New York: Monthly Review Press, 1982).
- Task Force on Inequality and American Democracy, *American Democracy in an Age of Rising Inequality* (American Political Science Association, 2004).
- Toussaint E., *Your Money or Your Life: The Tyranny of Global Finance* (London: Pluto Press, 2003).
- United Nations Development Program, *Human Development Report, 1996* (New York: Oxford University Press, 1996).
- United Nations Development Program, *Human Development Report, 1999* (New York: Oxford University Press, 1999).
- United Nations Development Program, *Human Development Report, 2003* (New York: Oxford University Press, 2003).
- Valdez J., *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile* (New York: Cambridge University Press, 1995).
- Vasquez I., "The Brady Plan and Market-Based Solutions to Debt Crises", *The Cato Journal*, 16/2 (online).
- Wade R., *Governing the Market* (Princeton: Princeton University Press, 1992).
- Wade R. and F. Veneroso, "The Asian Crisis: The High Debt Model versus the Wall Street - Treasury - IMF Complex", *New Left Review*, 228 (1998), 3-23.
- Wallace T., "NGO Dilemmas: Trojan Horses for Global Neoliberalism?", *Socialist Register* (2003), 202-19.
- Walton J., "Urban Protest and the Global Political Economy: The IMF Riots", in Smith M. and J. Feagin (eds.), *The Capitalist City* (Oxford: Blackwell, 1987), 354-86.
- Wang H., *China's New Order: Society, Politics and Economy in Transition* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2003), 44.
- Wei L., *Regional Development in China* (New York: Routledge/Curzon, 2000).
- Weisbrot M., D. Baker, E. Kraev, J. Chen, "The Scorecard on Globalization 1980-2000: Its Consequences for Economic and Social Well-Being", in Navarro V, and C. Muntaner, *Political and Economic Determinants of Population Health and Well-Being* (Amityville, NY: Baywood, 2004), 91-114.
- Wignaraja P. (ed.), *New Social Movements in the South: Empowering the People* (London: Zed Books, 1993).
- Williams R., *Culture and Society, 1780-1850* (London: Chatto & Windus, 1958), 118.
- Woo-Cummings M. (ed.), *The Developmental State* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1999).
- Woo-Cummings M., *South Korean Anti-Americanism, Japan Policy Research Institute Working Paper 93* (July 2003).

World Bank, *World Development Report 2005: A Better Investment Climate for Everyone* (New York: Oxford University Press, 2004).

World Commission on the Social Dimension of Globalization, *A Fair Globalization: Creating Opportunities for All* (Geneva, International Labour Office, 2004).

Wright M., "The Dialectics of Still Life: Murder, Women and the Maquiladoras", *Public Culture*, 11 (1999), 453–74.

Wu X. and J. Perloff, *China's Income Distribution Over Time: Reasons for Rising Inequality*, CUDARE Working Papers 977 (Berkeley: University of California at Berkeley, 2004).

Yergin D. and J. Stanislaw, *The Commanding Heights: The Battle between Government and Marketplace that is Remaking the Modern World* (New York: Simon & Schuster, 1998).

Yew, L. K., *From Third World to First: The Singapore Story, 1965–2000* (New York: HarperCollins, 1999).

Zakaria F., *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad* (New York: Norton, 1998).

Zergan J., *Future Primitive and Other Essays* (Brooklyn, NY: Autonomedia, 1994).

Zevin R., "New York City Crisis: First Act in a New Age of Reaction", in Alcalay R., D. Mermelstein (eds.), *The Fiscal Crisis of American Cities: Essays on the Political Economy of Urban America with Special Reference to New York* (New York: Vintage Books, 1977) 11–29.

Zhang Z., "Mediating Time: The 'Rice Bowl of Youth' in Fin-de-Siecle Urban China", *Public Culture*, 12/1 (2000), 93–113.

Zhang Z., *Strangers in the City: Reconfiguration of Space, Power, and Social Networks within China's Floating Population* (Stanford: Stanford University Press, 2001).

Zhang Z., *Whither China? Intellectual Politics in Contemporary China* (Durham, NC: Duke University Press, 2001).

БЛАГОДАРНОСТИ

ОБЛАДАТЕЛЯМ АВТОРСКОГО ПРАВА НА РИСУНКИ

Рис. 4.1, 4.3, 4.4 и 4.5 воспроизводятся с любезного разрешения Guilford Press. Они взяты из книги P. Dicken, *Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century*. 4th ed., 2003.

Рис. 1.3 воспроизводятся с любезного разрешения MIT Press Journals. Он взят из статьи Thomas Piketty and Emmanuel Saez, "Income Inequality in the United States, 1913–1988". *The Quarterly Journal of Economics*, 118:1 (February, 2003).

Рис. 5.2 воспроизводятся с любезного разрешения J. Perloff из работы Wu X and Perloff J., *China's Income Distribution over Time: Reasons for Rising Inequality*. CUDARE Working Papers 977.

Рис. 1.6 воспроизводятся с любезного разрешения Verso Press из книги R. Pollin, *Contours of Descent*, 2003.

Рис. 1.4, 1.7, 1.8, 1.9 и 7.1 воспроизводятся с любезного разрешения Gérald Duménil. Они также доступны на сайте <http://www.cebremap.ens.fr/levy>

Рис. 1.2, 1.5 и 6.2 воспроизводятся с любезного разрешения издателя книги *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution* by Gérald Duménil and Dominique Lévy. Перевод Derek Jeffers, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, Copyright © 2004 by the President and Fellows of Harvard College.

Рис. 4.2. воспроизводятся с любезного разрешения Blackwell Publishing из книги S. Corbridge, *Debt and Development*, 1993.

ДЭВИД ХАРВИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

АКТУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Перевод с английского *Н. Брагина*

Художественное оформление: *Е. Амитон*

Редактор *Л. Миранова*

Корректор *О. Иванова*

Верстка *Е. Щербакóва*

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовых закупок обращаться
по тел./факс: (495) 788-72-10
или на e-mail: info@pokolenie.ru

ООО Издательство «Поколение»

127549, Москва, ул. Пришвина, 8/1. Тел./факс (495) 788-72-10
www.pokolenie.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.10.06 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура «NewBaskervilleC».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 4608009

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.